

Руслан
СКРЫННИКОВ

Иван III

*После освобождения от татарщины Иван III
находился на вершине славы*

Историческая библиотека

Руслан
СКРЫННИКОВ

Иван III

Digitized by Dok-57

ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)44-8
С45

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать 14.02.06. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 2706

Скрынников, Р.Г.

С45 Иван III / Руслан Скрынников. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 285, [3] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-033263-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2144-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9587-3862-4 (ООО «Транзиткнига»)

Иван III.

Внук Дмитрия Донского.

Избавитель Московского государства от татарского ига...

Собиратель земель русских...

Кем он был?

«Зловещей личностью», как называют его некоторые ученые?

Или выдающейся исторической фигурой, сыгравшей особую роль в истории России?

На эти и другие вопросы дает ответ книга известного российского ученого Руслана Григорьевича Скрынникова.

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)44-8

© Р.Г. Скрынников, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусское государство достигло высшего могущества к XI—XII вв., а затем распалось под ударами кочевников. Северо-Восточная Русь была покорена монгольскими завоевателями и несколько столетий оставалась под властью монгольской империи — Золотой Орды. Земли Южной и Западной Руси были завоеваны литовцами и поляками.

В 1380 г. князь Дмитрий Донской разгромил татар в битве на Куликовом поле, но ему не удалось вернуть Руси независимость и былое могущество. Решение этой задачи выпало на долю других исторических деятелей. Одно из первых мест в этой плеяде принадлежало внуку Дмитрия Донского Ивану III. Биография этого человека до сих пор не написана. Кем он был? «Зловещей личностью», как называют его некоторые современные ученые? Или выдающейся исторической фигурой, сыгравшей особую роль в истории России?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к историческим источникам и сопоставим их для оценки достоверности.

Время безжалостно истребило архивы времени Ивана III. Но сколь богаты были сами эти архивы?

Внутренний мир русских людей невозможно воссоздать без дневников, писем и воспоминаний современников. Однако в XV в. русские люди не вели дневников и не испытывали потребности в том, чтобы раскрыть себя перед миром. Жанр воспоминаний появился в России лишь после петровских преобразований.

МОСКОВСКАЯ ДИНАСТИЯ

Иван III был членом московской династии, основанной Иваном I Даниловичем, внуком князя Александра Невского. Крохотное удельное княжество Московское было со всех сторон стеснено великими княжествами Тверским, Рязанским, Владимирским, Новгородской землей. Со временем Москва подчинила себе все эти земли.

Историки высказывали удивление по поводу «таинственных исторических сил, работавших над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования». Полагают, что возвышению Москвы способствовало выгодное положение на перекрестке торговых путей. Однако нетрудно заметить, что положение Твери на волжском торговом пути было не менее выгодным. Одолевая своих противников с помощью татар, Москва сама превратилась в орудие Монгольской империи. Разгром Твери монголами с помощью московских войск нанес огромный ущерб общерусским интересам. Иван Калита добился «великой тишины» — временного прекращения татарских набегов. Но московское «замирение» надолго упрочило ордынское господство.

Разруха, воцарившаяся в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия, постепенно была преодолена. Медленно, но неуклонно росла численность народонаселения. Обезлюдившие города и деревни поднимались из пепла. Быстрое возвышение Москвы задерживало процесс дробления Северо-Восточной Руси, позволяло собирать «дробившиеся части в нечто целое».

В народе Иван I получил прозвище Калита, что означало «денежный мешок». Доверяя московскому князю, хан предоставил ему право собирать дань со всей Руси и доставлять ее в Орду. Дань стала средством обогащения московской казны. Московские государи не щадили сил и не стесняясь использовали подкуп, обман, насилие, чтобы расширить свои владения. Эти князья, лишенные таланта и отличавшиеся устойчивой посредственностью, вели себя как мелкие хищники и скопидомы (В.О. Ключевский).

Наблюдения В.О. Ключевского оказали глубокое влияние на русскую историческую мысль. А.Е. Пресняков сосредоточил внимание на формировании основ новой государственности при ближайших преемниках Ивана Калиты, на собирании власти московскими великими князьями.

Понятие «собирание власти» не вполне точно отражает факт завоевания Москвой различных, не принадлежавших ей земель. На первых порах эти завоевания не имели важных исторических последствий. Ожесточенная борьба между Москвой и Тверью ускорила распад Северо-Восточной Руси. Подле великих княжеств Владимирского, Тверского и Московского образовалось Нижегородско-Суздальское великое княжество (1341). Ростовское, Ярославское и Стародубское княжества распались на множество удельных княжеств.

Начальные успехи Москвы не заключали в себе ничего загадочного. Московское княжество избежало дробления, подорвавшего мощь других великих княжеств Руси. Помимо объективных причин, возвышению Москвы благоприятствовали случайные моменты: низкая рождаемость в семье князя Ивана I и смертоносное действие чумы. Эпидемия унесла жизнь сначала старшего сына Ивана I Семена Гордого и его детей, а затем второго сына Ивана II Красного. Будущее династии сосредоточилось на сыне Ивана II Дмитрии. Княжич стал великим князем в 9 лет. Правителем при нем был, как полагают, митрополит Алексей, который при помощи игумена Сергия Радонежского воздвиг на Руси здание православной теократии — строя, обеспечивавшего господство церкви (Л.Н. Гумилев). Такая оценка легендарна. Византийские источники сообщают, что Иван Красный перед смертью назначил опекуном сына и правителем страны митрополита Алексея. Но византийцы получили информацию от посланцев самого Алексея, придерживавшихся тенденциозной версии. Алексей был митрополитом Киевским и всея Руси, когда древняя церковная столица Руси попала под власть Литвы. Алексей отправился в Киев для упорядочения церковных дел, там был арестован и длительное время содержался в темнице. Как раз в это время в Москве умер Иван II. В его завещании не упомянуто даже имя Алексея.

В московском самодержавии ищут черты восточной деспотии. Батыево нашествие, объединение русских земель и политическая централизация привели, как полагают, к переустройству системы землевладения: верховным собственником земли в пределах Московского княжества де-факто стал великий князь, и он на практике мог

распоряжаться землею, невзирая на наследственные права вотчинников (В.М. Панеях).

В действительности монгольское нашествие не изменило основ общественного строя Руси. Права русских бояр были широкими, и их основу составляла частная земельная собственность — вотчины. Бояре имели право «думать» (принимать решения) вместе с князем, а также покинуть княжество и «отъехать» к другому князю, сохранив свои вотчины. Межкняжеские договоры неизменно повторяли формулу: «А боярам и слугам межи нас вольным воля». Опалы, сопровождавшиеся конфискацией вотчин, были исключением.

Характерной чертой восточных деспотий была собственность государства на все земли. В Московской Руси периода раздробленности господствовала вотчинная собственность.

Татарское иго, выплата ежегодной дани, внутренние усобицы ослабляли власть московского князя и закрепляли его зависимость от аристократии.

Правителями Московского княжества были не «теократы» Алексей или Сергей, а московские великие бояре.

Время великого князя Дмитрия Ивановича с полным правом называют золотым веком боярства. По словам летописи, Дмитрий советовал своим сыновьям править государством в согласии с боярами: «И боляры своя любите, честь им достойную воздавайте, противу служению их, без совета их ничто же не творите». В прощальной речи к боярам великий князь сказал: «Великое княжение свое вельми укрепих... «отчину» свою с вами соблюдах... И вам честь и любовь даровах... И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекошеся у мене боляре, но князи земли моей...» Сочиненные много позже речи, при всех их

риторических красотах и преувеличениях, достаточно верно отражали характер взаимоотношений великого князя и его бояр.

По временам великим князьям не удавалось избежать раздора с «правителями земли», что приводило к кровавым драмам. При жизни Семена Гордого боярин Алексей Хвост затеял интригу в пользу удельного князя Ивана. Семен наказал боярина и запретил братьям принимать его в уделы. Когда Иван II занял великокняжеский престол, он тотчас поставил боярина Хвоста на пост тысяцкого — главы столичной «тысячи» воинов. Московские бояре, вершившие дела при Семене Гордом, не пожелали уступить первенство Хвосту. Они убили его и бросили труп посреди Кремля. Инициатор заговора Василий Васильевич Вельяминов принужден был после гибели тысяцкого бежать в Орду.

Татарское нашествие привело к тому, что старая знать, происходившая от варяжских дружинников, исчезла с лица земли. Бояре Вельяминовы принадлежали к числу немногих уцелевших норманнских родов. Предок Василия Протасий Вельяминов обосновался в Москве при Данииле Александровиче. При Иване Даниловиче Калите занял пост тысяцкого. В том же чине служили его сын Василий и внук Василий Васильевич, тысяцкий Семена Гордого.

Московский митрополит Алексей, происходивший из знатного боярского рода Бяконтов, позаботился о том, чтобы потушить вспыхнувший при дворе конфликт. Благодаря его ходатайству Вельяминов смог вернуться в Москву и вновь занял одно из первых мест в Боярской думе. Вскоре он породнился с великокняжеской семьей, женив великого князя Дмитрия и своего сына Микулу на

родных сестрах. Когда тысяцкий В.В. Вельяминов умер, Дмитрий Иванович, тяготившийся опекой старых бояр, упразднил должность тысяцкого, после чего сын умершего И. Вельяминов бежал в Тверь, а оттуда в Орду.

С XIV в. все большую роль в истории Восточной Европы начинает играть Литовское великое княжество, подчинившее себе Белую Русь. При князе Ольгерде (1345—1377) литовцы захватили историческое ядро Руси — Чернигов, Киев и Переяславль, а также большую часть Владимиро-Волынского княжества. Для западных и южных русских земель присоединение к Литве сулило освобождение от татарской власти. (А.Е. Пресняков). В 1362 г. Ольгерд нанес поражение татарам в битве у Синих Вод, в результате чего население Киевского и Черниговского княжеств, а также Волыни перестало платить дань Орде.

Литва превратилась в Литовско-Русское государство. Подавляющую часть его населения составляли русские люди, а государственным языком Литвы был русский язык.

Отстояв независимость от татар, литовские князья получили большие преимущества. Отныне они претендовали на то, чтобы объединить под своей властью всю Русь. Однако литовская экспансия на восток натолкнулась на сопротивление Москвы. Попытки сокрушить военную мощь Московского княжества стали особенно настойчивыми в середине XIV в. Важную роль в назревавшем конфликте играла Тверь.

В 1368 г. князь Дмитрий пригласил в Москву тверского князя Михаила Александровича. Положившись на обещания митрополита, Михаил прибыл в Москву, где его бросили в тюрьму, а затем продиктовали условия мира.

Навязанный Твери мир оказался непрочным. Тотчас по возвращении в Тверь Михаил обратился за помощью в Литву. Вскоре же Ольгерд во главе литовских, тверских и смоленских полков вторгся в пределы Московского княжества. Застигнутый врасплох князь Дмитрий не успел собрать значительного войска. Высланный им под Волоколамск сторожевой полк был разгромлен на реке Тросна ратью Ольгерда 21 ноября 1368 г. Князь Дмитрий затворился в недавно отстроенном каменном Кремле. Литовцы три дня стояли у стен крепости, а затем отступили, подвергнув страшному разорению московскую округу.

Тверской князь Михаил пытался вовлечь в войну с Москвой не только литовцев, но и татар. В 1370 г. он ездил в Орду к эмиру Мамаю и получил от него ярлык на великое княжество Владимирское. Но Дмитрий отказался подчиниться Орде и не пустил Михаила Тверского во Владимир. Тогда Тверь во второй раз призвала на помощь литовцев. В течение двух дней Ольгерд безуспешно пытался взять Волоколамск, а затем восемь дней осаждал Москву. Второй поход на Москву завершился тем, что противники заключили перемирие на полгода.

Вернувшись из похода, Михаил Тверской снова отправился к Мамаю и вернулся на Русь с ярлыком в сопровождении татарского посла Сарыхожи. Дмитрий Иванович и на этот раз отказался подчиниться воле Мамая, но принял Сарыхожу в Москве и осыпал подарками. Чтобы избежать полного разрыва с Мамаем, князь Дмитрий вынужден был отправиться на поклон к нему в Сарай. Истратив огромные суммы денег, он вернул ярлык на великое княжество.

В июне 1372 г. Ольгерд и Михаил Тверской предприняли новый поход на Москву. На этот раз князь Дмитрий

успел хорошо подготовиться к войне. Многочисленное московское войско встретило противника близ южной границы под Любутском. Несколько дней рати стояли друг против друга, а затем разошлись в разные стороны. Мирное соглашение завершило длительную и трудную войну.

Как и в 1368 г., Москва пустила в ход всевозможные ухищрения, чтобы навязать Твери свои условия мира. Московские послы заплатили татарам неслыханную сумму «тму рублей» (10 000) за княжича Ивана, наследника тверского князя, оставленного отцом в Орде в качестве заложника после получения ярлыка на великое княжение. В конце 1372 г. княжича привезли в Москву и стали «держати в ыстоме» на митрополичьем дворе. Михаилу Тверскому пришлось покориться. Мир был подписан, а княжич Иван отпущен к отцу.

В начале правления Дмитрий придерживался политики подчинения Орде, традиционной со времен Александра Невского и Ивана I Калиты. Однако как только в Орде начались междоусобицы и смута, Русь попыталась избавиться от чужеземного ига. В 1374 г. в Нижнем Новгороде народ перебил татарских послов с отрядом в 1000 человек. Москва немедленно послала на границу свои войска. При посредничестве митрополита Алексея и посланца константинопольского патриарха Киприана русские князья составили коалицию и стали готовиться к войне с Мамаем, правителем Орды. Основой коалиции явился союз между Москвой, Тверью и Рязанью. Крушение коалиции началось после того, как в Твери появился беглый московский боярин И. Вельяминов. Он поведал тверскому князю Михаилу о раздорах в Москве и склонил к войне с князем Дмитрием. Литва и татары обещали Михаилу

ду военную помощь. Вельяминов отправился в Орду, после чего хан передал ярлык на владимирский престол тверскому князю. Получив ярлык, Михаил тотчас послал рать на московскую границу. Он явно переоценил свои силы. В 1375 г. войска десятка русских княжеств, собранные, по-видимому, для войны с Ордой, обрушились на Тверь. После месячной осады Твери Михаил признал свое поражение и объявил о возвращении в состав антиордынской коалиции. Боярин И. Вельяминов, будучи в Орде, именовав себя московским тысяцким. Князь Дмитрий нашел случай отомстить ему за интриги. Боярина хитростью заманили на Русь, схватили и обезглавили.

В 1378 г. полки Московского и Рязанского княжеств нанесли поражение татарам на реке Воже в пределах Рязанского княжества. Правителю Орды надо было либо отказаться от богатого русского улуса, либо обрушить на Русь сокрушительный удар, чтобы увековечить татарскую власть.

В Орде эмир Мамай имел серьезного противника в лице хана Тохтамыша, подчинившего себе среднеазиатские владения империи. Тем не менее под властью Мамай оставались обширные территории от Нижней Волги до Крыма и Северного Кавказа.

Золотая Орда представляла собой сложный конгломерат кочевых племен и народностей. Монгольские племена, приведенные на Волгу Батыем, по-прежнему составляли ядро ее военных сил. Но основным населением ордынских степей были половцы. Завоеватели сохранили власть над половцами, но приняли их культуру. В качестве государственного языка в Орде в конце XIV в. стал использоваться половецкий.

Русь вступила в войну с Ордой в неблагоприятных условиях. Против нее объединились два наиболее сильных

противника — татары и литовцы. Орда Мамаю придвинулась к русской границе. На помощь ему шел литовский великий князь Ягайло с литовско-русскими полками. Дмитрий Иванович решил отправиться в ордынскую степь, чтобы сразиться с татарами до их соединения с Ягайло. Ему удалось осуществить свой план.

Когда началась война, антиордынская коалиция окончательно распалась. Главные союзники Тверь и Нижний Новгород бросили Москву на произвол судьбы, а Рязань переметнулась на сторону татар. Лишь два небольших княжества — Ростовское и Ярославское — прислали на помощь князю Дмитрию свои дружины. Эти княжества, пережившие дробление, находились в сфере московского влияния. Представление об участии в войне до полу-миллиона ратников с обеих сторон сильно преувеличено. Москва едва ли могла выставить против Мамаю более двадцати — тридцати тысяч человек. Численное превосходство было на стороне татар.

В конце лета 1380 г. князь Дмитрий Иванович отправился в поход на татар. Проложив путь в 200 км от Коломны до Дона, русская рать на рассвете 8 сентября 1380 г. под покровом густого тумана переправилась за Дон и выстроилась в боевом порядке между Доном и рекой Непрядвой.

Подойдя с юга, Мамай разбил ставку на вершине Красного холма, господствовавшего над местностью. Поле заметно понижалось к северу, что благоприятствовало атакующим. Но Дмитрий Иванович и воевода Дмитрий Боброк Волынский расположили войска, умело используя особенности местности. Слева поле пересекал овраг реки Смолка, справа — речка Нижний Дубяк. Татары не смогли применить свою излюбленную тактику охвата флангов русской армии.

Русские воеводы понимали, что сеча будет кровавой и победит тот, кто сохранит больше сил. Великий князь пошел на риск. Подчинив Боброку значительные силы, он велел ему укрыться в засаде в зеленой дубраве на левом фланге. Соотношение сил в первой линии стало еще более неблагоприятным для русских.

Когда туман над полем Куликовым рассеялся, Мамай бросил свою конницу в атаку на русские полки. Считается, что битва началась с традиционного богатырского поединка. Из русских рядов выехал инок Пересвет, из татарских — пятисаженный «злой печенег». Богатыри ударили друг друга копьями, и оба пали замертво. Пересвет — историческая личность. В старину любая битва после сближения армий распадалась на множество поединков. В одном из таких поединков и сложил голову Пересвет.

В Древней Руси случалось, что бою небольших сил предшествовал поединок. Когда храбрый князь Мстислав победил князя Редедю Касожского, касоги ушли с поля боя, не вступая в сражение. Поединок терял смысл в битвах с участием больших масс войск. Состязание между богатырями уступало место столкновению сторожевых отрядов.

Героем первой схватки с татарами был не Пересвет, а великий князь Дмитрий Иванович, выехавший навстречу татарам во главе сторожевого войска. Что могло побудить главнокомандующего русским войском к такому безрассудному риску? Известно, что при виде надвигающихся ордынских полчищ бояре настойчиво советовали Дмитрию поскорее покинуть передовую линию. 29-летний князь отверг их совет.

Замечание, мимоходом оброненное новгородским летописцем, вполне объясняет его поведение. Когда Мама-

евы полчища облегли поле и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, многих новобранцев охватили неуверенность и страх, а некоторые из них стали пятиться и «на беги обратишася». Тогда-то Дмитрий Иванович и возглавил атаку. Чутье полководца подсказало ему, что исход битвы будет зависеть от того, удастся ли воодушевить дрогнувших «небывальцев» (новобранцев) и одновременно сбить наступательный порыв врага.

В «Сказании о Мамаевом побоище», составленном в стенах Троице-Сергиева монастыря, можно прочесть, что великий князь Дмитрий перед сражением сложил с себя обязанности главнокомандующего. Он «съвлече с себя приволоку царскую» — великокняжеский наряд и велел возложить свою одежду на любимого боярина Бренка, которому передал также своего коня. Дмитрий Иванович велел свое «чермное» — красное знамя «над ним (Бренком) возити». Приведенный рассказ вполне легендарен.

Троицкий монах — автор «Сказания о Мамаевом побоище» — ставил целью возвеличить удельного князя Владимира Андреевича, на земле которого располагался Троице-Сергиев монастырь. Составитель «Сказания» утверждал, будто в первой же схватке с татарами великий князь был тяжело ранен и пролежал в беспмятстве под срубленной березой до самого конца битвы. Лишившись предводителя, армия обрела нового вождя в лице Владимира Андреевича. Он возглавил атаку засадного полка, разгромил татар, после чего отыскал едва живого Дмитрия Донского в перелеске.

В действительности князь Дмитрий не был ранен и до конца битвы оставался под великокняжеским стягом посреди своей рати.

Легкая половецкая конница в течение трех часов упорно, раз за разом устремлялась в атаку на русские полки. Потери были огромные с обеих сторон. Наконец Мамай ввел в сражение свой последний резерв — тяжеловооруженную монгольскую конницу. Монголы смяли русских и рассекли их боевые порядки. Великокняжеский стяг, стоявший позади полка, был подрублен, воевода Михаил Бренк, охранявший стяг, убит.

В критический момент воевода Боброк вывел свой полк из засады и атаковал монголов с тыла. Ордынское войско не выдержало удара.

Мамай, наблюдавший за ходом сражения с Красного холма, бежал с поля боя.

Русские полки преследовали противника на пространстве 30—40 км до реки Красивая Меча.

Сражение на поле Куликовом было едва ли не самой кровавой битвой в русской истории. Потери московского ополчения были ужасающими.

Сохранился синодик бояр, погибших на поле Куликовом. В нем названы воеводы князь Федор Белозерский с сыном, бояре Микула и Тимофей Вельяминовы, Михаил Акинфов, Лев Морозов, Михаил Бренк, Семен Мелик. Они стяжали славу героев. К ближайшему окружению Донского принадлежали бояре Дмитрий Боброк Волынский, Иван Квашня, Иван Воронцов, Иван Хромой Акинфов (родоначальник Бутурлиных), Федор Кошка (родоначальник Захарьиных-Романовых), Тимофей Волуй.

Битва на поле Куликовом не привела к немедленно-му восстановлению независимости Русского государства. Долговременные факторы, которые позволили монголо-татарам разгромить Русь и установить свое господство над ней в XIII в., как видно, не исчерпали себя и в следующем

столетии. В XIV в. соотношение сил оставалось неблагоприятным для Руси. Разгромленный русскими Мамай не мог противостоять хану Восточной Орды Тохтамышу. Он бежал в Крым, где был убит генуэзцами. Тохтамыш объединил обе части Орды.

Кочевники понесли тяжелые потери в войне с Москвой. У многих монгольских мурз битва унесла родственников. В Орде царило враждебное возбуждение против Москвы. Почти два года Тохтамыш в глубокой тайне готовился нанести Руси сокрушительный удар, чтобы поставить ее на колени.

Используя рознь между русскими, хан привлек на свою сторону рязанского и нижегородского великих князей. Нашествие татар 1382 г. было подобно потоку. Конница хлынула в русские пределы, все сметая на своем пути. Пограничные князья пытались спасти свои земли от погрома и перекинулись в стан врага.

Князь Дмитрий Иванович не успел собрать полки и бежал в Кострому. 23 августа 1382 г. татары появились у стен Московского кремля. Хан Тохтамыш осаждал крепость три дня, после чего вступил в переговоры с ее гарнизоном. Он обещал не причинять вреда городу в случае добровольной сдачи. Обманутые москвичи открыли крепостные ворота. Татары ворвались в Кремль и учинили резню. Напоследок Тохтамыш сжег Москву и ушел в степи. Хан пытался возродить могущество Орды. Но в конце века его владения были разгромлены и опустошены среднеазиатским правителем Тимуром.

В годы войны с Мамаем на Руси произошла церковная смута. Дмитрий Иванович своей властью поставил во главе церкви некоего Митяя, преданного ему хранителя княжеской печати. Но высшие иерархи церкви воспроти-

вились его выбору. Посланный в Константинополь на поставление Митяй был, по-видимому, отравлен. У Руси оказалось сразу два митрополита — грек Киприан, находившийся в Киеве, и Пимен, с помощью подкупа получивший сан в Константинополе. Киприан пытался пробраться в Москву через Литву, но был с позором выслан обратно, за что предал князя Дмитрия анафеме. На поле Куликово Дмитрий явился «проклятым князем».

Победитель татар Дмитрий Донской в своей внутренней политике следовал традиционным принципам. Разделив «отчину» между пятью сыновьями, Дмитрий подготовил почву для усобиц, грозивших подорвать могущество Москвы.

В XIV в. крупнейшими центрами мировой торговли стали итальянские города-республики, процветавшие благодаря торговле с Востоком. Основав фактории в Крыму, генуэзцы завязали связи с далекой Московией.

На Балтике расцвет немецких городов положил основу торгового Ганзейского союза. Ганзейцы имели постоянную контору в Новгороде и выступали посредниками в торговле между Русью и Западной Европой.

После Куликовской битвы литовский князь Ягайло искал союза с Москвой. Русское население Литвы исповедовало православную веру. Ягайло принял православие и готовился крестить литовские племена, сохранявшие языческую веру. В Москве велись переговоры о браке литовского князя с сестрой Дмитрия Донского. Разгром Москвы Тохтамышем и усилившийся натиск Тевтонского ордена на литовские и польские земли изменили ситуацию в Восточной Европе. В 1385 г. союз Литвы и Польши получил форму унии (Кревская уния). Ягайло принял

вместе с католичеством имя Владислава, женился на польской королеве Ядвиге и надел королевскую корону. Литовские язычники были крещены по католическому обряду. Однако Литва не смирилась с утратой самостоятельности. Вскоре же на литовском троне утвердился двоюродный брат Ягайло Витовт. Помимо литовских земель, под его властью находились древние русские города Киев, Полоцк и др.

После смерти Дмитрия Донского московский трон наследовал его сын Василий I (1389—1425). В юности он четыре года провел в ордынском плену. Когда княжич достиг совершеннолетия, доброхоты помогли ему бежать из Орды в Литву, где он был помолвлен с дочерью литовского князя Витовта.

Золотая Орда к середине XV в. окончательно распалась на самостоятельные государства, постоянно враждовавшие между собой. Зависимость Руси от татар все более ослабевала.

Разгром Орды Тимуром в 1395 г. создал благоприятные возможности для борьбы Руси и Литвы против татар. В 1399 г. тесть Василия I Витовт попытался нанести Орде решающий удар и отбросить ее от своих границ, но потерпел сокрушительное поражение в битве на р. Ворскла. Его победителем был правитель Едигей. На поле битвы сложили головы участники Куликовской битвы братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и Дмитрий Боброк. Литва претендовала на Новгород и Псков, что в конце концов привело к разрыву с Русью. Орда Едигея без промедления совершила набег на Москву. Татарам не удалось захватить русскую столицу, но они подвергли страшному разгрому окрестности Москвы, Ростов и Нижний Новгород. В грамоте правитель Орды бранил Василия I за то,

что он следует советам любимца казначея Ивана Кошкина и не платит дань, что и привело к набегу. (Кошкины были предками бояр Романовых.)

Литва потерпела неудачу в войне с Ордой, но добилась внушительных успехов в Прибалтике. В 1410 г. польско-литовские войска под командой Ягайло и Витовта разбили тевтонских рыцарей в битве при Грюнвальде на севере Польши. Это было одно из крупнейших сражений своего времени, в котором участвовало до 60 000 воинов. Могущество немецкого ордена было подорвано. Литва вернула себе захваченные западно-литовские земли.

Литва непрерывно укрепляла свои позиции, тогда как позиции Московского княжества слабели. Москва не могла свергнуть татарское иго и вернуть независимость. Вместе с тем пошатнулось ее внутреннее единство. Князь Дмитрий разделил «отчину» между наследниками. Что касается Москвы, она стала совместным владением четырех старших сыновей государя. Старший сын, кроме того, получил Коломну, Юрий — Звенигород, Андрей — Можайск, Петр — Дмитров. Младшему сыну Константину княжество было выделено позже.

НАЧАЛО СМУТЫ

В завещании Василий I «приказал» сына и жену «тестю великому князю Витовту» и нескольким братьям, которым доверял.

Мать Василия II Софья была дочерью великого князя Литовского Витовта. Ко времени рождения сына Ивана ей было не менее 40 лет, и, по понятиям своего времени, она была пожилой женщиной. Роды были трудные.

Софья произвела на свет много сыновей, но почти все они умерли в раннем возрасте.

Наследовавший трон десятилетний князь Василий II натолкнулся на сопротивление галицкого удельного князя Юрия, который претендовал на власть в качестве старшего члена княжеского рода. Юрий снискал славу доблестного воеводы. Он отличился в походе против мятежных нижегородских князей.

Юрию не удалось привлечь на свою сторону силы других удельных владетелей, и в 1428 г. он отказался от своих претензий. В борьбе за власть Юрий ориентировался на Орду, а Василий II — на Литву.

В эпоху Средневековья достоинства князя измерялись прежде всего его воинской доблестью, подвигами в защите отечества. Потомки Донского не унаследовали от отца его воинского таланта и славы. Московское княжество вступило в полосу кризиса и военных неудач. Оставаясь татарским улусом, Русь оказалась втянутой в орбиту литовского влияния. Орда по традиции делала ставку на сильнейшего из русских князей. Хан отпустил претендентов без ярлыка, но в конце концов решил дело в пользу Василия II. За это Москва должна была уплатить двойную дань.

После смерти Витовта князь Юрий решил отправиться в Орду, чтобы судиться с племянником из-за ярлыка на великое княжество Владимирское. К тому времени Василию II исполнилось пятнадцать лет, и он достиг совершеннолетия. По совету первого боярина И.Д. Всеволожского он сам возглавил посольство в ханскую ставку. Хан Улу-Мухаммед проявил пренебрежение к князьям из русского улуса, продержав их у себя почти год. Во время суда Юрий Галицкий ссылался на завещание отца Дмитрия Донского, а Василий II — на милость татарского царя.

Борьба за власть внесла раскол в московскую думу, что имело самые серьезные последствия. Боярин Всеволожский после неудачной миссии в Орду отъехал в галицкий удел. Воспользовавшись полученной от него информацией, князь Юрий разгромил московское войско и в 1433 г. занял великокняжеский престол.

Поражению Василия II способствовала его политика в отношении татар. Во время поездки в Орду монарх сделал огромные долги. Прибывшие с ним на Русь мусульманские ростовщики окончательно опустошили московскую казну. У Василия II попросту не было денег, чтобы

воевать с дядей. Из-за страшной эпидемии черной оспы население страны сократилось. Поборы и правежи сделали Василия II крайне непопулярной в народе фигурой, и столица сдалась без боя. Сам князь был отправлен на удел в Коломну.

Своим характером и опытностью Юрий превосходил племянника, а следовательно, у него было больше шансов на успех в деле «собираания земель» и укрепления великокняжеской власти. Однако личные качества имели второстепенное значение. В московском обществе сложились институты, оказавшие решающее влияние на исход войны. Такими институтами были Боярская дума и двор. Раздел московской вотчины расколол думу и двор Московского княжества. Самые знатные из бояр остались в думе у великого князя. В уделах служили менее знатные фамилии и младшие члены боярских семей. Бояре и двор князя Юрия помогли ему овладеть Москвой и доставили ему престол. Они захватили в свои руки всю власть и не желали делиться ею ни с кем. Старшие бояре из думы Василия II увидели себя обделенными.

При великом князе Юрии на пост правителя претендовал его любимец С.Ф. Морозов. Но великокняжеские бояре не желали признавать «старейшинство» удельных бояр, и, не мирясь с утратой власти, они покидали Москву и один за другим отъезжали на службу к князю Василию. Новая власть не могла найти опоры в правящем московском боярстве. Сыновья Юрия Василий Косой и Дмитрий Шемяка негодовали на отца за то, что он следовал советам Морозова. Они убили боярина, после чего спешно покинули Москву. Началось повальное бегство из столицы знати и дворян. Фактически Юрий остался в кремлевском дворце в полном одиночестве. Вынужденный

уехать из Москвы, Юрий заключил с Василием II новый договор. Но вскоре война возобновилась. В 1434 г. Юрий, соединившись с сыновьями, нанес поражение полкам Василия II и водворился в Москве. Свое второе правление Юрий начал с того, что стал чеканить монету с изображением всадника, поражающего копьем змея. Со временем изображение всадника (его трактовали как Георгия Победоносца) стало гербом Москвы.

Всякое воцарение, по обычаю, начиналось с амнистии. Но Юрий пренебрег традицией. Водворившись в Москве, он принялся мстить боярам: «Юрий, пришед в Москву, начат многи грабити и казнити, что ему преж не помогали».

СЕМЕЙНЫЕ РАСПРИ

Пока владимирское княжество оставалось ядром государства и главной опорой великокняжеской власти, передача его наследнику обеспечивала ему «старейшинство» среди братии и всех прочих русских князей. Однако в XV в. ситуация существенно изменилась. Владимир пришел в упадок, а основой могущества великого князя стала собственно Московская земля. Продолжая делить московскую «отчину», государь собственными руками разрушал фундамент сильной великокняжеской власти.

Строй московской государственной власти лишал ее необходимой устойчивости. Владетелем государства — «отчины» выступала вся княжеская семья, которую после смерти князя формально возглавляла его вдова. Она улаживала конфликты между сыновьями, делила между ними выморочные удельные княжества и пр.

Юрий дважды занимал Москву. Взойдя на московский трон, он всякий раз жаловал племяннику Василию II в удел Коломну. Но удержать в своих руках столицу он все же не мог и заключил с Василием II новый договор.

Прошло совсем немного времени, и бояре потянулись ко двору Василия II: «И тако вси людие от князя Юрия побегоша к нему служити, от мала и до велика, и Иван Дмитриевич с детьми». Иван Дмитриевич Всеволожский, бывший правитель, был увлечен общим потоком. Он надеялся вернуть милость Василия II. Однако последний не забыл, что в свое время Всеволожский советовал Юрию убить князя. Когда боярин явился к Василию II, тот велел его ослепить. В 1434 г. Юрий умер, и вскоре война возобновилась.

Не считаясь с традицией, сын удельного князя Юрия Василий Косой объявил себя наследником, но смог усидеть на московском троне всего месяц. Против него выступили его младшие братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Великокняжеская корона стала яблоком раздора. Уступить трон брату Шемяка не желал. «Аще не восхоте Бог да княжить отец наш, а тебе мы сами не хотим», — объявили Василию его младшие братья.

Василий Юрьевич продолжал войну с великим князем Василием. Собрав войско, он двинулся к Ростову. Накануне боя Косой прислал к Василию II монаха с предложением отложить битву на один день. Не ожидая вероломства, Василий II принял предложение и распустил войско для сбора кормов.

Не мешкая, Косой напал на лагерь брата, но Василий II успел протрубить в рог и вернуть разбредшихся по всей округе воинов. Василий Юрьевич пытался бежать и покинул свою ставку, но посланный в погоню отряд схватил его, а через неделю князь был ослеплен в московской тюрьме. Великий князь думал запугать своих недругов, но результат получился обратный.

ПОЯВЛЕНИЕ НА СВЕТ

Будущий государь Руси Иван III родился 22 января 1440 г. в семье великого князя московского Василия II.

Матерью Ивана была Мария Ярославна, дочь удельного боровского князя и внука князя Владимира Серпуховского, героя Куликовской битвы. Удельные князья были не только крамольниками, но и ближайшими советниками и помощниками великокняжеской семьи.

Наследником московского трона должен был стать первенец Василия II Юрий. Но Юрий умер в младенчестве, и наследником короны стал второй сын, Иван.

Иван III родился в день памяти апостола Тимофея. В его честь княжич был наречен именем Тимофей. Иван III всю жизнь чтит своего небесного покровителя Тимофея. Ближайшим церковным праздником был день перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста 27 января. В этот день младенец получил свое второе имя Иван. С ним он и вошел в русскую историю.

Обычай давать ребенку два имени родился давно. Одно имя хранили в тайне. Не зная этого имени, враги, колдуны и лиходеи и не могли наслать на человека пор-

чу, испортить его ведовством. Другая выгода состояла в том, что наследник пользовался покровительством сразу двух небесных заступников.

Крестили младенца Ивана игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий и игумен Чудова монастыря в Кремле Питирим. Еще основатель Троицы Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С тех пор династия поддерживала самые тесные отношения с обителью Сергия.

Троицкая обитель по праву завоевала славу одного из главных духовных центров Руси. Чудов монастырь был монастырем митрополита, главы русской церкви.

Рождению Ивана сопутствовали знамения и пророчества. Одно из пророчеств было записано в Новгороде Великом. Монах Михаил из новгородского Клопского монастыря (он был связан родством с московским великокняжеским домом) сообщил архиепископу Евфимию новость о рождении сына у великого князя московского и сопроводил свое сообщение собственными пояснениями: «Родися великому князю сын... и будет наследник отцу своему, и разорити иметь обычаи нашей земли Новгородская, погибель граду нашему будет, и многим землям страшен будет». Новгород давно жил в тревожном ожидании московского нашествия. Пророчество чернеца отражало общее настроение, царившее в вольном городе. О скором падении Великого Новгорода толковали повсюду.

Молва о великокняжеской семье была неблагоприятной для наследника. Австрийский посол после посещения Москвы писал в своем сочинении о Руси: этот Василий Дмитриевич оставил единственного сына Василия,

но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену, от которой тот родился.

О первых годах жизни Ивана ничего не известно. В соответствии с традицией наследник жил на женской половине терема в окружении кормилиц, мамок и нянек. По достижении пяти лет дети переходили на руки воспитателю — дядьке. Обучение грамоте обычно поручали доверенному лицу — дьяку. В пять-шесть лет мальчика сажали за Псалтырь, позднее — за Деяния Апостолов.

Книгу нараспев читали вслух. Ученик заучивал прочитанное наизусть и таким путем овладевал грамотой. С письмом дело обстояло сложнее. Обычай воспрещал лицам царствующего дома брать в руки перо. Московские государи редко нарушали это правило. Княжьи грамоты скреплял не сам монарх, а его дьяки. В Москву этот обычай пришел, вероятно, из Орды.

Родители позаботились о том, чтобы воспитать сына в духе благочестия и беззаветной преданности православной вере. Учителя Ивана были, по московским меркам, образованными людьми.

Однако курс обучения наследника был прерван возобновившейся смутой, когда великокняжеской семье и наследнику пришлось думать не о грамоте, а о спасении головы.

Княжич Иван родился в недоброе время. Русь переживала смуту. Она продолжалась четверть века и едва не погубила корабль российской государственности.

На Русь разом обрушились многие беды. Ивану III едва минул год, когда населению пришлось пережить необычайно сильные морозы. «Та же зима бысть люта зело, и мрази велии нестерпимы, и много скотом и человеком зла сотворися. Тоя же весны быша громи велицы и мльнии

страшни, и ветри и вихри велицы, и бысть страх на всех человецех. Тоя же весны бысть отзимие, и паде снег велик и паки соиде, и възсташа ветри, и быша мрази мнози и ветри велици, и бысть скорбь многа в людех. Того же лета бысть жито дорого».

Год спустя морозы погубили урожай, и Русь пережила страшный голод. «Та же зима была студена. А сено дорого, а во Тфери меженина; и пришло в Можаяск голодников много, и князь велел был их кормити, они же хотели и пристава самого съести; и с тех мест почали с голоду мерети, и наклали их 3 скуделницы, да хлебника мужика сожыгли в Можайске же с женою, а он люди ел, душ пятьдесят и малых и великих потерял».

ПОРАЖЕНИЕ ПОД СУЗДАЛЕМ

Империя Чингисхана достигла расцвета, а затем начала распадаться. Сравнительно рано от нее отделилась Золотая Орда, в состав которой вошли Русь и западные земли, покоренные монголами.

Прошло двести лет со времени Батыева разгрома, а русские продолжали слагать былины о злом татарине, о Змее Горыныче, олицетворявшем власть татар.

Что бы ни пели сказители, опыт постоянной войны помог Руси преодолеть страх перед завоевателями. Последствия этого были многообразны, иногда неожиданны.

В 1437 г. хан Большой Орды Улу-Мухаммед был изгнан из своей столицы в степях и откочевал к русским границам. Его орда разбила свои станы подле Белева. Хан известил московского князя, что готов ему служить. Соседство было опасное, и Москва отвергла его предложение. Против татар был послан Дмитрий Шемяка. Под его командой были небольшие силы. Василий II не прислал своих полков, и Шемяка потерпел тяжелое поражение.

Два года спустя хан в течение десяти дней осаждал Москву, требуя покорности от «подручника» Василия II.

Как записал летописец, великий князь вверил оборону столицы Патрикеевым, «а сам поживе в Переславли и в Ростове до зимы, бе бо посады пожьджены от татар, и люди посечены, и смрад велик от них». Набеги татар вели к большим потерям. Улицы столицы были завалены телами погибших.

Нашествия Орд на Русь прекратились. Но мелкие отряды постоянно грабили русские пределы, несли разорение населению. В 1442 г. татары из Большой Орды разорили Рязанскую Украину. Один из предводителей, «царевич» Мустафа, захватил множество народу. Надвигалась зима, и татары, не надеясь доставить пленных на восточные рынки, решили продать их в Рязани. Рязанцы согласились выкупить свою родню. Тогда Мустафа обратился к рязанцам с просьбой пустить его отряд в Рязань: «Мустафа же паки прииде в Рязань на миру, хотя зимовати въ Рязани; бе бо ему супротивно на Поли, а Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни. И того ради миром прииде в Рязань и хоте зимовати в Рязани нужи ради великиа».

Рязанцы пустили Мустафу в город и разместили татар в теплых избах. Но о появлении татар узнали в Москве. Тотчас на выручку Рязани выступили воеводы. К ним присоединились отряды мордвы: «Мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями». Воеводы призвали также казаков: «казаки рязаньскиа такоже на ртах с сулицами и с рогатинам и с саблями».

Узнав о движении московского воска, рязанцы вывели из города татар.

Отряд Мустафы, по всей видимости, утратил боеспособность: «Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и без-

конни быша, и от великаго мраза и студени великия и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велици зело». Тем не менее татары вступили в бой с воеводами и бились отчаянно, пока не были истреблены.

Не имея возможности вернуть себе наследственный улус, Улу-Мухаммед решил обосноваться в Поволжье и занял Нижегородский кремль. Его сыновья в 1445 г. подошли к Суздалю. Собрав едва тысячу воинов, Василий II двинулся против татар, призвав на помощь удельных князей. Особые надежды он возлагал на Дмитрия Шемяку, двор которого насчитывал около 500 всадников. Но князь Дмитрий не откликнулся на призыв. Василий II не помог Шемяке под Белевым, Шемяка не помог ему под Суздалем. Традиции раздробленности, в силу которых каждый князь вел свою войну, были сильны.

Василий II разбил лагерь у стен Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале. В его распоряжении было примерно полторы тысячи воинов. У ордынских царевичей было вдвое больше.

Накануне битвы воеводы устроили пир. Утром 7 июля 1445 г. татары атаковали русский лагерь. Воеводы успели построить полки и отбили неприятеля. Тут татары применили свой излюбленный прием: обратились в притворное бегство. Тактика кочевников была хорошо известна на Руси. Но подле князя не оказалось опытных воевод.

Дружины бросились в погоню за бегущим врагом и попали в западню. Василий II участвовал в бою и получил много ран: «А на великом князе многи раны быша по главе и по рукам, а тело все бито велми...»

Битва завершилась сокрушительным поражением московского войска. Раненый Василий II, многие его бояре и дети боярские попали в плен. Татары не смогли взять

город Владимир, но разграбили Суздаль и Владимирскую землю.

В Москве ждали нападения татар. Город был охвачен паникой. Жители окрестных уездов спешили укрыться со всеми пожитками в Кремле. От их костров вспыхнул пожар. Рухнули стены.

Управление взял на себя Дмитрий Шемяка как старший в роду Калиты. Осенью в Москву вернулся Василий II. Его сопровождало татарское войско. По данным летописей, князь обязался заплатить ордынцам выкуп в несколько десятков тысяч рублей. Власти обложили народ тяжелыми поборами.

В такой обстановке в Москве возник заговор. Его возглавили Шемяка, удельный князь Иван Андреевич Можайский, бояре Добрыньские, Старков, ряд столичных купцов, чернецы. Великокняжеская казна была пуста, и Василий II стал раздавать явившимся вместе с ним татарским мурзам города в кормление. Прошел слух, будто Василий II обещал сдать хану Москву, сам же соглашался перебраться на княжение в Тверь. Свержение Василия II, говорили сторонники Шемяки, избавит Русь от необходимости платить его долги.

В феврале 1446 г. Василий II отправился в Троице-Сергиев монастырь. Сообщники Шемяки тотчас дали знать в Москву о появлении его в Радонеже. Известие побудило мятежников к действиям. Они заблаговременно сосредоточили свои войска в Москве.

Гарнизон был застигнут врасплох. Шемяке, правившему Москвой во время пленения Василия II, нетрудно было захватить столицу в отсутствие монарха. В городе начались грабежи.

Шемяка поспешил отправить отряд ратных людей в Троицу с приказом схватить Василия II. Один из сообщников Шемяки, сын боярский Бунко, предупредил Василия II о грозившей ему опасности, но тот не поверил ему и велел выставить за ворота. «Си смушают нас, — сказал он, — а яз со своею братьею в крестном целовании». Напоследок государь велел поколотить Бунко, но послал сторожей на гору у Радонежа. Сторожа, памятуя о судьбе Бунко, не стали поднимать тревогу или же не заметили ничего подозрительного.

Мятежники прибегли к хитрости. По преданию, они спрятали воинов в саях, а сверху закрыли их рогожей. Так они проникли в монастырь.

В последний момент государь бросился к конюшням, где оставил своих лошадей. Он еще мог бы спастись. Кони из великокняжеских конюшен были превосходные. Но он не нашел ни одной лошади под седлом. Тогда князь побежал к каменному Троицкому собору. Пономарь впустил его и запер за ним дверь.

В переговоры с великим князем вступил удельный князь Иван Можайский. Он уверил Василия, что тому ничто не грозит. Уповая на мирный договор с братьями, великий князь сам открыл двери храма, после чего князь Иван Можайский исчез, а его место занял боярин Шемяки Никита. Боярин объявил великому князю, что он арестован: «Взят ты великим князем Дмитрием Юрьевичем» (Шемякой).

Василий повалился на пол перед иконами. Молитву прерывали рыдания и вопли. Крики были слышны по всему монастырю, но никто не пришел на помощь князю.

Летописцы утверждали, что государь ездил в Троицу на богомолье. Но поездка, видимо, имела и другие цели. Троица стала к середине XV в. одним из самых богатых монастырей Руси. Василий II лихорадочно искал среди подданных тех, кто мог помочь ему собрать деньги для уплаты Орде.

В решающий момент князя еще могло спасти заступничество троицкого игумена. Но летописи ничего не сообщают о вмешательстве духовенства.

ОСЛЕПЛЕНИЕ ОТЦА

В столице великому князю были предъявлены следующие обвинения: «Зачем привел татар на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам, наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?»

Последнее обвинение было самым тяжким. Принимая решение о казни брата Шемяки Василия Косого, Василий II явно забыл о законах мести, которые вскоре напомнили о себе. Правила мести были жестоки: «Око за око, зуб за зуб».

Василий II был доставлен в Москву и помещен под стражу в доме Шемяки. Два дня спустя Шемяка поручил конюху Берестеню казнить Василия. Князя повалили на пол и придавили доской, после чего конюх ослепил его ножом, изранив все лицо. Современники прозвали слепца Темный. Великокняжеская семья пережила страшный час.

Сыновья Иван и Юрий сопровождали отца в Троицу. Лица, схватившие Василия II, видимо, не получили от

Шемяки никаких распоряжений насчет его детей. Опасаясь за жизнь наследника, верные бояре Семен Ряполовский-Стародубский с братьями поспешили увезти его из монастыря и спрятали в своей вотчине в Муроме. В случае беды они намеревались отправить княжича ко двору Улу-Мухаммеда. Но этот последний вскоре был убит сыном, ставшим «первым царем на Казани».

Летописец записал рассказ, будто Шемяка замышлял захватить сыновей Василия II и, зашив в «медведно» (медвежью шкуру), утопить в Волге. Эта версия не находит подтверждения в других источниках, и верить ей нет оснований. Малолетние дети великого князя были в руках мятежников, и ничто не мешало им умертвить их. Страна стояла на пороге новой смуты. Сторонники свергнутого князя пытались освободить его из тюрьмы. Но план не удался.

Правление Шемяки в Москве оставило след в языке. Появилось выражение «шемякин суд». Оно обозначало полный произвол и беззаконие судебных властей.

Положение Шемяки было непрочным, и он послал в Муром к князьям Стародубским епископа Иону. Епископ поклялся, что Шемяка даст свободу и «отчину» довольну» и Василию Темному, и его детям, если дети приедут в Углич. Там находился в заточении Василий II.

Шемяка принял детей свергнутого князя милостиво, позвал во дворец на пир, одарил подарками, но выполнять свои обещания он не собирался. Княжич Иван и его брат были отправлены к отцу в тюрьму.

Мятеж побудил Шемяку принять меры к успокоению страны. Собрав епископов и архимандритов «со всея земли», новый монарх стал «прощения просити и каятися»,

после чего обязался выделить свергнутому князю удел со столицей в Вологде.

Как только Дмитрий Шемяка вернул свободу Василию II, тот уехал в Тверь, где заручился союзом с тверским князем. Союз с Тверью был скреплен помолвкой шестилетнего сына Ивана с тверской княжной Марьей.

Дмитрий Шемяка собрал войска, но пустить в ход оружие не посмел. Московские бояре и служилые люди почти все отъехали на службу к старому государю. Вскоре отряды Василия II обошли Волоколамск и при поддержке тверичей заняли Москву.

ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ

В 1431 г. митрополичью кафедру в Киеве занял смоленский епископ Герасим, ставленник литовского князя Свидригайло. В Литве бушевали междуусобицы, и в 1435 г. литовский князь велел за некую «измену» сжечь Герасима на костре.

В Москве не прочь были передать митрополичий престол одному из русских иерархов. Но Византия воспротивилась этому.

Угроза турецкого завоевания побудила империю ускорить заключение церковной унии с Римом. Чтобы обеспечить присоединение к унии богатой и многолюдной русской епархии, патриарх назначил ее главой грека Исидора, игумена одного из константинопольских монастырей. Исидор деятельно участвовал в предварительных переговорах с Римом. Он слыл человеком образованным и к тому же обладал дипломатическими способностями.

Весной 1437 г. Исидор прибыл в Москву, а уже через полгода поспешил на объединительный собор в Италию. Собор открылся в Ферраре, а закончился во Флоренции. На нем встретились авторитетные иерархи и богословы

Востока и Запада. Прения о вере и главенстве папы над патриархами были жаркими, и им не видно было конца. Однако император Иоанн Палеолог не мог ждать, и греческим иерархам пришлось принять условия, выдвинутые папой. Исидор взял на себя почин в выработке текста соглашения об унии. Акт о соединении христианской церкви под главенством Рима был подписан в июле 1439 г.

Рассчитывая на поддержку католических верхов Польши, Исидор по пути в Москву задержался на год в Литве. В 1441 г. Исидор вернулся в Москву. Во время литургии в Успенском соборе имя патриарха было заменено именем папы. Вслед за тем была зачитана грамота о соединении церквей. Три дня московские власти старались склонить Исидора к отказу от унии, а на четвертый день его взяли под стражу и заточили в Чудов монастырь. Полгода спустя Исидор бежал в Тверь. Московские власти его не преследовали. Тверской князь велел бросить иерарха в темницу, но затем освободил. Исидор нашел прибежище в Риме. Папа римский произвел беглеца в кардиналы, а позднее — в патриархи.

Некогда Дмитрий Донской пытался превратить русскую митрополию в послушное орудие своей политики. Византия не допустила этого. В свою очередь, Москва отвергла попытки греков подчинить московскую митрополию политическим интересам империи. Односторонние уступки в пользу «латинства» были сочтены московским духовенством и светскими властями недопустимыми.

В период смуты церковь немало помогла великому князю в преодолении кризиса. Но она не была безгласным орудием в руках светской власти.

Митрополит Иона в угоду великому князю запретил помянуть Шемяку, но игумен Пафнутий Боровский от-

казался исполнить его приказ. В наказание глава церкви свел его в Москву и заключил в темницу. Спор закончился тем, что митрополит повинулся перед Пафнутием и отпустил его с миром в его обитель.

Игумен Троице-Сергиева монастыря Мартиниан неизменно вступал в спор с государем, когда считал его неправым. Но прения не остались без последствий. Мартиниан лишился игуменского посоха. Его преемником стал Вассиан Рыло, пользовавшийся расположением великого князя. Василий Темный объявил, что берет Троицкую обитель со всей округой из-под власти удельного князя под свою власть.

КОНЕЦ МЕЖДУУСОБИЦЫ

1 января 1452 г. Василий Темный предпринял поход против Шемяки. Из Ярославля он «отпусти сына своего князя великого Иоанна на Кокшенгу, противу князя Дмитрия».

Считалось, что юноши достигали совершеннолетия в 15 лет и с этого момента могли служить в армии и приказах. В условиях смуты государь не стал дожидаться совершеннолетия наследника и в 1452 г. послал его в поход против Шемяки. Княжичу было 12 лет.

Отец позаботился о безопасности сына. Большая рать, посланная к Устюгу Великому, надежно прикрывала войско сына. Сын Иван должен был занять небольшую крепость Кокшенга, что он и выполнил.

В Кокшенге воеводы учинили расправу над местным населением: «градки их поймаша и землю ту всю плениша и в полон поведоша». По словам местного летописца, наследник «городок Кокшенский взял и кокшаров секл множество».

Самодержец должен был внушать страх неверным подданным. Этот урок юный Иван III запомнил на всю жизнь.

Шемяка бежал в Новгород, а междуусобица продолжалась еще несколько лет. Князь пытался укрепиться в отдаленных северных городах Руси, но потерпел неудачу и вернулся в Новгород.

Невзирая на крайнее ожесточение и вражду, потомки Дмитрия Донского старались не обагрять руки кровью братии. Они твердо помнили притчу о Каине и историю князя Святополка Окаянного, убившего братьев. Святополку судьба уготовила вечные муки в аду, его жертвы князья Борис и Глеб стали святыми мучениками русской церкви. Василий II первым из наследников Дмитрия нарушил заповедь. По его приказу дьяк Степан Бородатый, прибывший в Новгород с посольством, нанял убийц. Ссылаясь на людскую молву, летописец записал, что дьяк привез из Москвы отраву к посаднику Исаку Борецкому, а тот подкупил повара Шемяки Поганку. Повар подложил яд в курят и отравил князя Дмитрия. По другой версии, в отравлении Шемяки участвовал удельный боярин Иван Котов. Произошло это в 1453 г.

Смута продолжалась на Руси четверть века и принесла неисчислимые бедствия народу. Традиционная оценка сводится к тому, что «феодальная» война закончилась победой «прогрессивных» сил, отстаивавших политическую централизацию, и поражением сил децентрализации. Олицетворением первых был Василий II, вторых — его удельные противники. А.А. Зимин попытался объяснить смуту столкновением крепостнического Центра с Севером, развивавшимся по предбуржуазному пути. В удельных князьях он увидел свободолюбивых противников московского деспотизма и татарского ига. Обе схемы плохо

согласуются с фактами. Смута второй четверти XV в. была обычной княжеской междуусобицей, ничем не отличавшейся от междуусобиц в любой другой земле.

Удельные князья не раз занимали московский великокняжеский трон. Но их победа неизменно оборачивалась поражением, едва удельная дума и двор пытались оспорить первенство «великого» московского боярства и тем самым поколебать традиционную боярскую иерархию.

Княжич Иван много лет был соправителем отца. В это время начал складываться боярский круг, которому суждено было править государством вместе с Иваном III. К нему принадлежали князья Патрикеевы, князь Ряполовский-Стародубский с братьями, боярин Василий Шея-Морозов, Русалка-Морозов.

Полагают, что московская смута подорвала и разрушила удельно-вотчинный строй, привела к крушению обычного уклада отношений и воззрений (А.Е. Пресняков). Смута действительно уничтожила почти все удельные княжества в Московии. Удельные государи потерпели поражение. Но порядки раздробленности не были искоренены. Духовное завещание Василия II Темного возродило к жизни систему уделов. Следуя примеру деда, князь передал младшим сыновьям 12 городов. Дмитров, Углич, Руза, Вологда вновь превратились в столицы восставших из пепла удельных княжеств. Почва для новых раздоров была готова.

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА III

Княжич Иван получил от отца в удел Переславль-Залесский с округой. Переславль занимал особое место среди княжеских столиц. Титул подчеркивал первенство княжича среди прочих удельных владык. Но через два года Василий II отобрал переславский удел у наследника престола.

В 1458 г. у княжича Ивана родился сын. Московские летописи отметили это событие: «Февраля в 15 день, в среду на Феодорове неделе, егда начаша часы пети, родился великому князю Ивану сын и наречен бысть Иван». День рождения совпал с днем памяти великомученика Федора Тирона, в первую неделю Великого поста. Некоторое время спустя, 24 февраля, церковь поминала Первое и Второе обретение главы Иоанна Предтечи. Иоанн Креститель и стал небесным покровителем Ивана Молодого, как назовут современники старшего сына Ивана III.

Тем временем участились набеги Орды на Русь. В 1454 г. сын хана Волжской Орды «Салтан царевич сын Седи Ахметьев» переправился через Оку у Коломны. Василий II поспешил отправить против татар четырнад-

цатилетнего сына Ивана с воеводой Федором Басенком. Воевода обратил татар в бегство и освободил полон.

Два года спустя Василий II отправил большую рать на Новгород. Поход завершился подписанием мирного договора в стане Василия II в селе Яжелбицы. Договор серьезно ограничивал суверенитет Новгородской республики. Новгород должен был выплатить Москве 10 000 рублей.

В 1460 г. Рязань подверглась нападению Большой Орды. Ахмат-хан «со всею силою» простоял у стен Рязани шесть дней. Москва немедленно отрядила на Оку наследника Ивана с войском. Опытный воевода мог бы преследовать отступающих татар и освободить русский город. Но Иван, очевидно, по приказу отца «тогда стоял у берега со многими людьми». Он должен был помешать татарам прорваться к Москве. Хан бежал в степи.

Правление Василия II подходило к концу, когда раскрыт был заговор сторонников серпуховского удельного князя Василия Ярославича. Князь томился в темнице в Угличе пять лет. Дети боярские из состава удельного двора решили силой освободить узника. Заговорщикам не удалось выполнить свой план. Они были арестованы и подвергнуты жесточайшей казни.

В 1462 г. Василий Темный заболел сухоткой. Как видно, он сам назначил себе лечение, приказав прижигать тлеющим трутом на спине и «на многих местах помногу, идеже и не бе ему никоеа болезни». Великая княгиня тщетно пыталась воспретить прижигания. Больной не слушал советов. Раны загноились. Василий хотел принять монашеский сан, но ближние люди воспротивились этому. В ночь на 27 марта больной умер, «княжив лет без очию 16». В описании похорон значилось: «Бысть же тогда в граде

Москве и рыдание велико зело», плакали князья и вельможи, старые и юные, богатые и убогие, «паче же реку и младенцы». Свидетельство об общем плаче народа и младенцев было литературным штампом. Приличную случаю эпитафию не сочинил ни один летописец, а между тем князь 37 лет правил Русью. Его княжение было несчастливym для Руси.

Подле записи в монастырской книге о кончине князя было приписано несколько строк: «Июда душегубец, рок твой пришел».

Иван III, взойдя на трон, не спешил с нововведениями. В точном соответствии с завещанием отца он передал четырем братьям назначенные им 12 городов в удел. 14 самых крупных городов получил сам Иван III.

Новый государь ознаменовал свое правление чеканкой золотых монет. Наладили чеканку итальянские денежные мастера. Образцом послужили золотые дукаты венгерского короля Матвея Корвина. На монетах изображен был воин с секирой, а на другой стороне отчеканены имена Ивана III и его наследника, четырехлетнего Ивана Молодого. Подле его имени означен был титул великого князя. Чеканка золотых была вскоре же прекращена.

Первые годы правления Ивана III бедны событиями, а точнее, бедны источниками. Тем более интересны записи авторов Ермолинского летописца с детальным описанием деяния новой администрации. Главные перемены коснулись землевладения ярославских князей. В итоге князья «простились со своими «отчинами» навек, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их «отчины» подавал им волости и села».

Главной целью такого обмена было привлечение местной знати на службу московскому князю.

Дьяк Алексей Полуектов, как повествует местный летописец, из старины печаловался князю насчет Ярославской земли, «чтобы «отчина» та не за ними (ярославскими князьями) была». Полуектов служил Ивану III, и через четыре года он подвергся опале на долгих шесть лет.

Летописец хорошо знал среду, которую описал. Он побаивался мести и зашифровал имя главного «созирателя (соглядатая, сборщика) Ярославской земли» с добавлением литореи — «бо во плоти суще цытось» (дьявол).

Слово «сущий» считали фамилией московского посланца. Но это не так. «Иоанн Агафонович сущей дьявол во плоти» — видимо, таким был первоначальный текст.

Перед нами сатирическая повесть. Она начинается с описания обретения мощей чудотворца князя Федора Ростиславича и двух его сыновей. Затем летописец замечает: эти чудотворцы «явишася не на добро всем князем Ярославским».

Дела московского посланца описаны весьма красочно: «У кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добрая, ин отнял да отписал на великого князя, а кто будет сам добрый боярин или сын боярский, ин его самого записал». Речь шла, очевидно, о записи местных дворян в служебные списки.

Рассказ летописца подтверждает предположение о том, что целью описанных мер была служба. Местная знать была поверстана на московскую службу. Уже в 1495 г. Ивана III сопровождали многие ярославские князья.

Конечно, никакой дьяк не мог отобрать вотчины и добро у ярославских князей. Их было «не одно сто», по выражению Грозного. Они жили в укрепленных усадьбах, имели вооруженную свиту и представляли внушительную силу.

Единственным сыном и наследником последнего ярославского великого князя был Даниил Пенко. После длительной службы в Москве он стал боярином Ивана III.

Ростовское великое княжество было окончательно подчинено Москвой уже к середине XV в., когда Василий II по завещанию отказал Ростов жене. Распоряжение сопровождалось существенной оговоркой: ростовские князья должны были сохранить свои «держания» в княжестве. В 1474 г. двое старших ростовских князей продали Ивану III свою «половину Ростова», т.е. свой «жеребей» в городе, или долю в доходах. Ростовские князья и бояре, одни неволею, другие добровольно, перешли на московскую службу. По сравнению с ярославскими ростовские князья сохранили в своих руках значительно меньшую долю наследственных княжеских владений. Со временем служба уравнивала потомков местных княжеских династий с московскими боярами-вотчинниками.

Как бы то ни было, и ярославские, и ростовские князья вплоть до опричнины сохраняли в своих руках «великие вотчины».

Монархи отмечали свое воцарение амнистиями. В летописных свидетельствах о вокняжении Ивана III амнистии не упоминаются. Зато упоминается о жестоких наказаниях. Одним из самых храбрых и опытных воевод Василия Темного был преданный ему Федор Басенок. По приказу Ивана III 27 августа 1463 г. «Басенку очи выняли после великого князя Василия смерти год и 5 месяц». Слепой прожил еще семнадцать лет. Автор летописной заметки инок Гурий Тупшин не знал или не считал необходимым сообщить о причинах постигшего воеводу наказания.

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Иван III был женат первым браком на дочери великого князя Тверского. Великая княгиня Мария Борисовна была женщиной смиренной и кроткой. Андрей Курбский называл ее святой. В дела управления она, кажется, не вмешивалась. Княгиня умерла, когда ей не было и 30 лет. Тотчас в столице распространилась молва, что ее отравила жена дьяка Алексея Полуектова, отличившегося в Ярославле. Наталья Полуектова якобы обращалась к ворожеям и посылала к ним пояс княгини для злой ворожбы. Но все это были слухи. Узнав о ворожбе, государь «восполеся» на колдунью. И все же мнимые отравители избежали казни.

Иван III находился в Коломне, откуда поспешил в столицу. Мария была похоронена в Вознесенском женском монастыре в Кремле. Полуектову запретили показываться при дворе, и лишь через шесть лет он был возвращен ко двору.

Рано овдовев, Иван III женился на греческой царевне Софье (Зое) Палеолог. Софья была племянницей последнего византийского императора, убитого турками на сте-

нах Константинополя в 1453 г. Ее отец Фома Палеолог, правитель Морей, бежал с семьей в Италию, где вскоре умер. Папа римский взял детей морейского деспота под свое покровительство. Опекуны сватали Софью различным владетельным лицам, но неудачно. Современники злословили по поводу того, что царица отличалась чрезмерной тучностью. Однако главным препятствием для ее брака была не ее полнота. По тогдашним представлениям, пышные формы и румянец были первыми признаками красоты. Зое отказывали, потому что она была бесприданницей. Наконец решено было попытаться счастья при дворе московского князя. Поручение взялся выполнить некий «грек Юрий», в котором можно узнать Юрия Траханиота, доверенное лицо семьи Палеолог. Он явился в Москву с грамотой от «кардинала Виссариона», воспитателя Зои. Посланец кардинала расхвалил Ивану III знатность невесты, ее приверженность православию и желание перейти «в латынство».

20 марта 1469 г. Иван III пригласил к себе мать, митрополита и бояр и после «думы» с ними направил в Рим итальянца Вольпе, подвизавшегося при московском дворе в роли финансиста. Вольпе поведал государю, что Зоя уже отказала французскому королю и другим знатым женихам.

Миссия Вольпе имела успех. Иначе и быть не могло. Инициатива сватовства исходила из Ватикана. Тем не менее переговоры о московском браке длились три года. В сентябре 1471 г. посол папы Антонио Джиларди Фрязин доставил в Москву портрет невесты: «царевну, на иконе написану, принесе».

Венеция спешила использовать сватовство в своих целях. Венецианцы предприняли попытку заключить союз

с Москвой и Большой Ордой для войны с турками. Для этой цели в Россию был отправлен посол Тревизан.

Тревизан имел инструкцию уведомить Ивана III о цели своей миссии. Но он ослушался приказа и по совету Вольпе утаил о ней.

Родня Вольпе Джиларди представил Тревизана москвичам «князьком венецким» и своим племянником. Обман был, по-видимому, связан с тем, что Русь стояла на пороге решительного столкновения с Ордой и никак не была заинтересована в союзе венецианцев с ханом.

Позднее, когда обман раскрылся, Иван III велел взять Фрязина Вольпе под стражу, заковать его в кандалы, «а дом его повеле разграбити, и жену и детей изымати», «а Тревизана хоте казнити». По ходатайству папского посла Тревизан был помилован.

К какому именно времени относилась опала на Вольпе, не совсем ясно. 6 января 1472 г. Иван III отпустил Вольпе с посольством в Рим. Перед отпуском посла Иван III вновь совещался с матерью, братьями, митрополитом и боярами.

Папа Павел умер, и послы везли грамоты, адресованные Каллисту. За рубежом они узнали, что преемником Павла стал не Каллист, а «Систюсь». Послы тут же переделали имя папы в своих грамотах.

Папа Сикст IV и кардинал Виссарнон удостоили московских послов торжественной встречи и отпустили их вместе с невестой 20 июня. Царевну сопровождал папский посол епископ Антонио Бонумбре, епископ Аяччо на Корсике. Ватикан рассчитывал, что московский князь последует примеру последнего византийского императора и примет церковную унию под главенством папы. Брак Зои должен был способствовать такому исходу дела.

После пудешествия по Германии послы достигли Любека и 10 сентября «на корабль взошли». После одиннадцатидневного плавания по бурному морю Софья прибыла в Колывань (Ревель), откуда добрались до Пскова.

Неподалеку от города невеста переделалась — «порты царские надевши». В Пскове православный люд обратил внимание на то, что Антонио, легат папы, при посещении Троицкого собора не подошел к православным иконам и только по настоянию царевны осенил себя крестным знамением.

В Москву невеста и ее свита вступили 12 ноября. В тот же день Зою Палеолог обвенчали с Иваном III. Церемония проходила в недостроенном деревянном Успенском соборе в Кремле.

С этого момента Зою стали именовать Софья Фоминична. Москвичи радушно приветствовали царевну, но их немало смутило то, что перед царевной шел епископ с большим латинским «крыжом» (крестом) в руках. В думе бояре не скрывали своего негодования по поводу того, что православная столица оказывает такую почесть «латинской вере». Митрополит заявил, что покинет Москву, если у папского посла не будет отобран «крыж». Легату Бонумбре пришлось смириться с тем, что у него отняли крест и положили в его же сани.

Антонио получил от папы наказ сделать все для объединения вселенской христианской церкви. Прения о вере должны были состояться в Кремле. Митрополит пригласил себе в помощь книжника Никиту Поповича. Антонио был готов отстаивать идею церковной унии, но история с крестом научила его осторожности. Посла более всего заботила мысль, как беспрепятственно выбраться из России. Когда Антонио привели в Кремль, митрополит мос-

ковский изложил свои доводы в защиту православия и обратился с вопросом к легату. Но тот «ни единому слову ответа не дает, но рече: «нет книг со мной». Собравшиеся восприняли его смирение как победу правой веры над «латинством».

В Италии надеялись, что брак Софьи Палеолог обеспечит заключение союза с Россией для войны с турками, грозившими Европе новыми завоеваниями. Стремясь склонить Ивана III к участию в антитурецкой лиге, итальянские дипломаты сформулировали идею о том, что Москва должна стать преемницей Константинополя. В 1473 г. сенат Венеции обратился к великому князю московскому со словами: «Восточная империя, захваченная оттоманом (турками), должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать вашей сительной власти в силу вашего благополучного брака». Идея, выраженная в послании сенаторов, пала на подготовленную почву. Но Московии трудно было играть роль преемницы могущественной Восточной Римской империи, пока она находилась под пятой Золотой Орды.

ТВЕРСКОЕ ВЗЯТИЕ

На протяжении почти двух веков главным соперником Москвы в борьбе за великое княжение Владимиро-Суздальское была Тверь. Ко времени «стояния на Угре» тверские князья сохранили независимость, но их земли оказались окружены московскими владениями со всех сторон. Чтобы противостоять московскому натиску, Тверь пыталась опереться на помощь Литвы. Михаил Тверской затеял сватовство при дворе короля Казимира. Иван III расценил это как недружественный акт, и его полки вторглись в тверские пределы. Они «пленили» тверскую землю и сожгли два городка. Великий князь Михаил Борисович принужден был отказаться от союза с Литвой и признал себя «братом младшим» московского князя, что серьезно ограничило независимость Тверского княжества. Однако Москва не могла покончить с Тверью, пока тверское боярство поддерживало свою собственную династию. Через полгода после похода на Тверь Ивану III пришлось снова снаряжать полки. Предлогом к войне была поимка тверского гонца с грамотой к королю Казимиру. В сентябре 1485 г. московская рать облегла Тверь. По-видимо-

му, на этот раз Иван III дал определенные гарантии местным землевладельцам, следствием чего явился массовый отъезд тверских бояр на службу к московскому князю. Иван III сохранил за тверскими боярами их земли, думные чины, принял к себе на службу «тверской двор». Позиция бояр определила судьбу некогда могущественного Тверского княжества. Покинутый вассалами, Михаил Тверской бежал в Литву. Тверь перешла под управление его родного племянника, сына московского князя Ивана Молодого, получившего титул тверского великого князя и соправителя Ивана III. Он правил Тверью вместе со старой «тверской» думой. Отдельно от московского функционировал тверской «двор». Княжескими землями управлял Тверской дворец.

«Тверской двор» слился с московским к началу XVI в., и тогда же некоторые из тверских бояр вошли в московскую Боярскую думу. Ломка, неизбежная в Новгородской республике, оказалась излишней в Тверском княжестве.

РАСПРАВА С БРАТОМ

Самым непокорным из братьев Ивана III был Андрей Большой. Он возглавил мятеж против государя во время нападения Большой Орды на Русь в 1480 г. В 1488 г. боярин Андрея Образец донес князю, что государь намерен его схватить. Андрей тотчас обратился к главе думы Ивану Патрикееву с просьбой о посредничестве. Тот отклонил просьбу, и Андрей попытался сам объясниться с братом.

Иван III поклялся «богом и землею и богом сильным, творцом всея твари», что у него не было на уме преследовать Андрея. Клятва была прилична скорее язычнику, чем православному государю. Клятвы подобного рода имели свой трафарет. Но Андрей был в руках брата и не мог править его.

В столице толковали, будто слухи о грядущем аресте князя исходили от Мунта Татищева, служившего при дворе удельного князя. Велено было урезать ему язык, но затем наказание было смягчено.

Пока был жив наследник великого князя Иван Молодой, государь щадил брата. Но как только Иван Молодой

умер, Иван III приказал арестовать брата Андрея Большого и бросить его в тюрьму.

Князя обвиняли в изменнической переписке с Ахматханом и с литовским королем, нарушении договора с Москвой и отказе послать свои войска против сыновей «ордынского царя» в 1491 г.

Князя Андрея держали в темнице «в железах», и он умер спустя два года.

Двух сыновей удельного князя арестовали в Угличе и увезли в Переславль, где держали «в великой истоме».

Некоторое время спустя Иван III созвал высшее духовенство. Он покался в присутствии духовных лиц и выразил горе по убиенном брате, «что своим грехом, несторожею, его уморил». Сведения о покаянии были включены в официальный летописный свод 1497 г.

Великий князь имел причины для покаяния. Но покаяние государя не облегчило судьбы двух сыновей Андрея. Эти последние провели в тюрьме всю свою жизнь — много лет, до самой своей смерти. Это обстоятельство не оставляет сомнений насчет целей расправы с Андреем Большим. Иван III опасался, что Андрей сгонит с трона его собственных сыновей.

ПОРА ЗАГОВОРОВ

Тринадцать лет Иван Молодой был соправителем отца. За это время у его окружения сложились прочные связи с Боярской думой. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II, и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии.

Пока претенденты на трон были малы, их соперничество не внушало особой тревоги. Но в 1494 г. сын Софьи достиг совершеннолетия. Его соперник Дмитрий не вышел из детского возраста. Это обстоятельство благоприятствовало осуществлению честолюбивых замыслов Софьи. Однако ее противники нашли способ не допустить «греченка» на трон. Они втайне начали готовить коронацию Дмитрия.

Интрига ускорила развитие событий. Возник заговор в пользу Василия. Заговор был раскрыт. Летописец записал: «В лето 7006, декабря, восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Руси на сына своего на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе того ради: что он сведав от дьяка своего от Федора Строилова то, что отец его князь великий хочет пожаловати великим

княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича. ...И изведав то и обыскав князь велики Иван Васильевич злую их мысль, и повелел изменников казнити: и казниша их на Москве на реце по низ мосту шестерых...»

Составитель летописи постарался изобразить дело так, будто вина за заговор лежала на маловажных лицах, вроде «второго сатанина предтеча» Афанасия Арапченка. Но сообщенные им подробности опровергают его версию. «И в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княгиню Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зельем; обыскав тех баб лихих князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке ночью, а с нею с тех мест нача жити в бережении».

Решение о коронации Дмитрия-внука было незаконным с точки зрения московских порядков и традиций. На великокняжеском столе не могли сидеть сразу двое персон с одинаковым титулом, ибо это чревато было смутой.

Княжич Василий и его дума противились решению Боярской думы всеми средствами. Но Софье и ее сыну не удалось привлечь на свою сторону государя и бояр.

Власти решили короновать Дмитрия-внука по случаю его близкого совершеннолетия. Таким путем они надеялись пресечь смуту в самом зародыше. Коронацию готовили втайне от «грекини». Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. Окружение Софьи пыталось опереться на великокняжеский двор, для чего «тайно к целованию (присяге) приведоша» многих детей боярских из состава двора. Наиболее решительные заговорщики советовали княжичу Василию собрать войско и силой предотвратить коронацию Дмитрия-внука.

Никто из главных бояр не принял участия в авантюре, что и предопределило ее неудачный исход. В ходе следствия выяснилось, что Софью во дворце посещали колдуньи и ворожеи, приносившие зелье. Иван III тотчас велел утопить «лихих баб» в Москве-реке, а с женой «нача жить в бережении».

Сторонником решительных действий был некий Арапченко: он «нача думати князю Василью второй сатанин предтеча Афанасий Аропчонок; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромилов, и Поярок Рунов брат и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приведоша на том, чтобы князю Василью от отца своего великого князя отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белоозере и над князем над Дмитрием израда учинити».

По существу, это был план мятежа против Ивана III. Переворот должен был начаться с захвата казны на Белоозере и в Вологде. Ввиду угрозы постоянных нападений татар на Москву московский князь держал значительную часть своих сокровищ в северных городах. Мятеж сына мог иметь самые опасные последствия.

Способы казни в точности отражали меру вины каждого из заговорщиков. По словам летописи, Арапченку — «Афонасу Яропкину руки да ноги отсеки и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсеке и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромилову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тем четверем главы ссекоша, декабря 27». Характерно, что самые знатные из заговорщиков избежали четвертования. Главные обвиняемые — Владимир Гусев из знатного боярского рода Добрынских, князь Иван Палецкий из рода Стародубских князей и дьяк Федор Стромилов лишились головы.

Иван III держал сына под домашним арестом на его кремлевском дворе «за приставы» по крайней мере до коронации внука.

После ареста заговорщиков «многих детей боярских велел князь велики в тюрьму пометати». Для переворота сторонникам Василия сил не хватило.

На Руси еще не было приказной системы, но были дьяки «в приказе». Эти дьяки получали указания непосредственно от великого князя. Волоколамский летописец записал известие о казни «Федора Строилова с товарищи». Дьяк в самом деле был примечательной фигурой среди заговорщиков.

КОРОНАЦИЯ ДМИТРИЯ-ВНУКА

Как значится в летописи, «тое же зимы, февраля 4 день (1498), в неделю о Мытаре и Фарисеи, на память преподобнаго отца Сидора Пелусийскаго, князь великий Иван Васильевич всеа Руси благословил и пожаловал великим княжением Володимерским и Московским и всеа Руси внука своего князя Дмитрея Ивановича. А посажение его беяше в церкви Пречистыя на Москве, по благословению Симона митрополита и архиепископа и епископ и всего священнаго сбора Русския митрополия, возложиша на него бармы Манамаховы и шапку; и осыпал князь Юрьи Иванович, дядя его, златом и серебром трижды пред Пречистою, и пред Архангелом, и пред Благовещением».

Княжич Василий Иванович и его мать не были приглашены на церемонию.

По случаю брака Дмитрия Иван III «створил пир великий на внука своего великого князя Дмитрея Ивановича, и на митрополита, и на владык; и дарил князь великий внука своего великого князя, крест золот Парамшинской с чернью золотою, да пояс золот с камнем с драгим, да

сердоличною коробкою». Ценность подарков соответствовала моменту.

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва — новый Царьград». Как то ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не «греки» из окружения византийской царевны Софьи, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Дмитрия-внука и его матери Елены Волошанки. Митрополит Зосима, которого считали единомышленником Елены, сформулировал новую идею в сочинении «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 г. В похвальном слове самодержцу Ивану III пастырь не упомянул о браке государя с византийской принцессой. В то же время он подчеркнул, что Москва стала новым Константинополем благодаря верности Руси Богу. Сам Бог поставил Ивана III — «нового царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя».

Коронация Дмитрия отвечала целям московской знати, связавшей судьбу с тверской династией. Этот круг лиц на десятилетия сохранил враждебное чувство к Софье. В 1524 г. придворный Ивана III Беклемишев жаловался греку-книжнику: как пришла сюда Софья «с вашими греки, так наша земля замешалась и пришли нестроения великие».

Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в позднем сочинении XVI в. — «Сказании о князьях Владимирских». Согласно «Сказанию», киевский князь Владимир Мономах совершил победоносный поход на Константинополь и принудил своего деда, императора Константина Мономаха, отдать ему царский

венец («шапку Мономаха») и другие регалии. (В действительности князю Владимиру едва исполнилось два года, когда умер его дед, и киевский князь никогда не ходил на Царьград.)

Фантастическая ситуация, описанная автором «Сказания», напоминала реальную ситуацию, сложившуюся в Москве в 1498 г. Дмитрий-внук получил «шапку Мономаха» из рук деда Ивана III, как Мономах — из рук деда, царя Константина. Все симпатии автора «Сказания» — на стороне внука. Владимир-внук послал воинов, которые разорили окрестности Константинополя, и малодушный Константин снял с головы своей венец и послал внуку с мольбой о мире и любви, чтобы весь православный люд стал под власть «нашего царства (Византийской империи. — *Р.С.*) и твоего (Владимира Мономаха. — *Р.С.*) великого самодержавства великиа Русиа». Предание о «шапке Мономаха» доказывало, что русские великие князья породнились с византийской династией задолго до греческого брака Ивана III и родство было скреплено передачей им царских регалий. Отсюда следовало, что правом на трон обладал старший прапраправнук Мономаха, тогда как греческое родство удельного князя Василия не имело значения.

История московской короны такова. Уже Иван I Калита завещал наследнику парадные одежды («порты») — кафтан, расшитый жемчугом, и «шапку золотую». Шапка не была владимирской короной, так как московские князья могли распоряжаться только своим венцом, тогда как владимирской короной распоряжалась Орда. Василий II завещал Ивану III крест Петра чудотворца и шапку, которую он в отличие от всех своих предков не назвал

«золотой». Иван III впервые мог распорядиться русской короной без оглядки на хана. Но он благословил Василия III крестом Петра, ни словом не упомянув об отцовской «шапке». Как видно, вопрос о регалиях не приобрел актуальности в начале XVI в.

ПОРУГАНИЕ

Обращение к московскому летописному своду 1497 г. обнаруживает удивительные факты. После освобождения от татарщины Иван III находился на вершине славы. Составитель официальной летописи имел все основания сложить панегирик в его честь. Вместо этого он постарался выставить героем победы над Ордой наследника престола и бросить тень на поведение монарха.

Одним из самых близких к Ивану III церковников был архиепископ Вассиан Рыло, крестивший его детей. Среди прочих духовных особ он выделялся своим красноречием и неукротимым характером. Следуя примеру Сергия Радонежского, благословившего на битву Дмитрия Донского, Вассиан направил «укрепительную» грамоту Ивану III на Угру. Духовник государя превозносил доблесть Ивана Молодого и напоминал Ивану III его обещание крепко стоять против басурман и не слушать «духов льстивых», «шепчущих в ухо твоей державе, еже предати христианство». Поводом для обращения духовника послужила весть о том, что великий князь вступил в мирные переговоры с Ахмат-ханом. Ныне, писал Вассиан, «преж-

ние твои развратницы» советуют тебе «не противитися супостатом, но отступати»; Ахмат уже «погубляет христианство», а ты смиряешься перед ним и молишь о мире. «Не будь бегуном и предателем христианства!» — завершал свое поучение духовник Ивана III.

Послание Вассиана было образцом церковного красноречия. Оно было украшено великим множеством цитат из Священного Писания. Содержание грамоты послужило основой для всех позднейших легенд о бегстве Ивана III с Угры.

Летопись составлялась в великокняжеской канцелярии при деятельном участии митрополичьей кафедры. По этой причине невозможно подозревать летописца в оппозиции к великокняжеской власти. Похвалы в адрес Ивана Молодого и резкие отзывы по поводу нерешительного поведения Ивана III были связаны, без сомнения, с династической борьбой в Русском государстве. Софья, домогавшаяся трона для своего сына — удельного князя, заслуживала осуждения. Такой взгляд стал господствующим и официальным после 1497—1498 гг., когда люди из окружения «грекини» попали в руки палача, а сын Ивана Молодого был коронован великокняжеским венцом. Все-го точнее отношение общества к Софье выразил все тот же ростовский летописец, закончивший отчет об «угорщине» едкими словами: «Тоя же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегали на Белоозеро от татар, а не гонял никто...» Автор официального московского свода 1497 г. списал эти слова из ростовского свода, нисколько не пытаясь смягчить их.

Московский свод 1497 г. лег в основу Софийской II летописи, автор которой пошел дальше своих предшественников в обличении Софьи и Ивана III, погубивших

законную ветвь династии в лице Дмитрия-внука. Неофициальная поздняя летопись утверждала, будто великий князь дважды бегал от татар, первый раз из Коломны и второй — с Угры. В страхе государь приказал воеводам насильно препроводить наследника с границы в Москву. В отличие от струсившего отца Иван Молодой «мужество показал, брань принял от отца, и не еха от берега (с Оки. — *Р.С.*), а христьянства не выда». Победитель Ахмата окончательно превратился в «предателя христьянства». Книжник не только возлагал на Ивана III ответственность за бегство Софьи на Белоозеро, но и приписывал государю позорные планы. Послав «римлянку» с казной на север, государь якобы «мыслил»: «Будет Божие разгневание, царь (Ахмат. — *Р.С.*) перелезет по сю сторону Оки и Москву возмет и им бежати к Окияну-морю». Ввиду явной трусости самодержца Вассиан Рыло в лицо обличил его, назвав «бегуном». Возмущенные москвичи стыдили монарха, говоря: «Нас выдаешь царю и татаром». Иван III якобы побоялся въехать в Кремль, а остался за городом, «бояся граждан мысли злыя поимания». Вместо того чтобы оборонять границу, он провел в Москве две недели, предаваясь страху и нерешительности.

Иван III шел к цели, не стесняясь в средствах. Безнаказанные попытки скомпрометировать монарха в момент его наивысших успехов свидетельствовали как о неавторитетности главы государства, так и о кризисе власти. Одним из источников кризиса был раздор между великим князем и церковным руководством. Иван III не пользовался уважением духовенства, доказательством чему были конфликт с митрополитом Геронтием и нападки Иосифа Волоцкого. Геронтий дважды покидал митрополичий двор в Кремле, чтобы заставить монарха подчи-

ниться своей воле. В первый раз Ивану III пришлось признать свою неправоту и принять условия владыки. Во второй раз монарх предпринял попытку низложить строптивного иерарха, но ничего не достиг.

Волоцкий князь Борис умер своей смертью и тем самым избежал участи брата, князя Андрея. Игумен Иосиф Санин (Волоцкий), чья обитель располагалась во владениях Бориса, оплакал кончину удельных братьев и обрушился на Ивана III с упреками. Игумен уподобил самодержца Каину. Князь, писал Иосиф, обновил «древнее каиново зло»: по его вине древний род государев «яко лист уже увяде, яко цвет отпаде, яко свет златого светильника угасе и остави дом пуст». Неправедному царю, утверждал игумен в одном из своих сочинений, не следует повиноваться, ибо «таковый царь не Божий слуга, но диавол и не царь есть, но мучитель».

После смерти Геронтия в Москве был созван священный собор. Государь навязал собору кандидатуру симоновского архимандрита Зосимы Брадатого. Он рассчитывал упрочить свою власть, посадив на митрополию послушного иерарха. Но его надежды не оправдались. Очень скоро владыка подвергся самым резким нападениям за терпимое отношение к еретикам-вольнодумцам. Санин, не стесняясь, чернил главу церкви. Ныне, писал он, на московском святом престоле сидит «зlobесный волк», «первый отступник в светителях в нашей земли», «иже сына Божия попра и пречистую Богородицу похули...». Обличения Зосимы неизбежно бросали тень на его покровителя Ивана III. Обвинение в пособничестве еретикам грозило государю изрядными неприятностями. Инок Савва в «Послании на жидов и еретиков» писал: «Аще бо царь или князь... не

поклоняется Богу нашему Спасу Господу Иисусу Христу, ...той воистину раб есть и проклят!»

Несмотря на покровительство государя, Зосима недолго сидел на митрополичьем престоле. Духовенство не желало подчиняться еретику, и великому князю пришлось пожертвовать своим ставленником. В 1494 г. Зосима сложил сан «не по своей воле». Предлогом для низложения послужило излишнее пристрастие владыки к вину. Отставка Зосимы была воспринята как признак слабости власти.

ВОЙНА С ОРДОЙ

В то время как Русь шаг за шагом преодолевала раздробленность, Орда переживала распад и хаос. На ее территории возникли Ногайская, Крымская, Казанская, Астраханская и Сибирская Орды. Древний трон находился в руках Ахмат-хана из Большой Орды. Его владения простирались от Волги до Днепра. Лишь после кровавой борьбы со своей знатью Ахмату удалось возродить сильную ханскую власть. На короткое время Большая Орда подчинила себе Крым. В 1472 г. хан сжег Алексин. Москва перестала платить дань татарам, и в 1480 г. Ахмат стал готовить новое наступление, чтобы сокрушить Русь. Обстановка, казалось бы, благоприятствовала осуществлению его планов. Против России ополчились все ее соседи. Король Казимир грозил нанести удар с запада. Войска Ливонского ордена напали на Псков. В довершение бед в стране началась смута. Удельные князья Андрей Большой и Борис подняли мятеж против брата Ивана III и через Новгород ушли к литовской границе. Король Казимир обещал им покровительство, и мятежники отослали свои семьи в королевский замок Витебск.

Летом 1480 г. Ахмат-хан придвинулся к русским границам. При нем была «вся Орда, и братанич его царь Касым, да шесть сынов царевых». Для отражения неприятеля Иван III послал наследника Ивана Ивановича с полками в Серпухов, а сам занял переправы через Оку в районе Коломны.

Давно минуло время, когда Орда могла выставить в поле до ста тысяч всадников. Ахмат-хан едва ли мог собрать более 30—40 тысяч воинов. Примерно такими же силами располагал Иван III. На помощь к нему прибыли войска тверского великого князя. В войне с татарами не участвовал Псков, подвергшийся нападению рыцарей. Мятеж удельных князей создал угрозу для московских городов. С весны города готовились к защите: «...все людие быша в страсе велице от братии его (Ивана III), все грады быша во осадех». Пока не минула смута, великий князь мог лишь частично использовать городские ополчения для обороны южных границ.

Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке. Все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ. Наконец татары, обойдя памятное для них поле Куликово, вступили в пределы Литвы.

Опасность угрожала Москве с трех сторон. От Мценска к Калуге двигался Ахмат-хан с татарами. Удельные князья могли в любой момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней. Между тем Москва была плохо подготовлена к длительной осаде. Белокаменные стены Кремля за сто лет обветшали и требовали починки. Иван III делал все, чтобы остановить неприятеля на дальних подступах к городу. Он не слишком надеялся на прочность столичных укреплений и по-

тому отослал жену Софью с малолетними детьми и всей великокняжеской казной на Белоозеро. 30 сентября Иван III вернулся из Коломны в Москву для совета с боярами, а сыну велел перейти из Серпухова в Калугу. Распоряжение было вызвано тем, что Орда переправилась через Оку к югу от Калуги и устремилась к реке Угре, по которой проходила русско-литовская граница. 3 октября Иван III выехал в армию. В пути он узнал об ожесточенных столкновениях на Угре. Вместо того чтобы поспешить к месту сражения, государь разбил лагерь на Кременце в тылу русской армии.

Бои на Угре продолжались четыре дня. Броды на реке были неширокими, что помешало хану ввести в дело большие массы конницы. Противники осыпали друг друга стрелами. Русские палили также из пушек и пищалей.

Русские полки возглавлял наследник Иван Молодой. Фактически же военными действиями руководили опытные воеводы князя Холмский, Оболенский, Ряполовский. Столкновения на Угре могли привести к кровопролитному сражению. Но Иван III и его воеводы не искали такого сражения. В ставку к Ахмат-хану выехал сын боярский Иван Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца дары — «тешь великую» и потребовал, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной и был «у царева стремени».

Дипломатический демарш был не более чем уловкой со стороны Ивана III. Ему нужно было перемирие с татарами, хотя бы временное, и он достиг своей цели. Хан не принял его дары, но согласился вести переговоры, для чего отпустил в Кременец своего гонца. Гонец вернулся ни с чем. Иван III отклонил требования Ахмат-хана, равнозначные возрождению власти Орды над

Русью. Тогда хан отправил в Кременец новое предложение. Пусть великий князь пришлет ему для переговоров своего советника Никифора Басенкова, не раз ездившего в Орду. Но даже и на это предложение Иван III не мог согласиться.

Обмен гонцами привел к прекращению боевых действий на Угре. Едва начались переговоры, Ахмат-хан отошел от переправ и остановился в двух верстах от берега. Иван III мог торжествовать. Его затея увенчалась успехом. Хан стоял на Угре «десять ден», из них шесть он потратил на заведомо бесплодные и никчемные переговоры.

Русские полки обороняли Угру, пока в том была необходимость. С Дмитриева дня (с 26 октября) зима вступила в свои права, «и реки все стали, и мразы велики, яко же не мощи зрети». Угра покрылась ледяным панцирем. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать боевые порядки русской армии, растянувшиеся на десятки верст. В таких условиях воеводы отступили с Угры к Кременцу. Теперь вся русская армия была собрана в один кулак.

С наступлением морозов и началом ледостава в Кременце стало известно о приближении удельных полков. Братья имели при себе сильные полки, тогда как великий князь стоял в Кременце «с малыми людьми». Ивану III нельзя было медлить, и он вызвал с Угры сына Ивана с верными полками. Возникла возможность завершить переговоры о прекращении внутренней войны в стране. Иван III уступил домогательствам братьев и объявил о передаче им нескольких крепостей с уездами. Смута, подтачивающая силы России изнутри в течение девяти месяцев, завершилась без кровопролития.

Хан боялся затевать сражение с русскими, не имея помощи от короля. Но уже в октябре стало ясно, что Казимир не намерен выполнять своих союзнических обязательств. Жестокость и вероломство Ахмат-хана, разграбившего литовскую «украину», означали полное крушение их союза. Орда была утомлена длительной войной. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. «Бяху бо татары, — поясняет летописец, — нагы и босы, ободралися». В начале ноября Ахмат-хан отдал приказ об отступлении. Его сын, двигаясь на восток, разорил несколько русских волостей под Алексином. Встревоженный Иван III немедленно направил в Алексин своих воевод. Уклонившись от встречи с ними, татарский царевич бежал в степи.

Из Кременца Иван III со всей армией перешел в Боровск. Некоторые историки считают, что Иван III совершил искусный военный маневр, надежно прикрыв подступы к Москве. Однако к моменту перехода Ивана III в Боровск отпала надобность в каких бы то ни было маневрах. Король Казимир так и не собрался на войну, а Орда исчезла в степях. Ахмат-хан после отступления распустил свои войска на зимовку, за что и поплатился головой. Его соперники, ногайские князья, воспользовались оплошностью, исподтишка напали на ханскую «вежу» и убили Ахмат-хана.

НА ГРАНИЦАХ

Распад подорвал военное могущество Золотой Орды. Одержав победу в дни «стояния на Угре», Иван III предпринял настойчивые попытки подчинить себе Казанское ханство, основанное в опасной близости от Владимира и Москвы. В 1482 г. русская рать двинулась к Казани. С воеводами был послан Аристотель Фиораванти с нарядом (пушками). Узнав о движении полков, казанский царь Алегам покорился Москве. В 1485 г. к Казани двинулись войска князя В. Оболенского и Ю. Захарьина. Воеводы посадили на казанский трон малолетнего хана Мухаммеда-Эмина. Его мать вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея. Но Крым не вмешался в войну на стороне Казани.

Крым враждовал с ханом Большой Орды и поддерживал союз с Москвой. Когда Алегам изгнал из Казани московского ставленника Эмина, тот послал гонца в Москву с просьбой о помощи.

В апреле 1487 г. в Казань были направлены значительные силы во главе с Д.Д. Холмским. 18 мая воевода приступил к осаде Казани, а 9 июля Алегам сдал крепость. На престол вновь был посажен Мухаммед-Эмин.

Первое «казанское взятие» было возможно благодаря ослаблению Орды. В 1502 г. Крым, ставший вассалом Османской империи, разгромил сыновей Ахмат-хана и поставил точку в истории Большой Орды.

Война в Ливонии шла с переменным успехом. В 1581 г. московские воеводы взяли два небольших замка. Однако столкновения московской иррегулярной конницы с орденом заканчивались обычно ее отступлением.

В давнем конфликте с Литвой из-за пограничных русских земель перевес все больше склонялся на сторону России. По договору 1494 г. Литва признала утрату Вязьмы, важнейшей крепости на подступах к Москве.

Весной 1500 г. на сторону Ивана III перешли северские князья. Поводом к отъезду были притеснения православных князей в пределах Литовско-Русского государства. Иван III направил в помощь им воеводу Якова Захарьина. Русские овладели Брянском. В Москву отъехали князья Трубецкие и Мосальские со своими вотчинами.

Для отражения русских войск литовский король Александр направил к Смоленску гетмана Константина Острожского, православного магната со «всеми людьми Великого княжества Литовского». Добрую половину войска составляли русские дружины с Украины.

Битва произошла у Ведроши на берегах Тросны под Смоленском. Начало битвы было неудачно для русских. Воеводы передового полка переправились за реку на встречу литовцам, но были разгромлены Острожским. Вслед за тем подошли главные силы во главе с боярином князем Д. Щеней-Патрикеевым.

Несколько дней оба войска стояли друг против друга, по обе стороны реки. Наконец Острожский отдал приказ

о переправе. Сражение длилось шесть часов и закончилось полным поражением литовского войска. Гетман и другие воеводы были взяты в плен. Потери королевского войска превысили 5 000 человек. Вскоре же русские воеводы заняли Путивль.

Москва предполагала закончить войну, заняв Смоленск. Но это ей не удалось. Согласно миру, заключенному в 1503 г., к России отошли Чернигов, Новгород-Северский, Брянск и много других городов.

Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширились. Глава Священной Римской империи германской нации направил в Москву посла и предложил Ивану III принять королевский титул. Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы. Москва отклонила предложение Вены. Воспитанные в византийских традициях, московские государи неоднократно употребляли титул «царь» или «кесарь», но исключительно в дипломатической переписке с Ливонским орденом и мелкими германскими княжествами. «Великий» князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с «великим» магистром ордена или «великими» немецкими князьями.

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Русская церковь веками опиралась на авторитет греческой церкви. Но в 1453 г. Византийская империя была завоевана турками. Стали толковать, что красота греческой церкви помрачилась под властью иноверных завоевателей.

В Византии первосвященники признавали первенство императорской власти. На Руси великокняжеская власть шла по тому же пути. Иван III признавал себя носителем высшей власти и пытался претворить этот взгляд в жизнь, что привело к конфликту.

Усиление власти московских государей неизбежно должно было сказаться на их взаимоотношениях с церковью. Но московские митрополиты отстаивали традицию. Это вело к столкновениям между светской и духовной властями. Иван III заспорил с митрополитом по поводу крестного хода.

Среди иерархов, выступавших на стороне Ивана III, выделялся архимандрит Геннадий Гонзов. Митрополит подверг его наказанию, посадив в ледник. Но монарх вызволил сидельца из заточения, а некоторое время спустя назначил архиепископом Великого Новгорода.

Флорентийская уния имела приверженцев в России. В юности Софья Палеолог пользовалась покровительством папского престола. Ее воспитателем был грек Виссарион, рьяный поборник унии.

Но, прибыв в Москву, Софья очень скоро поняла, что в России сторонники унии не могут рассчитывать на успех. По этой причине царьградская царевна настойчиво искала опору среди епископов ортодоксального направления. Геннадий Гонзов стал одним из них.

На протяжении веков московские иерархи при всяком затруднении обращались к главе вселенской церкви — царьградскому патриарху. Заключение унии и падение Византии поставили их в трудное положение.

В 1489—1491 гг. на Русь был приглашен ученый медик из Любека Никола Булев. Булев должен был помочь москвитам в составлении Пасхалий. Иван III оценил его познания и сделал своим придворным врачом. Правоверный католик Булев отстаивал идею церковной унии и выступал рьяным противником ереси. Находясь на службе у Геннадия, доктор перевел с латинского языка сочинение Самуила Евреина против иудейской веры.

При Софийском доме издавна существовали богатейшая на Руси библиотека и книжная мастерская со штатом книжников, переводчиков и писцов. Среди софийских книжников выделялись двое братьев — архидьякон Софийского собора Герасим Поповка и Дмитрий Герасимов. Будущий знаменитый дипломат Дмитрий Герасимов родился, по всей видимости, в Новгороде и получил образование в одной из школ Ливонии, благодаря чему овладел немецким и латинским языками. В ранней молодости он перевел на русский язык латинскую грамматику Доната, что показывало уровень его образованности. Ге-

расимов начал карьеру как переписчик владычной мастерской, которую возглавлял его брат архидьякон Герасим Поповка. В 1499 г. в мастерской была перебелена так называемая Геннадиевская Библия — полный свод библейских книг в переводе на славянский язык. Никаких данных о том, что инициатором этого предприятия выступил Иван III или московский митрополит, нет. На первом листе Библии имеется запись о том, что рукопись изготовлена в Новгороде Великом на архиепископском дворе «повелением архидиакона инока Герасима Поповки» дьяками Василием Иерусалимским, Гридей Исповедником и Клементом Архангельским. Библия была едва ли не самой значительной русской книгой XV в. и включала не только давно известные, но и впервые выполненные переводы библейских книг.

Видимо, именно греки внушили архиепископу Геннадию мысль о возможности сотрудничества с католиками. Начав работу над Библией, Геннадий пригласил на службу в Софийский дом Вениамина, доминиканского монаха из Хорватии. «Презвитер, паче же мних обители святого Доминика, именем Вениамин, родом словенин, а верою латынянин» был, по его собственным словам, знатоком латинского языка и «фряжска». Вениамину принадлежала ведущая роль в составлении новгородского библейского свода. Примечательно, что доминиканец целиком ориентировался на латинские рукописи, часть из которых он привез с собой. Следствием явился заметный сдвиг славянской Библии с греческого руслу в латинское (И.Е. Евсеев). По наблюдению Г. Флоровского, составители библейского свода «ни к греческим рукописям, ни даже к греческим изданиям в Новгороде не обращались», но использовали Вульгату в латинском оригинале и чещ-

ском переводе. Наиболее образованные книжники Вениамин и Дмитрий Герасимов при составлении комментария к библейским текстам широко использовали немецкий энциклопедический словарь Рейхлина, выдержавший в Европе до 1504 г. 25 изданий.

В Новгороде культурно-религиозное влияние Запада сказывалось ошутимее, чем в Москве, и тут раньше обнаружился контраст между новой теологией Запада и традиционным богословием, некогда составлявшим основу христианского учения. Западное богословие заново открыло для себя античную философию, что послужило толчком для разработки концепций теологии на новых основах. Восточная греческая церковь предпочитала схоластике мистические искания. На Руси наибольшую восприимчивость к новым идеям проявляли образованные новгородцы. В своих богословских исканиях они шли значительно дальше, чем могли позволить себе московские ортодоксы. На этой почве и возникло одно из интереснейших явлений русской общественной мысли — новгородское «вольномудство», объявленное ересью.

Начало конфликту между еретиками и ортодоксами положили не столько богословские споры, сколько практика церкви. В Москве процветала продажа церковных должностей. Про архиепископа Геннадия говорили, будто он затратил на приобретение должности две тысячи рублей, неслыханно большую сумму денег. Игумен псковского Немцова монастыря Захарий, будучи противником симонии, не желал подчиняться авторитету архиепископа, к чьей епархии принадлежал его монастырь. В качестве республики Псков сохранял политическую независимость от Новгорода, и это позволило Захарии открыто выступить с обвинениями против Геннадия. В течение

трех лет игумен рассылал повсюду грамоты, в которых называл Геннадия еретиком. В свою очередь, архиепископ заклеил как еретиков Захария и двух новгородских священников, Алексея и Денисия.

Обвинения в ереси могли привести священников на костер. Но новгородский архиепископ не мог казнить священнослужителей без приказа государя. А такого приказа, судя по всему, не последовало.

Московский князь, очень возможно, симпатизировал вольнодумцам. Во всяком случае, он взял под свою защиту главных еретиков священников Алексея и Денисия и дал им назначения в Кремле. Алексей стал протопопом главного храма — Успенского собора, а Денисий — священником кремлевского Архангельского собора, усыпальницы московских государей.

Затеяв борьбу с еретиками, Геннадий вскоре же обнаружил, что вольнодумство и ересь успели проникнуть в столицу православной Руси. Среди московских вольнодумцев самой заметной фигурой был дьяк Федор Курицын, близкий ко двору Ивана III. Ему и другим еретикам открыто покровительствовала мать наследника трона Дмитрия-внука Елена Волошанка. Федор Курицын критиковал монашество и развивал мысль о свободе воли («самовластии души») человека, которому образование и знание дают свободу, ибо он узнает, где добродетель, где порок, где пьянство, где невежество.

Русское вольнодумство и ереси конца XV — начала XVI в. получили неодинаковую оценку в литературе. В советской историографии их трактуют как реформационно-гуманистическое движение, направленное против феодальной церкви. В ереси видят «одну из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета»,

ее распространение связывают с резким обострением классовой борьбы (А.А. Зимин, Я.С. Лурье). Следует заметить, однако, что никаких следов классовой борьбы в указанный период обнаружить не удастся.

После смерти Геронтия церковь возглавил Зосима, терпимо относившийся к московским еретикам. Избрание Зосимы сняло вопрос о суде над ближним дьяком Ивана III Федором Курицыным и другими московскими еретиками. Однако новгородские еретики были осуждены церковным судом. Их обвинили в жидовстве. Главным обвиняемым на московском процессе стал игумен Захарий, не имевший никакого отношения к «жидовствующим». Судилище над мифической сектой тайных иудеев завершилось тем, что новгородских еретиков отправили в Новгород и выдали Геннадию. По приказу владыки палачи сожгли на голове осужденных шутовские колпаки из бересты. Другие еретики были замучены в тюрьме.

Иван III спас Федора Курицына не потому, что разделял его взгляды. Суд над московскими еретиками грозил скомпрометировать двор наследника престола Дмитрия-внука, мать которого слыла еретичкой.

Иван III был изощренным политиком и оправдывал любые средства для достижения цели. Дмитрий был единственным законным наследником престола. Тем не менее Иван III в конце концов решил низложить Дмитрия. Репутация Елены Волошанки как еретички благоприветствовала замыслам государя. Софья и ее сын Василий III добились цели, подав руку крайним ортодоксам.

МИР

В конце XV в. произошли события, изменившие лицо Европы. Турки османы захватили столицу Восточной Римской империи. Византийская империя исчезла с карты мира. Угроза турецкой экспансии нависла над Южной и Восточной Европой.

На море первенствовали Португалия и Испания, изгнавшие в XV в. завоевателей-арабов с Пиренейского полуострова. Многочисленное мелкое дворянство, участвовавшее в Реконките (войне с арабами), хлынуло за море, на завоевание вновь открытых земель. Началась эпоха великих географических открытий.

С XIV в. европейцы стали использовать огнестрельное оружие и строить корабли, пригодные для океанского плавания (каравеллы). Это позволило им основать свои фактории в Африке и Азии и приступить к завоеванию заморских территорий. Португальские мореплаватели обогнули мыс Доброй Надежды, а позднее достигли Индии и основали там свои колонии. Генуэзец Христофор Колумб предложил испанскому правительству проект плавания в Индию западным путем. В 1492 г. он на трех

каравеллах пересек Атлантический океан и открыл Восточную Индию — Америку. Географические открытия ускорили развитие мировой торговли и увеличили приток в Европу драгоценных металлов. Первые заметные успехи сделало мануфактурное производство. Развитие мировой торговли и мануфактурной промышленности ускорило развитие европейской цивилизации.

Расцвет европейской культуры нашел наиболее яркое воплощение в итальянском Возрождении. Обращение к античности и новое гуманистическое мировоззрение, в центре которого стояла человеческая личность, были наиболее характерными чертами новой эпохи. В Западной Европе образовались крупные национальные государства.

На востоке Европы возникло обширное Московское государство. Его государи носили титул великих князей «Русии». От этого слова произошло название «Россия». Территория Русского государства увеличилась с середины XV в. до середины XVI в. в шесть раз.

В XV в. русские воеводы предприняли первые походы в Сибирь. Воевода Василий Скрыба в 1465 г. прошел за Урал в Югру и собрал дань в пользу московского князя. После отражения нашествия Большой Орды Иван III в 1483 г. отправил рать за Урал. Воеводы князь Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин перевалили Уральский хребет и прошли по сибирской земле. В Москву прибыли вогульский князек Пыткей, а позднее пелымский князь Юмшан для заключения мира.

В 1499 г. Иван III направил в Сибирь крупные силы — более 4000 ратников. Поход возглавил князь Федор Курбский. Целью был городок Ляпин, владения ляпинского князька. Впервые русские перевалили горы не в летнее вре-

мя, а в условиях морозной и снежной зимы. В итоге воеводы заняли более 40 городков и взяли в плен 58 князьков.

Возникла возможность присоединения к России Зауралья. Но продвижение русских на восток было надолго приостановлено: «Печерский путь был слишком удален от Москвы, чтобы им можно было совершать прочное присоединение Зауралья» (С.В. Бахрушин).

Русские не смогли закрепиться за Уральским хребтом, отделявшим Европу от Азии.

Однако Россия превратилась в евразийское государство уже с момента ее включения в Монгольскую империю.

На Руси рост промыслов и торговли привел к увеличению городского населения. Подле примерно 100 старых возникло еще 60 молодых городов. Полагают, что Москва уже в конце XV — начале XVI в. приобрела значение экономического центра страны и превратилась в один из крупнейших городов Европы.

В действительности Россия оставалась экономически разобщенной страной, не имевшей единого хозяйственного центра. Новгород Великий по своей величине, по видимому, не уступал Москве. Каждая земля жила своей особой жизнью. Участие России в мировой торговле было незначительным, плотность населения мала.

РУСЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ

В XV в. подавляющую часть населения России составляли крестьяне. Как правило, они жили в однодворных деревнях, разбросанных по всей территории Восточно-Европейской равнины. Основной культурой на Руси в XV в. оставалась рожь. Пшеницу сеяли в небольших количествах. Черный хлеб был основным продуктом питания наряду с такими овощами, как капуста, репа, лук. Щи и каша были самыми распространенными блюдами.

Животноводство находилось на достаточно низком уровне. Держать скот на подножном корму можно было весьма непродолжительное время. Зато в лесах было много дичи, а в реках и озерах множество рыбы.

Для девяти десятых населения в эпоху Средневековья главная проблема заключалась в том, чтобы найти себе пропитание.

Иностранцев, посещавших Россию, поражало при страстие русских к хмельным напиткам. Итальянец Контарини писал: «Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они при-

готоввяют с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый».

«Их жизнь, — продолжает итальянец, — протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом они отправляются в таверны есть и пить...» Видимо, Контарини близко наблюдал жизнь столичных торговых людей, но отнюдь не крестьян.

Перед отъездом посла ждало серьезное испытание. За столом ему поднесли большую серебряную чашу с медом и передали приказ государя выпить напиток, после чего он получит чашу в подарок. Контарини смог выпить не более четверти налитого вина. В итоге его никто не стал принуждать, а государь подарил ему кубок.

Надо иметь в виду, что посол из Италии был трезвенником, о чем итальянцы успели предупредить Ивана III.

Казна пользовалась монополией на изготовление хмельных напитков, что могло принести ей большой доход. Эта мера шла вразрез с традицией, и осуществить ее стоило большого труда.

Иван III не уступал подданным в своих пристрастиях. Австрийский посол С. Герберштейн так описал пиры Ивана III: «Во время обедов он по большей части предавался такому пьянству, что его одолевал сон, причем все приглашенные сидели, пораженные страхом, и молчали. По пробуждении он обыкновенно протирает глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость к гостям». Утверждение насчет страха гостей едва ли было преувеличением.

Обобщая виденное, посол заметил: «Насколько они воздержанны в пище, настолько же неумеренно предаются пьянству повсюду, где только представится случай». Слабость к спиртному разделяли не только миряне, но и

многие лица духовные. Так повелось со времен Киевской Руси.

Система землевладения на Руси определялась особенностями почвы и суровым климатом. Заметным успехом стало появление в деревнях первых очагов трехпольной системы. При трехполье крестьянин поочередно оставлял одно из трех полей под паром, что было необходимо для восстановления плодородия почвы.

Крестьяне не составляли единого сословия. На Севере и в Поморье преобладали «черносошные» крестьяне. («Черные» сохи зависели от казны и платили налоги великому князю.) В центре самую многочисленную категорию составляли владельческие крестьяне, платившие оброк в пользу землевладельцев — Дворца, вотчинников и помещиков. Описывая имения, писцы проводили различие между «старожильцами» и «новоприходцами». Появление категории «старожильцев» было симптомом важных перемен в жизни сельского населения.

В середине XV в. удельный князь Михаил Андреевич воспретил крестьянам Белозерского удельного княжества «отказываться» (переходить с места на место) в иные сроки, кроме Юрьева дня осеннего — 26 ноября. Со временем этот запрет был распространен властями на другие территории. Судебник 1497 г. утвердил нормы Юрьева дня как основного закона о крестьянах для всей России. Прежде чем покинуть свой двор, любой «хрестьянин» должен был уплатить землевладельцу «пожилое» за двор в размере 1 рубля (при условии, что крестьянин прожил во дворе не менее 4 лет). Рубль примерно соответствовал цене 200 пудов ржи. Эта сумма была весьма велика для жителей деревень, имевших в своем распоряжении незначительные денежные средства. Крестьянский выход приурочен был к двум последним

неделям осени, когда все посевные работы заканчивались. Введение Юрьева дня не лишило крестьян свободы, но заметно стеснило их передвижение.

Бояре получали доход в виде оброков, включавших небольшие денежные платежи и разнообразные натуральные продукты. Растущие расходы, связанные со службой, побуждали землевладельцев заводить в своих имениях барскую запашку. Работали на их пашне «страдные холопы». (Страда — пахота, отсюда слово «страдание».) Производительность их труда была невелика. Холопов покупали по цене от 1 до 3 рублей за голову. Крестьяне отправляли барщинную повинность на сенокосах, много реже — на пашне.

В XVI в. рядом с полными («обельными») холопами появилась категория кабальных людей, работавших или служивших господину в счет процентов за долг по заемному письму — по «кабале». Кабальные люди несли службу в вооруженной свите или же в качестве «деловых людей» работали на пашне в имении господина. Введение принципа обязательной службы с земли привело к разделению холопов на две группы: служилых «боевых» холопов и страдников, или пашенных холопов.

Развитие поместной системы и непрерывные войны привели к тому, что казна встала на путь повышения государственных налогов. Помещики повышали оброки. Все это отрицательно сказывалось на состоянии деревни. Фонд государственной земельной собственности подвергся разорению в первую очередь. В сельской местности впервые появилась многочисленная категория бобылей, не имевших возможности пахать пашню и живших в бедности. Не желая лишаться работников, дворянство добилось издания закона о том, что крестьяне могли запродаваться с пашни в холопство независимо от норм Юрьева дня и даже без уплаты «пожилого».

ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ШЕЛОНЬ

Новгород Великий длительное время находился под властью Киева, а позднее — Владимира на Клязьме. Разгром этих центров Батыем создал возможность для самостоятельного развития Новгорода, где пустили корни республиканские порядки.

Новгородом правили архиепископ и посадники, которых выбирало вече из среды бояр. В Новгороде Великом раньше, чем в других русских землях, получило развитие боярское землевладение. Княжеский домен тут был упразднен. Благодаря вечевому строю Новгородская земля избежала дробления и по территории далеко превосходила другие земли. Ее владения простирались от р. Наровы до Уральских гор.

Одним из условий процветания Новгородской земли был низкий уровень налогов. Республика не могла содержать войско и в случае опасности приглашала полки из Владимиро-Суздальской земли.

Угроза независимости со стороны Москвы побудила новгородцев искать помощь в Литве. По их приглашению

в ноябре 1470 г. в Новгород прибыл князь Михаил Олелькович, православный князь, двоюродный брат Ивана III.

Князь недолго пробыл в Новгороде и покинул город накануне вторжения.

Иван III пытался добиться от Новгорода покорности до начала военных действий. Он доверял Пушкиным и послал к новгородцам своего посла Ивана Товаркова-Пушкина «с добрыми речами». Но его миссия не увенчалась успехом.

Готовясь к войне, бояре Борецкие составили договор, содержание которого дает представление о целях противников Москвы, но договор не был утверждён и так и остался проектом. Новгород должен был перейти под власть короля Казимира, а король обязывался «всести на конь за Велики Новьгород и со всею своею радою литовскую против великого князя и оборонити Велики Новьгород».

Королю предстояло вовлечь в войну против Москвы Ахмат-хана. Но договор не был утверждён, а остался проектом. На нем были подписи двух посадников и пяти житых людей.

Надвигавшаяся война расколола население Новгорода надвое. На вече противники Москвы кричали: «Не хотим за великого князя Московского, ни зватися «отчиной» его. Волны есмы люди Велики Новьгород»; «За короля хотим!».

Сторонники Москвы объясняли победу пролитовской партии тем, что эта партия «наимоваху злых тех смердов, убийц, шильников и прочих безименитых мужиков». О приемах московской партии летописец умалчивал.

Антимосковскую партию возглавляла вдова посадника Марфа Борецкая с сыновьями. Успех Борецких был относительный. В Новгороде многие бояре и значительная часть населения тяготели к Москве.

Военные приготовления в Новгороде приобрели беспрецедентные масштабы. Только на псковскую границу было послано сорокатысячное войско. Кто отказывался идти в поход, тех бросали в Волхов, имение отбирали. Боеспособность собранной таким образом новгородской рати была не слишком высока. Как писал летописец, «плотники и гончары и прочии, которые родившася на лошади не бывали, и на мысли которым того и не бывало, что руки поднять противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша».

В Москве знали о сборах новгородцев и также готовились к кампании. 6 июня из столицы выступил воевода Данила Холмский с десятитысячным войском. Он двинулся на Русу. Через неделю в поход двинулся князь Стрига Оболенский на Волочек и Мсту. 20 июня 1471 г. Иван III в сопровождении двора последовал за своими воеводами.

Достигнув границы, московские силы приняли порядок: справа и слева шли полки Холмского и Стриги, а между ними, отстав от них, шел великий князь. Обозов с удовольствием у армии не было, и московские ратники грабили население. Чтобы устрасить новгородцев, воеводы «без милости» казнили пленных, «носы, уши и губы им резали». Так испокон веку поступали с мятежными холопами.

Войско Холмского сожгло Русу. Атаковавшие его судовые рати новгородцев были разгромлены. Воевода получил приказ от Ивана III идти на Шелонь и соединиться с псковичами, разорявшими приграничные новгородские волости.

На Шелони Холмский неожиданно для себя столкнулся с новгородским войском, посланным против псковичей.

чей. Некоторое время обе рати шли по разным берегам реки. Следуя давнему обычаю, новгородцы перед боем затеяли словесную перепалку: «По оной стране реки Шелони ездяще, и гордящися, и словеса хулные износяще на воевод великого князя, еще же окаяннии и на самого государя великого князя словеса некая хулная глаголаху, яко пси лаяху».

14 июля завязалась битва. Новгородская судовая рать «бишася много и побиша москвич много» на переправе. Но когда новгородцы погнали москвичей за Шелонь, на них из засады ударили татары, присланные на помощь воеводе.

Новгородцы дрогнули и побежали. Конный полк архиепископа Феофила еще мог исправить положение. Но его воеводы не двинулись с места, заявив, что они посланы только против псковичей. Скорее всего воеводы действовали в соответствии с инструкциями, полученными от владыки.

Основные потери в средневековых битвах войска несли во время отступления. Москвичи преследовали новгородцев 12 верст. В битве на Шелони пало до 12 тысяч новгородцев. Еще 2 тысячи попали в плен. В числе пленных были главнейшие новгородские посадники и бояре. Явившись в Русу, Иван III учинил суд и расправу над правителями Новгорода Великого.

Дмитрий Борецкий и трое других посадников подверглись наказанию кнутом, после чего им отсекали голову. Василий-Казимир и трое других бояр были отправлены «в оковы» в тюрьму Коломны. С пленников «добрых людей» был взят откуп, «мелких людей» отпустили так.

27 июля великий князь прибыл на Коростыню, где начал переговоры о мире с представителями Новгорода.

11 августа был подписан мирный договор. Очевидно, Иван III очень спешил. На то были причины.

Противники Москвы не отказались от планов создания широкой коалиции против Москвы. Если бы им удалось втянуть в войну с Россией Литву, Большую Орду и немецкий орден, тогда Москве предстояла бы тяжелая затяжная война.

Иван III желал избежать такой войны. Он принял главное требование новгородцев — сохранение вечевого строя в Новгороде. Это требование отразилось в Яжелбицком договоре с Россией и в проекте договора с королем Казимиром. Великий князь должен был понять, что новгородцы не поступятся вольностью.

В основу договора 1471 г. был положен Яжелбицкий договор 1456 г. В руки Ивана III попал проект договора с Казимиром. Главный пункт нового договора воспрещал новгородцам «отдаватися» под власть короля. Иван III принял от Новгорода выкуп — 16 000 рублей, ровно столько, сколько предложили ему новгородцы.

Новгород сохранил право приглашать на престол князей, исключая недругов Москвы. Все население Новгорода было приведено к присяге. В тексте договора новгородцы еще именовались «Великим Новгородом, мужами вольными», но «отчина» великого князя Новгород обязался не отступать от Москвы. Московские власти не решились упразднить в Новгороде вечевой строй. Последующие события обнаружили полную несовместимость республиканских и монархических порядков.

Осенью 1475 года Иван III явился в Новгород «миром», но его сопровождала внушительная сила. По традиции новгородских должностных лиц могли судить лишь Совет господ и вече Новгорода. Но Иван III пренебрег

законом и традицией. Предлогом для расправы с новгородскими посадниками стала жалоба жителей Славковой улицы. Бояре Славецкого конца, по наблюдениям В.Л. Янина, тяготели к союзу с Москвой, бояре Неревского конца — к Литве. Распри между «концами» Новгорода сопровождались взаимными нападениями и грабежами. Пострадавшие жители Славковой улицы подали Ивану III жалобу на В. Ананьиных и 24 других лица. Иван III не стал выяснять степень вины каждого боярина, но использовал жалобу, чтобы покончить со своими политическими противниками. Григорий Туча, названный в числе четырех главных инициаторов разбоя, а также В. Никифоров избежали ареста. В. Ананьин и три других боярина были под стражей отправлены в Москву. Имя боярина И. Офонасова ни в каких жалобах не фигурировало. Тем не менее его увезли в Москву вместе с В. Ананьиным. Офонасова обвинили в том, что он мыслил «даться за короля». По традиции великий князь не имел права судить новгородцев «на Низу», в пределах Владимирского и Московского княжеств. Архиепископ Феофил пытался выручить арестованных бояр и предпринял путешествие в Москву, но его миссия не имела успеха.

Добиваясь полного подчинения Новгорода, Иван III задался целью упразднить особый новгородский суд, заменив его великокняжеским. Вопрос о ликвидации вечового строя был отложен на будущее.

Новгородские послы именовали московского князя «господином». Такое обращение символизировало равенство сторон: «Господин Великий Новгород» вел переговоры с «господином великим князем». Весной 1477 г. в Москву потянулись новгородцы — «жалобщики на посадников и на бояр». Летописи поясняют, что среди «жалоб-

щиков» были не только «вдовы и черницы», но и «посадницы и мнози жития повгородцы», среди них сторонники Москвы посадник Василий Никифоров и боярин Иван Кузьмин. Вместе с другими Иван III принял «Назара подвойского да Захарья дьяка вечного». В дальнейшем никто не мог установить, кого представляли названные лица. По московской летописи, их прислал архиепископ Феофил. В устюжской летописи имя владыки не названо. На приеме во дворце Назар и Захарий на московский манер называли Ивана III и его сына «государями», отступив от принятого обращения «господин». Московские власти использовали их обмолвку, чтобы возможно скорее довести дело до разрыва с Новгородом. Московские послы Ф.Д. Хромой-Челяднин и И.Б. Тучко-Морозов явились в Новгород и, ссылаясь на слова Назара и Захария, потребовали официального признания за Иваном III титула государя новгородского, а также устройства великокняжеской резиденции на Ярославом дворище в Новгороде, замены новгородского суда судом московского государя. Вече выслушало послов и заявило, что Новгород не санкционировал никаких перемен в титулатуре московского князя. «Мы, — говорили новгородцы, — с тем не посылали, то посылали бояра, а народ того не ведает». Назар и Захарий были объявлены вне закона. Распри между сторонниками и противниками Москвы фактически привели к падению боярского правительства.

Боярин В. Никифоров, который втайне от Новгорода поступил на службу к Ивану III и принес ему присягу, был убит на вече. В страхе перед разбушевавшейся толпой прочие бояре разбежались. Посадник В. Овинов с братом укрылись на архиепископском дворе. В отличие от Никифорова Овинов был увезен в Москву под стра-

жей и не целовал крест Ивану III. Тем не менее народ не пощадил его. Архиепископ не смог защитить братьев. Их убили на владычном дворе. Влиятельные бояре Л. Федоров и Ф. Захарьин были посажены под стражу.

Вече отпустило московских послов «с честью», но все требования Ивана III решительно отклонило.

ПАДЕНИЕ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

9 октября 1477 г. Иван III с войском выступил в поход на Новгород. В пути к нему присоединилась тверская рать. В ноябре московские, тверские и псковские отряды окружили Новгород со всех сторон. Новгородцы деятельно готовились к обороне. Городские укрепления включали каменный Детинец (Кремль) и «город» с мощным поясом укреплений. Чтобы не допустить штурма со стороны реки, воевода В. Гребенка-Шуйский и жители спешно соорудили деревянную стену на судах, перегородив Волхов. Новгородцы рассчитывали на то, что многочисленная неприятельская армия, собранная в одном месте, не сможет обеспечить себя продовольствием и рано или поздно отступит, спасаясь от голода и сильных морозов. Расчеты новгородцев оправдались лишь отчасти. Ивану III пришлось распустить половину войска, чтобы воины могли добыть продовольствие грабежом. Исключительную услугу Москве оказал Псков, доставивший в лагерь великого князя обозы со съестными припасами.

Новгород имел возможность выдержать осаду. Но его силу подтачивали распри. Боярское правительство раз-

делилось. Сторонники Москвы, помня о недавних казнях на вече, спешили покинуть город. В числе первых перебежчиков был боярин Г. Туча, бывший челом в службу Ивану III. Вслед за ним в стан великого князя явился сын убитого боярина Никифорова. Он предупредил государя, что «ноугородцы не хотят здати Новгород».

Самые решительные защитники новгородских вольностей были казнены или сидели в московских тюрьмах. Оставшиеся на свободе бояре не смогли организовать оборону города. «Людам, — записал псковский летописец, — мятущимся в осаде города, иныа хотящи битися с великим князем, а инии за великого князя хотяще задати, а тех болши, котори задатися хотять за князя великого». Большое значение имело выступление архиепископа, настаивавшего на мирных переговорах с Москвой. 23 ноября 1477 г. новгородское посольство во главе с Феофилом явилось в походный шатер Ивана III на берегу Ильмень-озера. Новгородцы надеялись, что им удастся заключить мир на тех же условиях, что и прежде. Государь дал пир в честь послов, но отклонил все их просьбы. Надежды на почетный мир разлетелись в прах. Тем временем воинские заставы Ивана III заняли предместья Новгорода.

Отбросив дипломатические ухищрения, Иван III объявил: «Мы, великий князь, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быть на «отчине» своей Великом Новегороде». Вслед за тем бояре Патрикеев и братья Тучко-Морозовы продиктовали послам волю государя: «Вечю колоколу в «отчине» нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати». Когда послы сообщили об этом на вече, в городе поднялось смятение и «многа брани». «Всташа чернь на бояр и бояре на чернь». Народ утратил доверие к боярам

и окончательно отказался повиноваться им: «Мнози бо вельможи и бояре перевет имеаху князю великому».

Оказавшись между молотом и наковальней, посадники пытались достичь соглашения с московскими боярами. Последние заверили послов, что Иван III не будет выселять новгородцев «на Низ», не будет «вступаться» (отбирать) в их земли. Заверения положили конец колебаниям правителей республиканского Новгорода. Стремясь получить гарантии неприкосновенности своего имущества, бояре просили, чтобы монарх лично подтвердил соглашение и принес клятву на крест. Но им грубо отказали.

Видя «неустройство» и «великий мятеж» в городе, князь В. Гребенка-Шуйский сложил крестное целование Новгороду и бил челом в службу Ивану III. Лишившись военного предводителя, новгородцы окончательно уступили всем требованиям московских властей. Они согласились восстановить в Новгороде обширный княжеский домен и определили порядок сбора дани в пользу великого князя.

15 января 1478 г. Патрикеев с боярами въехал в Новгород и привел жителей к присяге. Вече в городе более не созывалось. Вечевой колокол и архив Новгорода были увезены в Москву. Выборные должности, вечевые порядки, древний суд упразднены. Новгородская республика пала.

Уже в феврале Иван III приказал арестовать Марфу Борецкую. Огромную вотчину Борецких, 1500 обож (обжа — надел зажиточного крестьянина, пахавшего землю на одной лошади), отписали в казну, Василий-Казимир и трое других посадников были приняты на государеву службу, но в 1481 г. они оказались в опале и лишились всех своих вотчин.

Иван III по-прежнему боялся вмешательства Литвы. Он тотчас послал на литовскую границу воинскую заставу, как только получил донос на новгородцев. Главой заговора был назван боярин Иван Савелков, один из самых деятельных вождей литовской партии. По делу о тайных сношениях с Литвой было арестовано до 30 лиц, у них отобрано 12 000 беж.

Иван III распорядился пограбить всех изменников и «много имениа взя бесчислено».

Сохранилось «Сказание о городех». Его авторы живо описали положение, сложившееся в Новгороде в XV в.: «Бояре в нем меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо».

Почему бояре не могли править меньшими людьми? Причины крылись, конечно же, не в сквернословии и винопитии. Московские власти объявили о ликвидации старых вечевых порядков. Но мгновенно разрушить эти порядки оказалось невозможно. Да и московские порядки не могли сразу пустить корни в новгородской почве. Боярам трудно было управиться с населением Новгорода.

Недовольный народ мог поднять мятеж в любой момент. Иван III имел основания бояться такого исхода. Десятилетний опыт конфискации боярщины подсказал выход. Москва решила пойти на самые крайние меры — выселить из Новгорода всех без исключения бояр, а их богатейшие вотчины забрать в казну.

Как записал летописец, зимой 6996 (1487—1488) года «привели из Новагорода боле седми тысяч житых людей на Москву, занеже хотели убить Якова Захарыча, наместника Новгороцкого, и иных думцев (участников заговора) много Яков пересече и перевешал».

В другой летописи читаем: в 6997 (1488—1489) г. Иван III «переведе из Новагорода из Великого многих бояр и житьих людей, гостей — всех голов больши тысячи...»

Сходные данные приводит «Краткий летописец» Кирилло-Белозерского монастыря: «Лета 6997 князь вликий Иван вывел из Новгорода из Великого бояр и гостей с тысячу голов».

Согласно писцовым книгам, Иван III выселил из Новгорода 1054 человека. Если считать с членами семей, выселению подверглось примерно 7000 человек.

Данные финансовых кадастров — писцовых книг подтверждают полную достоверность летописных свидетельств.

Кто входил в новгородскую тысячу? Иностранцы, посещавшие Русь, отметили, что Новгородом управляют 300 золотых поясов. Золотые пояса, видимо, носили бояре, владевшие усадьбами в Новгороде. Их выселили из города в первую очередь. В ссылку отправились купцы, 500—600 житейх людей, стоявших на иерархической лестнице ступенькой ниже. Простой народ не был затронут переселением.

Вечевой строй обеспечивал участие народа в управлении. Наместничье управление опиралось на другие принципы. Наместник боярин Яков Захарьин обладал бесконтрольной властью над посадским населением. Он облагал жителей поборами и штрафами. Обиженные и ограбленные новгородцы пытались искать защиты у Ивана III, но безуспешно. По словам летописца, государь «опалился» не на наместников, а на новгородцев «обговору дея, что наместники их продавали (штрафовали) и кои из них продажу взыщут, они боронятца тем, что рекши, их думали убить».

Народ не простил москвичам побоища на Шелони, казней правителей, конфискации земель и имущества. Воспитанные на вечевых традициях, новгородцы, конечно же, помышляли о казни московских наместников. Обвинения насчет намерения перебить наместников не были фантастическими, как могло бы показаться на первый взгляд.

Полагают, что в Новгороде республиканские порядки выродились, уступив место боярской олигархии. В итоге Новгород упал к ногам Москвы как перезрелый плод с дерева. Но это не так.

Домогаясь сдачи Новгорода, московские власти гарантировали местным боярам неприкосновенность их вотчин. Однако республиканские порядки в Новгороде оказались слишком живучими. Чтобы разрушить эти порядки, властям пришлось экспроприировать всех новгородских землевладельцев. Судьба высшего сословия свидетельствовала о том, что Новгород стал жертвой жестокого завоевания.

Считают, что Иван III после выселения бояр из Новгорода пожаловал им земли в московских уездах (В.Б. Кобрин). Так ли это?

Ранние летописи ни словом не упоминают о пожаловании ссыльных новгородцев землями в московских городах. Сведения такого рода сообщает лишь продолжение Софийской Первой летописи — так называемый «Список Царского», датируемый XVI веком. Автор «Списка» умолчал о насилиях над новгородцами, а их переселение изобразил как милость: Иван III «переведе из Новагорода из Великого... всех голов болши тсячи, и жаловал их на Москве давал поместья... а в Новгород Великий на их поместья послал московских многих лутч-

ших гостей и детей боярских...» Летописец обнаружил поразительное незнание: бояре, выселенные из Новгорода, были владельцами не поместий, а вотчин. Поместную систему насадил сам Иван III уже после всех выселений.

В Московской земле новгородцев определили по разным городам, расположенным далеко друг от друга, — от Владимира до Муром, от Ростова до Костромы.

Разом лишившись власти и богатств, новгородские бояре были озлоблены на московские власти, и вновь надеять их землями и оружием было опасно. К тому же в московских владениях было не так много свободных земель. Новгородские верхи стали изгоями, обреченными на исчезновение.

ЦЕРКОВНЫЕ ЗЕМЛИ

Древнейшей и самой крупной епархией Северо-Восточной Руси было новгородское архиепископство. В системе управления вечевой республикой архиепископы заняли особое место. Как председатель Совета господ, владыка считался главой Новгорода — «всей земли Святой Софии». Софийский дом, по-видимому, располагал большими земельными богатствами, чем московская митрополичья кафедра.

Чрезмерное обогащение церкви внушало беспокойство и зависть новгородским боярам. При митрополите Филиппе в Москве стало известно, что «некоторые посадницы и тысяцкий, да и от новгородцев мнози, въставляют некаа тщетнаа словеса, мудрствующе... да хотят грубости чинити святей Божией церкви и грабити святыя церкви и монастыри».

Проект, обсуждавшийся боярами и народом, предусматривал конфискацию вотчин, пожертвованных землевладельцами в пользу церкви. Митрополит Филипп в 1467 г. обратился к Новгороду с грамотой, грозя карами небесными новгородцам, которые «имения церковные и села данаа (пожертвованные. — *Р.С.*) хотят имати собе».

После покорения Новгорода в 1478 г. Иван III потребовал выделить ему земли в Новгороде, чтобы он мог «государство свое дрѣжати на своей “отчине”». После длительного торга новгородские бояре предложили государю десять крупнейших церковных волостей. Вероятно, требование великого князя поддержали те же новгородцы, которые ранее покушались на земельные богатства церкви.

Они решили пожертвовать церковными землями, чтобы сохранить свои вотчины. Иван III, добивавшийся присяги от бояр, принял их предложение, хотя и проявил некоторые колебания.

Сначала он потребовал себе половину всех церковных земель в Новгороде, а когда новгородские бояре принесли ему списки подлежащих отчуждению волостей, государь смиростивился — «у владыки половины волостей не взял, а взял десять волостей».

Зато крупнейшим монастырям пришлось расстаться со многими своими селами.

СПОРЫ С МИТРОПОЛИТОМ

Покушение на церковное имущество всегда считалось на Руси святотатством. Церковное руководство имело случай выразить свое отношение к попыткам мирян завладеть землями Святой Софии.

Проводя конфискации церковных земель и имуществ, Иван III не мог рассчитывать на сочувствие митрополита и высших иерархов церкви.

Духовенство пыталось отстоять свои традиционные права. Прежде московские митрополиты-греки проводили достаточно независимую от великих князей политику, пользуясь влиянием в Литве и опираясь на поддержку константинопольского патриарха.

Завоевание Византийской империи «неверными» в 1453 г. было воспринято в Москве как знак крушения греческой церкви, наказание Божие за отступничество и унию с католиками. Поставив на митрополию русского епископа Иону, Иван III воспретил ему принять послов патриарха Симеона, пояснив, что не нуждается более в благословении «того самого патриарха, чюжа и отреченна...».

Когда константинопольский патриарх утвердил в сане митрополита киевского и всея Руси Григория, ученика низложенного в Москве Исидора, и объявил о смещении московского митрополита как незаконного и избранного без поставления в Константинополе, Иван III отказался подчиниться его решению. В своих грамотах монарх многократно подчеркивал, что константинопольский патриарх живет «в бесерменских руках, в чужой неволе», а православие под игом турок «изрушилось»; «большие церкви Божьи соборные турецкий царь в мизгиты (мечети) починил, а которые церкви оставил патриарху, на тех крестов нет, ни звону у них нет, поют без звону». Общерусская церковная организация распалась окончательно. Киевская митрополия утратила связь с московской.

Московские великие князья стремились заручиться поддержкой митрополита, закрепить превращение Москвы в церковную столицу Руси. С этой целью они щедро жаловали земли митрополичьему дому. Однако в XV в. пожалования из казны прекратились.

Иван III был первым московским государем, именовавшим себя самодержцем. Новый титул подтвердил огромную власть, которой стали пользоваться государи всея Руси. Вмешательство монарха в церковные дела усилилось. Однако московские митрополиты не сразу осознали и приняли новые исторические условия. Они продолжали отстаивать традиционную независимость церкви, что неизбежно приводило к раздору и столкновениям.

В официальных московских летописях сведения о конфликтах такого рода замалчивались. Что касается независимых летописцев, их голоса звучали все глуше. Исключение составляли две летописи, вышедшие из церков-

ных кругов. Одна из них была составлена в Москве, другая — в Ростовской земле.

Ростовская летопись была составлена в церковных кругах, близких к Ивану III. Московский книжник отстаивал старину и поэтому сурово порицал великого князя за бесчисленные нарушения права и традиции.

Игумен Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, вверил опеку над обителью местному белозерскому князю Андрею. Сын Андрея Михаил наследовал право опеки как удельный князь Белозерский.

Когда ростовский архиепископ Трифон назначил без его согласия и одобрения игуменом монастыря монаха Филофея (1470 г.), Михаил изгнал его из обители, «велел поимати и оковать». В 1478 г. старцы Кирилло-Белозерского монастыря отказались подчиниться суду нового ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Видимо, они действовали по указке Михаила. На стороне удельного князя Михаила и старцев выступил митрополит Геронтий, особой грамотой подтвердивший незыблемость удельной старины.

Ростовский архиепископ Вассиан Рыло обратился с жалобой к Ивану III. На созванном в Москве соборе мнения разделились. Многие иерархи протестовали против вмешательства государя в церковные дела. Но Иван III стоял на своем. Он вытребовал у двоюродного дяди, князя Михаила, митрополичью грамоту и разорвал ее в клочья. Кириллов монастырь должен был признать власть Вассиана Рыло.

Среди монахов Кирилло-Белозерского монастыря не было единодушия. Влиятельный кирилловский старец Паисий Ярославов решительно встал на сторону великого князя.

В 1478 г. Иван III распорядился по-своему вотчинами новгородской церкви. В том же году он призвал к себе Паисия и после долгих уговоров убедил его принять постигумена Троице-Сергиева монастыря. По замыслу Ивана III назначение нестяжателей на высокие посты позволило бы практически осуществить поучения Паисия и его учеников.

Старец Паисий пользовался большим влиянием при дворе. В 1479 г. он крестил первенца Ивана III и Софии Палеолог.

Вслед за раздором из-за Кирилло-Белозерского монастыря последовал спор из-за обряда освящения главного храма государства.

Возведение нового Успенского собора в Кремле первоначально с благословения митрополита поручили православным русским мастерам. Их постигла неудача. Тогда Иван III выписал из Италии знаменитого архитектора Аристотеля Фиораванти. Руководство строительством перешло в руки еретиков-латинян. Собор был окончен к августу 1479 г. Именно церемония освящения и стала предметом раздора между светской и духовной властью. Верховный святитель, по мнению Ивана III, допустил ошибку — обошел собор крестным ходом против солнца. Великий князь остановил Геронтия и приказал идти по солнцу. Начался спор, в котором вместе с Иваном III против митрополита выступили некоторые из иерархов. Но они «свидетельство никоего не приношаху», иначе говоря, не привели никаких серьезных доказательств в пользу своей точки зрения. Глава церкви отстаивал одновременно и русскую старину, и византийскую традицию. «Егда преста диакон ходить в олtare, — заявил он, — на правую руку ходить с кадилом». Так было принято на Руси. Пра-

воту митрополита подтвердил игумен, совершивший паломничество на Афон. «В Святой горе, — сказал он, — видел, что так освящали церковь, а со кресты против солнца ходили». Власть была главным аргументом великого князя. Впредь до решения спора он строго запретил митрополиту освящать новопостроенные церкви столицы.

Вторжение Орды в 1480 г. на время приглушило распри. Но едва опасность миновала, конфликт вспыхнул с новой силой. Из-за запрета Ивана III вновь построенные в столице церкви оставались неосвященными более года. Недовольные этим священники и миряне склонны были поддерживать митрополита. Потеряв надежду переубедить Ивана III, Геронтий съехал с митрополичьего двора за город, в Симонов монастырь, и пригрозил сложить с себя сан, если государь будет настаивать на своем и не «добьет» ему челом.

Угроза открытого разрыва показала, что святитель готов прибегнуть к самым крайним мерам, чтобы добиться от монарха уважения к традиционному разграничению церковных и светских дел, обеспечивавшему церкви независимость в вопросах обрядности, имущественных правах и пр. В конце концов Иван III вынужден был уступить. Он послал к митрополиту своего сына и затем сам отправился в Симонов монастырь на поклон, обещая во всем слушаться святителя, а относительно хождения с крестами положился на его волю и старину. Геронтий пытался закрепить успех и добиться послушания от иерархов, не признававших его авторитет и выступавших приспешниками светской власти. Придравшись к нарушениям поста накануне Богоявления, митрополит заключил чудовского архимандрита Геннадия в ледник. Иван III постарался защитить своего «угодника» и «вы-

печаловал» архимандрита из ледника, указав на пример чудотворца, митрополита Фотия, который простил аналогичное прегрешение.

Попытка расправы с Геннадием обнаружила тот факт, что конфликт между светской и церковной властью разгорался все больше и больше. В ноябре 1483 г. глава церкви вторично покинул митрополичий двор. Жёлая при этом сохранить пути к отступлению, он указал в качестве предлога к отъезду на свою болезнь. Как записал неофициальный летописец: «Геронтий митрополит хотел оставить митрополию и съеха в монастырь на Симоново, и с собою ризницу и посох взя, понеже болен». Поведение Геронтия доказывало, что он не желал расстаться со святительским саном.

Вот почему он забрал с собой в монастырь символ власти — митрополичий посох (при первом отъезде Геронтий оставил посох в Успенском соборе). Вместе с посохом глава церкви забрал ризницу с хранившимися в ней митрополичьими одеждами, церковной утварью и драгоценностями. Без «митрополичьего сана» ни один святитель не мог занять стол и служить митрополичью службу.

Глава церкви рассчитывал на то, что великий князь вновь, как и два года назад, посетит Симонов монастырь и заявит о своем послушании духовному пастырю. Однако он просчитался. Иван III попытался избавиться от строптивого владыки. Как повествует летопись, митрополит «оздраве и хоте опять на митрополию; князь же великий не восхоте его (Геронтия. — *Р.С.*) и (Геронтий. — *Р.С.*) неволею не остави митрополии; и посла (Иван III. — *Р.С.*) к нему Паисею и не може ввести его в то: (Геронтий. — *Р.С.*) многажды убегал из монастыря и имаша его и тужи много по митрополии».

Иван III обращался с Геронтием совершенно так же, как Дмитрий Донской с Киприаном, плененным в Москве. «Тужа по митрополии», владыка пытался покинуть монастырь и вернуться на митрополичий двор в Кремле. Но каждый раз его задерживали и силой возвращали в обитель. Фактически Симонов монастырь стал местом заточения главы церкви. Пленение Геронтия продолжалось несколько месяцев.

Порвав с Геронтием, Иван III предложил старцу Паисию занять митрополичью кафедру. «Князь же великий, — повествует церковный писатель, — поча думати с Паисеею, пригоже ли его (Геронтия. — *Р.С.*) опять на митрополию, хотяше бо его (Паисия. — *Р.С.*) одного на митрополию, он же не хотяше...»

Вмешательство светской власти в духовные дела, которому сопротивлялся владыка, приобрело огласку. Не считаясь с волей церковного руководства, Иван III стал назначать своих угодников на высшие церковные должности. Прошло совсем немного времени с тех пор, как Геронтий посадил чудовского архимандрита Геннадия в ледник. Великий князь решил назначить последнего архиепископом Новгорода. Новгородский владыка был вторым после митрополита иерархом церкви. Посвящение Геннадия в сан состоялось 12 декабря 1484 г., но его выборы имели место раньше. За три дня до поставления Геннадия симоновский архимандрит Нифонт получил сан суздальского епископа. Игумен Нифонт не перечил государю, превратившему его обитель в место заточения митрополита, и послушание игумена было щедро вознаграждено.

Нифонт происходил из кирилловских старцев и, по видимому, поддерживал дружбу с Геннадием, который писал единомышленнику письма из Новгорода.

Современники хорошо понимали положение Геронтия, когда подчеркивали, что великий князь вторично возвел его на митрополию. Глубокой осенью 1484 г. владыка смог наконец вернуться на свой двор в Кремле. «В тот же день, — записал летописец, — по Кузьме Демьянове дни по осеннем (после 1 ноября. — Р.С.) возведе князь велики того же митрополита Геронтия на стол».

Среди святителей одним из самых близких к особе монарха лиц был Паисий. Его карьера поначалу сложилась неудачно, невзирая на покровительство государя. Подчинившись воле Ивана III, Паисий возглавил Троице-Сергиев монастырь, но оставался там недолго.

Прошло столетие с того времени, как Сергей Радонежский основал Троицкий монастырь, положив начало московскому благочестию и духовности. За это время многое переменилось в жизни России и в жизни основанных Сергием и его учениками монастырей. Первый в русской истории опыт общины (коммуны, киновия) потерпел крушение. Попытки воплотить в жизнь принцип равенства, обязательного труда, самоотречения не привели к успеху. Князья и бояре, постригшиеся в Троице и пожертвовавшие села и деньги в монастырь, пользовались в общине такими же привилегиями, как и в миру. Когда Паисий попытался вернуть Троицкой общине (коммуне) ее первоначальный строй и порядок, он лишь навлек на свою голову озлобление знатных постриженников. В 1482 г. дело дошло до того, что Ярославов заявил о сложении сана.

Сообщая о решении Паисия, церковный писатель подчеркнул: «Принуди его князь великий у Троице в Сергееве монастыре игуменом быти, и не може чернцов превратити на Божий путь — на молитву, и на пост, и на воздер-

жание, и хотеша его убить, бяху бо тамо бояре и князи постригшеися не хотяху повинутися, и остави игуменство».

Утратив чин игумена, Паисий сохранил влияние при дворе. Иван III предполагал возвести его на митрополию.

В свое время Дмитрий Донской попытался посадить на митрополичий престол Митяя, нimalo не считаясь с волей священного собора. Иван III обладал большей властью, чем Дмитрий, но и ему не удалось навязать церкви своего ставленника.

Паисий уехал из столицы на Белоозеро. Тем временем в Россию вернулся самый выдающийся из его учеников — Нил Сорский.

Нил, в миру Николай Федорович, происходил из московской семьи, близкой к великокняжеской фамилии. Старший брат Нила Андрей Федорович Майко был дьяком Ивана III. Подобно брату Николай поступил в приказ как «скарописец, рекше подьячий». Служба сулила почести и богатство, но все это не прельщало юношу. Он отказался от мирской карьеры. Служил Богу, писал инок позднее, «от юности моя». В монашестве Николай принял имя Нил. Прожив в Кирилло-Белозерском монастыре не менее 20 лет, Нил отправился в паломничество в Византию и побывал на Афоне. Первый русский монастырь был основан там при Ярославе Мудром. В XIV в. афонские монастыри стали одним из центров развития религиозной мысли Востока, колебавшейся между схоластикой и мистицизмом. Теоретик мистицизма Григорий Синаит учил, что человек может общаться с Богом посредством веры. Лишь чистой душе, свободной от земных помыслов и страстей, открывается сияние божественной

славы. Последователем Синаита был Григорий Палама. Противниками исихастов выступали приверженцы Варлаама Калабрийского, одушевленные рационалистическими идеями. Отвергая силлогизмы как путь познания истины, исихасты утверждали, что разум убивает веру, что человек совершенствуется не через размышление, а через самоуглубление и безмолвие. На Константинопольском соборе 1341 г. афонские монахи предложили следующую формулу: «Достоин Бог дает благодворящую благодать, которая, будучи не создана и всегда существуя в присно-сущном Боге, есть самобытный свет, явленный святым мужам». В XIV в. мистические идеи исихастов получили широкое распространение на Балканах. Русь не была подготовлена к восприятию учения исихастов в момент его возникновения. Но столетие спустя положение переменилось.

На Афоне Нил Сорский получил возможность близко познакомиться с теорией и практикой исихастов. По возвращении на Русь он выступил с идеей возрождения русской духовности через исихазм. С благословения учителя Нил окончательно покинул Кирилло-Белозерский монастырь и основал скит на реке Сорке, в 15 верстах от Кириллова. Сорка протекала в низменной заболоченной местности и сама больше напоминала болото, чем текущую реку. Над ней постоянно вились тучи комаров. Нилова пустынь не была поселением отшельника-анахорета. Нил отверг общину ради скита, «еще со единым или множае со двема братома жити». Скиту не нужен был ни игумен-управитель, ни учитель-наставник. Служение ближним приобретало чистый вид: «брат братом помогает».

Нил звал к отказу от богатств, к пустынножительству. Все телесное должно служить лишь приготовлением к по-

гружению в духовную жизнь. «Телесное делание» — листья, тогда как духовная жизнь — плоды дерева. Без «умного делания» телесное — лишь «сухие сосцы».

Свое мистическое учение, по замечанию историка церкви Г.П. Федотова, Нил излагал преимущественно словами греков, за которыми он следовал также и в практических делах. Общение с Богом достигается внутренним озарением, состоянием фаворского света. Для такого общения надо погрузиться в себя, достигнуть внутреннего безмолвия, повторяя: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя». Молящемуся следует задержать дыхание, «да не часто дышеши». Истинному духовному «деланию» чужды зримые видения, даже если это видения горного мира. «Мечтаний же зрака и образа видений, — наставлял Нил, — отнюдь не приемли никако же, да не прельщен будеши». В духовном труде подвижник достигает блаженства. «Вжигается воистину в тебе радость, — говорил Нил словами Исаака Сирина, — умолкает язык... и впадает во все тело пища пьяная и радование». Но блаженное состояние, как считал Нил, не должно отнимать у подвижника все его время, потому что часть его нужно посвящать ближним, «да имут время и о братии упражняться, и промысляти словом служения».

В массе черное духовенство осталось глухо к проповеди Нила. Лишь немногие избранные откликнулись на его призыв. В дремучих вологодских лесах, среди озер и болот возникли скиты пустынножителей, отправившихся в Заволжье по стопам Нила Сорского. Число заволжских старцев было невелико. Но сторонники новых идей имели важное преимущество перед традиционалистами.

Паисий и его ученики пользовались покровительством монарха. Они отстаивали принципы нестяжатель-

ного жития монахов и тем самым оправдывали деяния государя в отношении новгородских монастырей и церкви. Иван III готов был передать в руки Паисия кормило управления русской церковью. Однако поборники мистических идей исихазма не на словах, а на деле стремились к уединенной жизни и категорически отказывались прикасаться к рычагам власти.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

Инок Иосиф, в миру Иван Санин, происходил из иной среды, чем Нил. Его отец владел селом Язвище в пределах Волоцкого удельного княжества. Отец и три брата Ивана закончили жизнь иноками, но до того, как покинуть мир, братья служили при дворе удельного князя Бориса Волоцкого. Восьми лет от роду Иван был отдан на обучение Арсению, старцу Волоцкого Крестовоздвиженского монастыря. В 20 лет он вместе со своим сверстником Борисом Кутузовым надумал уйти в монастырь. Санины и Кутузовы владели вотчинами в Волоке Ламском и принадлежали к местному служилому обществу.

Санин отправился сначала в тверской Саввин монастырь, но пробыл там недолго и перешел в Боровск к игумену Пафнутию. Главной особенностью обители Пафнутия был неустанный труд иноков.

Придя в монастырь, 20-летний Иван встретил Пафнутия, занятого рубкой леса. Перед кончиной игумен отправился с учениками к пруду, на прорванную плотину, и учил их, «как заградить путь воде». Своей строгостью и благочестием Пафнутий снискал почтение в великокня-

жеской семье. В трудах и послушании Иосиф провел под началом Пафнутия 18 лет. Вслед за сыном в Боровский монастырь явился Санин-отец. Иосиф принял отца и 15 лет ухаживал за разбитым параличом стариком, жившим с ним в одной келье.

Пафнутий Боровский умер в 1477 г., назначив своим преемником Санина. Однако Иосиф не спешил принять бразды правления в свои руки. В компании старца Герасима Черного он два года странствовал по Руси, переходя из монастыря в монастырь. Иосиф скрывал свое игуменство и называл себя учеником Герасима, трудился «на черных службах». Лишь однажды, будучи в пределах Тверского великого княжества, он невольно выдал себя. На всеобщей некому было читать, и Иосифу пришлось взять книги. Вскоре он увлекся чтением, и были у него «в языке чистота, и в очах быстрость, и в гласе сладость, и в чтении умиление: никто бо в те времена нигде таков явился». Изумленный игумен советовал тверскому князю не выпускать дивного чтеца из своей вотчины, и паломникам пришлось спешно бежать из Твери.

Среди русских монастырей особой славой пользовался Кирилло-Белозерский. Иосиф посетил его, когда Нил, по всей видимости, покинул Белоозеро. Объясняя свой уход, Сорский кратко упомянул о том, что сделал это «пользы ради душевныя, а не ино что». Иосиф описал свои впечатления от посещения Кирилло-Белозерского монастыря в резких и откровенных выражениях: «Старейшие и большие старцы вси отбегоша от монастыря, нетерпяще зрети святого Кирилла предание попираема и отметаема».

После странствий по монастырям Иосиф Санин вернулся в Пафнутьев Боровский монастырь. Братия встретила его сдержанно.

Игумен покинул обитель на два года, не подавал о себе никаких вестей. Монахи обращались к Ивану III, прося другого игумена. Государь отказал им. Пафнутьев монастырь был семейной обителью великого князя, что открывало перед игуменом большие перспективы, но Иосиф покинул Пафнутьев монастырь. Решение было связано с его религиозными установками, а также четко обозначившимися политическими симпатиями.

Познакомившись с монастырской практикой в разных княжествах и землях России, Санин пришел к выводу, что лишь строгие меры могут спасти пошатнувшееся древнее благочестие. Не надеясь исправить нравы в старинных монастырях с давно сложившимся укладом жизни, Санин пришел к мысли о необходимости основать новый монастырь, который стал бы образцом очищения монашеской жизни от разъедавших ее пороков. С этой целью Иосиф решил удалиться в родные края — Волоцкий удел, где княжил Борис Васильевич, брат Ивана III.

1 июня 1479 г. Санин пришел в удельную «отчину», а через несколько дней основал пустыньку посреди соснового бора, у слияния речек Сестры и Струги. Санину и семи его инокам, если верить легенде, не пришлось тратить силы на расчистку леса. Едва путники добрались до Сестры, произошло чудо: ураган, не причинив вреда людям, повалил могучие деревья и открыл перед их взором долину с серебряной гладью озера на востоке. Если Сергей Радонежский сам строил первую церковь и первые кельи в удельных владениях, то Иосиф с первых дней получил помощь от удельного князя. Борис Васильевич, повествует летописец, «прислал мастеров довольно на создание церкви и келий». Первая деревянная церковь была заложена 6 июня, а освящена 15 августа. Прошло

пять-шесть лет, и благодаря щедрым субсидиям волоцкого князя на месте деревянной церкви был воздвигнут величественный каменный храм, расписать который Иосиф поручил «хитрому живописцу» Дионисию, самому знаменитому из художников Руси.

В церковном великолепии, музыке и живописи заключалась сила, оказывавшая глубочайшее воздействие на душу народа. Санин был натурой художественно одаренной и сделал достоянием обители лучшие образцы искусства своего времени. Среди немногих вещей, привезенных Саниным из Боровского монастыря, находились Евангелия, Деяния и Послания апостольские, псалтыри, книги Василия Великого и Петра Дамаскина, «Патерик азбучной» и, наконец, «четыре иконы, три — Рублева письма Андреева».

Иосиф радел о красоте и благочинии церковной службы. В церкви, учил он, «все благообразно и по чину да бывает». Внешнее благочиние, полагал игумен, открывает путь к внутренней красоте: «Прежде о телесном благообразии и благочинии попечемся, потом же и о внутреннем хранении». В уставных наставлениях о молитве не забыта даже поза молящегося: «Стисни свои руце, и соедини свои нозе, и очи смежи, и ум собери». Еще более подробные наставления такого рода Иосиф адресует мирянам в своем главном сочинении под названием «Просветитель»: «Ступание имей кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питание немятежно, потребне зри, потребне глаголи, будь в ответах сладок, не излишествуй беседу, да будет беседование твое в светле лице, да даст веселие беседующим тебе».

Ни одна обитель не имела более строгого устава, чем Иосифов монастырь. Подробный свод всевозможных за-

прещений служил как бы подпоркой твердого монашеского жития. Санин верил в грозного судию Христа Вседержителя, карающего мировое зло. В его монастыре царил авторитет игумена, от братии требовались строгая дисциплина и безоговорочное повиновение. Всем вместе и каждому в отдельности Санин внушал, что никто не минует наказания даже за малое нарушение Священного Писания: «Души наши, — писал он, — положим о единой черте заповедей Божьих».

Подвиги иноков, поощрявшиеся властями, носили традиционный характер. Особое место среди них занимали не требовавшие большой душевной работы, но крайне утомительные поклоны. Современники так описывали подвижничество братии в Волоцком монастыре: «Ов пансырь (предмет очень дорогой на Руси и доступный одним боярам) ношаше на нагом теле под свиткою, а ин железа тяжки и поклоны кладущи, ов 1000, ин 2000, ин 3000, а ин сядя сна вкушая». Наказания, установленные игуменом за всевозможные проступки, не шли ни в какое сравнение с добровольно взятыми на себя подвигами. Виновный должен был отбить 50—100 поклонов. В исключительных случаях инока приговаривали к «сухоядению», некоторых сажали «в железо».

Новшества Иосифа снискали его обители славу по всей Руси. Но время, которое переживало тогда русское общество, было тревожным. Историческая драма обернулась трагедией. Завоевание Новгорода разрушило вековой порядок. Сторонник богатой церкви, Иосиф Санин не мог относиться к секуляризации в Новгороде иначе как к святотатству. Не одобрял он и грубого вмешательства светской власти в церковные дела. Иосифов монастырь возник на земле, находившейся в подчинении новгород-

ского архиепископства. Его патроном стал новгородский владыка Феофил. Осенью 1479 г. Иван III велел арестовать Феофила. В январе следующего года опального иерарха увезли в Москву и заточили в Чудов монастырь.

Иосиф Санин вернулся в родные места в момент, когда его покровитель князь Борис и служившие ему волоцкие дворяне (среди них Санины, Кутузовы и пр.) замышляли мятеж против Ивана III. В 1480 г. князья Борис и Андрей Васильевичи разорвали мир с Москвой и двинулись на литовскую границу.

Готовясь к длительной войне с Иваном III, братья переправили свои семьи к польскому королю, а сами ушли в Великие Луки.

Борис Волоцкий не жалел денег на устройство Иосифо-Волоколамского монастыря. В распре с братом Иваном III он рассчитывал на посредничество Санина.

Будучи игуменом семейной обители великого князя, Иосиф пользовался авторитетом у вдовы Василия II и ее сыновей. Он помогал гасить ссоры в родственном кругу и мирил враждующих братьев. В конфликте между Иваном III и Борисом Санин открыто встал на сторону удельного князя.

Работая над своим главным сочинением «Просветитель», Санин включил в его состав богословский трактат, в первоначальном варианте адресованный некоему иконописцу. Согласно гипотезе Я.С. Лурье, в работе над этим трактатом в его ранней редакции вместе с Иосифом Саниным участвовал Нил Сорский. Нет сомнения в том, что Нил и Иосиф выступали заодно против еретиков. Но по отношению к власти их позиция была, по-видимому, различной.

Находясь в Волоцком удельном княжестве, Иосиф четко сформулировал свой взгляд на происхождение власти государя и его взаимоотношения с подданными. Признавая необходимость повиновения подданных власти монарха, установленной Богом, Иосиф в то же время перечислял условия, делающие такое повиновение недопустимым. Не надо повиноваться царю, писал Санин, если царь имеет «над собою царствующие страсти и грехи, сребролюбие... лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу», ибо «таковой царь не Божий слуга, но диавол и не царь есть, но мучитель».

Прошло много лет, прежде чем в среде московского духовенства возникли течения нестяжателей (учеников Паисия Ярославова) и их противников осифлян (последователей Иосифа Санина). Но размежевание началось уже в пору падения Новгорода и конфискации новгородских церковных земель. Едва ли случайно Паисий попал в то время ко двору Ивана III, а Санин обвинил монарха в сребролюбии, нарушении «правды», в «неверии и хуле», иначе говоря, в действиях, наносивших ущерб православной церкви.

Стремясь объединить страну и утвердить в ней единое государство, Иван III слишком часто нарушал право («правду»), традицию и старину, покушался на имущество духовенства и вмешивался в чисто церковные дела.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В дни нашествия 1480 г. Ахмат не решился дать русским генеральное сражение. Изучение события затруднено тем, что мы не располагаем разрядными записями раннего происхождения, а сохранившиеся летописные версии существенно противоречат друг другу.

В литературе было высказано мнение, что ранний официальный отчет о «стоянии на Угре» был уничтожен. Однако это предположение было отвергнуто как недоказуемое. К числу ранних летописей относят Лихачевскую летопись с краткой повестью об «угорщине», которая, как полагают, «передает самый ранний официальный великокняжеский рассказ о событиях 1479—1480 гг.». Но в этой летописи описание военных действий в период «угорщины» вообще отсутствует.

Эту особенность памятника невозможно объяснить, если признать, что его автором был великокняжеский летописец. Обычно официальная великокняжеская летопись подробно описывала даже не очень важные военные кампании. Систематическое исследование летописей кон-

ца XV — начала XVI в. выявило позднее происхождение Лихачевской летописи.

К числу ранних летописей относится ростовская владычная (так называемая Типографская) летопись, связанная не с местной ростовской, а с официальной московской традицией. Составитель ростовского свода положил в основу своего сочинения великокняжеский свод 1479 г. В свою очередь, великокняжеский летописец при составлении нового официального свода 1490-х гг. использовал текст ростовского рассказа об «угорщине». Выявленное исследователями соотношение летописных текстов нуждается в пояснении. Обычно составление официальной летописи было делом митрополничьего дома и великокняжеской канцелярии. Однако из-за конфликта между Иваном III и митрополитом Геронтием в 1479—1484 гг. этот порядок оказался нарушенным, и вместо митрополита за составление летописи взялся ростовский архиепископ Вассиан Рыло, духовник Ивана III, энергично поддерживавший государя в конфликте с митрополитом. Вассиан принимал непосредственное участие в составлении ростовских записей об «угорщине». Однако следует иметь в виду, что владыка умер 23 марта 1481 г., а известия Типографской летописи, как правило, имеют характер не первоначальных записей, а литературной обработки таковых. Иначе говоря, авторами явились скорее всего те, кто продолжил дело Вассиана.

В дни угорского «стояния» владыка обратился к Ивану III с обширным посланием. Это едва ли не единственный источник, написанный знающим современником в разгар событий, а потому имеющий исключительную ценность. Давно установлен факт влияния «Послания» Вассиана на ростовскую и другие летописи.

В ростовской летописи нет точных дат, но весьма четко определена последовательность событий. Когда на Руси узнали о приближении Орды, Иван III занял позиции в Коломне, сына отправил в Серпухов, а удельного князя Андрея Меньшого — в Тарусу. Полки заняли оборонительные позиции по всему течению Оки. Ахмат не посмел атаковать русскую рать и, свернув на запад, принял обходное движение к Калуге. Иван III немедленно направил войска на Угру, в Калугу, а сам выехал в Москву «на совет и думу» к боярам и духовенству для подготовки столицы к возможной осаде.

Сделав все необходимое, Иван III выступил в Кременец, где и остался с «малыми людьми», тогда как сопровождавшие его отряды последовали на Угру. Орда пыталась овладеть угорскими переправами.

Бои шли «по многи дни». В результате татары были отбиты «от берегу» и понесли потери. Летописец подчеркнул, что действиями на переправах руководили наследник Иван Иванович («великий князь») и Андрей Меньшой. Сам Иван III оставался в Кременце, пока к нему не присоединились братья — князь Андрей Большой и Борис Волоцкий, прекратившие мятеж. Посреди осени грянули морозы, Иван III отступил к Боровску.

Вассиан направил письмо к государю после боев на Угре.

«Послание» отразило реальные факты. Духовник напомнил Ивану III о последней беседе «усты к усты», когда тот приезжал в Москву «добраго ради совета и думы». (Эти слова из «Послания» позже были повторены в ростовской летописи.) Вассиан горячо хвалил наследника, одержавшего победу над татарами. «Радуюся и веселимся, — писал он, — слышаше доблести твоя и крепость, и

твоего сына Богом данную ему победу (имеются в виду бои на Угре. — Р.С.) и великое мужество и храбрость...» Обращаясь к духовному сыну с сугубо доверительным письмом, Вассиан не побоялся затронуть в нем некоторые нравственные моменты, касавшиеся лично государя и членов его семьи. Истолкование этих моментов затруднено тем, что составители ростовского и официального московского сводов прокомментировали их с предельным лаконизмом.

Духовник напомнил Ивану III, что при посещении Москвы тот обещал крепко стоять против басурман, «духов же лстивых, шепчущих в ухо твоей державе, еже предати христианство, не слушати». Далее Вассиан пенял своему духовному сыну, что тот не исполнил обещания и послушал «духов». «Прииде же убо в слухи наша, — писал он, — яко прежнии твои развратници не престають шепчуще в ухо твое лстивая словеса и совещают ти не противитися супостатом, но отступити». Владыку более всего возмутило то, что, слушая «духов», монарх вступил в мирные переговоры с Ордой. «Ныне же слышахом», писал духовник, что Ахмат уже «погубляет» христиан, «тебе же пред ним смиряющуся и о мире молящуся и к нему пославшу...». Именно это известие вызвало наибольшую тревогу владыки и побудило его взяться за перо.

Послание Вассиана позволило историкам сделать ряд важных выводов. В дни войны с Ахматом, как полагают, дала о себе знать оппозиция — реакционная влиятельная группа бояр, противившихся решительной борьбе с Ордой. В подтверждение своего тезиса исследователи ссылаются на опалу бояр. Однако в источниках отсутствуют какие бы то ни было данные об опалах в 1480 г.

О каких «духах» писал Вассиан и в каких преступлениях он их обвинял?

Исполняя роль нравственного наставника, Вассиан заботился об исправлении поступков государя, вызывавших осуждение.

В момент решающих боев на Угре монарх уклонился от личного участия в военных действиях и оставался вдалеке от Угры. Примечательно, что в «Послании» Вассиан не жалел слов, чтобы внушить Ивану III мысль о необходимости пролить кровь за веру и отечество, пострадать «и до смерти», ибо такая смерть венчает христианина венцом истинного мученика. Великий князь Дмитрий, писал духовник Ивану III, не убоился «татарского множества», не отступил, «не рече в сердце своем: жену имею, и дети, и богатство многое; аще и землю мою возмут, то инде вселюся». Приведенные слова дают ключ к пониманию конфликта, возникшего в кругу ближайших советников Ивана III. Каждый раз, когда татары грозили Москве, великокняжеская семья либо оставалась в «осаде», укрепляя ратный дух народа, либо искала убежище на севере, в недоступных для татар местах.

Дмитрий Донской отвергал возможность «вселиться» в иные земли (на север) с женой, детьми и богатствами в случае, если татары захватят Москву. Вассиан предлагал следовать его примеру.

Иван III не внял советам тех, кто противился отъезду великокняжеской семьи из столицы.

Ростовский владычный летописец расшифровал сведения, которые присутствовали в «Послании» Вассиана в виде полунамека.

«Тое же зимы, — записал он, — прииде великая княгини Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татар, а

не гонял никто, и по которым странам ходили (через Ростов на Белоозеро. — *Р.С.*), тем пуще стало татар и от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских».

Столь резкий отзыв о поведении жены самодержца ставит вопрос: не был ли ростовский летописец в оппозиции к великокняжеской власти? Недоумение возрастает при обращении к официальным великокняжеским сводам 1490-х гг., автор которых заимствовал из ростовской летописи резкие обличения по адресу Софьи, нисколько не пытаясь смягчить их. Попробуем объяснить этот парадокс.

Восхваляя Ивана Молодого за победу на Угре и черня его мачеху за бегство на Белоозеро, ростовский летописец возвеличивал законного наследника престола Дмитрия.

Софья была матерью удельного князя. Ее интриги потерпели неудачу, результатом чего были кровавые казни 1497 г. Великокняжеский летописец, составивший свод в то время, повторил рассказ ростовского летописца, позоривший «грекиню» и ее слуг-кровопийц.

В официальный свод была включена такая подробность: великая княгиня бежала на Белоозеро «со своими боярынями». Создавалось впечатление, будто ответственность за отъезд Софьи на север несли она сама и ее советчицы-боярыни, и никто больше. На самом деле Иван III, отправляя жену на север, послал с ней некоторых своих ближайших советников.

В глазах патриотов сведения о мирных переговорах Ивана III с Ордой пятнали его репутацию, а потому они уклонились от каких бы то ни было пояснений на этот счет. В конце концов тревоги Вассиана Рыло не оправда-

лись. Русские выиграли время, так что опасность столкновения с татарами окончательно исчезла.

Однако автор Ростовской летописи, продолжавший дело Вассиана, усмотрел в напрасных тревогах владыки сбывшееся пророчество. Когда Угра замерзла, записал он, Иван III отозвал полки с Угры на Кременец, чтобы объединить все силы и «брань сотворить». Тут-то и произошло чудо, вызванное вмешательством, с одной стороны, Богородицы, а с другой — дьявола. Преславное чудо Богородицы состояло в том, что едва русские отступили с Угры, как татары побежали прочь от границы, поддавшись страху перед русскими. Русские же «мнили», будто татары идут им вслед, и отступали все дальше и дальше. Вмешательство дьявола состояло в том, что Иван III слушал «злых человек сребролюбцев богатых и брюхатых и предателей христианских» (это определение прямо заимствовано из «Послания» Вассиана) и побежал от Кременца к Боровску.

Автор московского свода 1490-х гг. повторил ростовскую версию, но постарался устранить из нее противоречия и дополнил некоторыми подробностями. При описании боев на Угре ростовский книжник не упустил случая упомянуть о том, что русские стрелы и пули произвели опустошение в неприятельских рядах, тогда как татарские стрелы «межу наших падаху и никого же оуязвляху». Эта подробность была вычеркнута из великокняжеской летописи. Кроме того, московский летописец впервые назвал по имени «предателя» Мамона, устами которого сам дьявол посоветовал Ивану III бежать от татар.

Официальный летописец заметил несообразность в рассказе ростовского книжника. После отступления с Угры русские предприняли энергичные действия против

татарского царевича, вторгшегося в московские пределы к югу от Оки. В результате стремительного марша русских дружин татары поспешно бежали в степи. Эта подробность, сообщенная ростовской летописью, плохо согласовалась с версией о бегстве Ивана III к Боровску.

Московский летописец вычеркнул эпизод со «злыми советниками» и отступлением Ивана III к Боровску, а сведения о предательстве соблазненного дьяволом Мамона отнес к рассказу об отступлении полков с Угры к Кременцу. Обличая Мамона, книжник старательно списал из Ростовской летописи неуместную ссылку на соблазнение дьяволом Адама и Евы: «Сам бо дьявол тогда усты Мамоновы глаголаше, той же древле вшед возми и прельсти Адама и Еву».

Приведенный рассказ о «злых советниках» Ивана III, обличенных Вассианом, несет на себе отчетливую печать позднего литературного сочинительства.

Уникальные сведения о «стоянии на Угре» сообщает неофициальная московская летопись (Софийский II свод), отразившая свод 1518 г. Полагают, что известие этой летописи об Угре имеет раннее происхождение и отличается такой же достоверностью, как записи ростовской летописи.

Такая оценка вызывает сомнения. В самом деле, могут ли быть одинаково достоверными сведения, решительно противоречащие друг другу?

Авторы летописи (по спискам Софийской II и Львовской) включили в свое сочинение полный текст «Послания» Вассиана и составили наиболее подробный комментарий к нему. Результатом явилось удвоение рассказа о возвращении Ивана III с Оки на Москву. Первый рассказ воспроизводил московскую версию о том, что Иван III, напрасно

прождав татар в Коломне, вернулся в Москву, чтобы приготовить город к осаде, затем получил благословение и отправился на Угру. Вторая версия, служившая как бы иллюстрацией к «Посланию» Вассиана, гласила, что «злые советники» убедили Ивана III уже в самом начале войны бросить армию и «бежать» из Коломны в Москву. Страх перед татарами был столь велик, что государь приказал сжечь Каширу. Беспокоясь за сына, оставшегося на Оке, Иван III приказал воеводе насильно препроводить наследника из армии в столицу. Однако в отличие от струсившего Ивана III наследник «мужество показа, брань прия от отца, а не еха от берега, а кристьянства не выда». Рассказ о бегстве государя в Москву очевидным образом противоречил данным ростовской летописи и официального свода 1490-х гг. Иван III и его сын стояли на границе до тех пор, пока Орда угрожала Москве.

Ахмат не решился идти на Москву прямым путем и ушел на территорию союзной Литвы, после чего Иван III выехал в Москву. Для паники не было ни малейших оснований. Русь, а не Орда добила неоспоримого успеха на начальном этапе кампании.

В «Послании» Вассиан упомянул о доверительной беседе с государем после возвращения того в Москву. Автор неофициальной московской летописи сочинил монолог владыки, следуя своим представлениям о сложившейся ситуации. Вот его рассказ. Когда Иван III «побежа» с Коломны от Ахмата, его «срете» митрополит Вассиан Рыло и другие лица. «Нача же владыка Вассиан зле глаголати князю великому, бегуном его называя, еще глаголаше: Вся кровь на тебе падет христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а бою не поставя с татары и не бився с ними».

Обличительная речь духовника заканчивалась словами: «Даи семо вои (армию. — Р.С.) в руку мою, коли аз старый утулю лице против татар». Русская армия успешно защитила границу. Орда отошла с московского направления на запад. Как же мог Вассиан в такой ситуации обличать государя как «бегуна»? Предложение духовника взять на себя командование полками являлось позорным для чести Ивана III. Худшего оскорбления невозможно было придумать.

Составитель версии, получившей отражение в Софийской II и Львовской летописях, показал себя человеком осведомленным. Во всяком случае, он получал сведения от знающих людей. Тем не менее его рассказ в целом производит впечатление позднего комментария к «Посланию» Вассиана. В одних случаях он уточняет, в других грубо искажает содержание этого памятника. По указанной причине протограф Софийской II и Львовской летописей трудно отнести к раннему слою известий об Угре, датируемому 1480-ми гг.

Вассиан, судя по тексту «Послания», а также фактам биографии, был человеком безусловно лояльным по отношению к государю. Под пером неофициального московского летописца Вассиан превратился в его злейшего обличителя. Либо этот летописец преднамеренно искажал факты, либо он писал в сравнительно позднее время, когда смысл намеков и иносказаний «Послания» Вассиана был забыт.

Упомянув о малодушии Софьи, ростовский, а вслед за ним московский летописцы тщательно обходили вопрос об ответственности Ивана III за поведение жены. Совершенно иной смысл приобрели обличения автора Софийской II и Львовской летописей. Он утверждал, будто

Иван III по трусости сам помышлял о сдаче Москвы татарам и бегстве на край света. Государь, записал летописец, послал жену «римлянку» на Белоозеро с казной, «а мысля, будет Божие разгневание, царь (хан. — Р.С.) перелезет по сю страну Оки и Москву возмет и им бежати к Окиану-морю». Известия о подобного рода позорных намерениях Ивана III якобы и послужили для Вассиана поводом обратиться к нему с письмом. Текст «Послания» Вассиана не оставляет сомнений в том, что оно было послано на Угру после боев с татарами. Из неофициального летописного свода следует, будто владыка отправил письмо не на Угру, а в Коломну, до того как начались военные действия. Иван III якобы не послушался «того писания владычня», а внял наказам «злых советников» и бежал с Оки в Москву.

Рассказ Софийской II и Львовской летописей впервые прояснил вопрос о лицах, несших ответственность за отъезд «римлянки».

С Софьей на север была отправлена государственная казна. Иван III распоряжался казной вместе с думой. Неофициальный летописец подчеркнул этот факт, указав на то, что государь послал на Белоозеро с «римлянкой» и с великокняжеской казной видного боярина В.Б. Тучко-Морозова, окольничего А.М. Плещеева и дьяка В. Долматова. Выбор лиц, сопровождавших Софью, не был случайным.

Когда братья Ивана III Андрей Большой и Борис Волоцкий в начале 1480 г. подняли мятеж и ушли к литовской границе, государь послал к ним с увещеваниями сначала А.М. Плещеева, а затем владыку Вассиана и боярина В.Б. Тучко. Назначение названных лиц в свиту Софьи показывает, что более всего тревожило Ивана III. Великий князь решил отослать жену и малолетних детей на

Белоозеро ко двору удельного князя Михаила Верейского. Этот князь располагал военной силой и сохранял верность Ивану III.

Софья выдала за сына князя Михаила Верейского свою племянницу, выписанную из Рима. Бояре Ивана III, только что ездившие для переговоров с удельными князьями, отправились с Софьей, по-видимому, для того, чтобы предотвратить любые попытки захвата мятежниками семьи Ивана III. Смерть государя на поле брани в обстановке мятежа грозила гибелью его семье.

По данным ростовской летописи, тревожные дни на Угре сопровождались вспышкой паники в столице: «...в граде же Москве всем в страсти пребывающим». В неофициальной московской летописи можно прочесть целый рассказ о волнениях, якобы произошедших в столице в самом начале войны с Ордой. Когда Иван III «бежал» от татар из Коломны, москвичи стали его стыдить: «Егда ты, государь, князь велики, над нами княжишь в кротости и тихости, тогды нас много в безлепице продашь, а нынеча, разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром». Ввиду враждебного отношения столичного населения государь не решился приехать в Кремль, а остановился под Москвой, в Красном Селе, «боясь граждан мысли злыя поимания». Там он будто бы пробыл две недели в страхе и нерешительности.

Великий князь, заняв позицию в Коломне, надежно защитил подступы к столице с юга. Обвинять его в «выдаче» москвичей басурманам не было никаких оснований. Эпизод с москвичами, якобы угрожавшими схватить государя, был подчинен тому же идейному замыслу, что и «злые» обличения Вассиана, от начала и до конца сочиненные неофициальным летописцем.

В историографии свидетельству о московских волнениях было придано первостепенное значение. Л.В. Черепнин выделил решающую роль народных масс в событиях и заключил, что Вассиан выразил настроения посадских людей. В Москве, по его словам, «по-видимому, назревало антифеодальное восстание».

Однако достоверность исходного летописного текста более чем сомнительна.

Различное освещение в летописях получила тема «злых советников». В официальных сводах 1490-х гг. лишь упоминался некий Мамон, фамильное прозвище которого как нельзя лучше подходило для его изобличения. Автор неофициальной летописи не только назвал этого советника по имени-отчеству (Григорий Андреевич Мамон), но и сообщил любопытные подробности из его биографии. Отец Мамона служил боярином у удельного князя Ивана Можайского, который был одним из опаснейших противников Василия II. В период смуты Мамонова семья сумела доказать свою преданность Василию II. Удельный князь бросил отца Г.А. Мамона в тюрьму и приказал сжечь жену боярина как колдунью.

Неофициальный летописец подчеркивал, что недобрые советы государю подавал не только Г.А. Мамон, но и И.В. Ощера. Книжник считал корысть единственным побудительным мотивом этих двух лиц. «Те же бяху бояре богати, — писал он, — князю великому не думаячи (не советуя. — Р.С.) против татар за крестьянство стояти и битися, думаячи бежати прочь... и помышляюще богатство много, и жену, и дети». В действительности ни Мамон, ни Ощера не были «бояре богати». Мамон служил при дворе как сын боярский и не имел думного чина. Ощера принадлежал к кругу более влиятельных лиц, но в

думу входил в низшем чине окольничего. По словам неофициального московского летописца, Ощера и Мамон напомнили Ивану III о пленении его отца татарами в битве под Суздалем, а также привели в пример Дмитрия Донского, бежавшего при нашествии Тохтамыша в Кострому, иначе говоря, советовали ему избегать риска, связанного с личным участием в бою. Сведения такого рода правдоподобны и согласуются с «Посланием» Вассиана, убеждавшего Ивана III биться с басурманами до крови и до смерти.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОРДЫ

Летописцы различной ориентации неодинаково описывали поведение братьев Ивана III в период нашествия Орды. Вассиан принимал личное участие в переговорах с братьями государя, поэтому в Ростовской летописи эти переговоры освещены весьма подробно. В 1490-х гг. официальный летописец решительно сократил эти сведения, допустив невольное искажение. Из Ростовской летописи следовало, что мятежники прибыли в Кременец в последний момент и в боевых действиях на Угре не могли участвовать. Автор свода 1490-х гг. поместил известие о приходе братьев Ивана III на Кременец перед рассказом о боях на Угре, не уточняя вопроса об их участии в описанных боях.

Подняв мятеж, Андрей Большой и Борис Волоцкий ушли из Углича к литовской границе. Ввиду угрозы татарского вторжения Иван III послал к братьям во Ржев бояр с мирными предложениями. Однако удельные князья не сразу пришли на помощь Ивану III. Оправдывая их поведение, неофициальный летописец утверждал, будто князей отвлекло нападение ливонских рыцарей на

Псков. Они спешно двинулись на помощь псковичам, что и вынудило немцев отступить.

Рыцари в самом деле осаждали Псков с 28 августа в течение пяти дней, а псковичи обращались за помощью к Андрею и Борису в Великие Луки. Но князья прибыли на место с запозданием на три дня. Псковичи просили их принять участие в походе против Ливонского ордена, но Андрей и Борис «не поидоша в немцы» и не сделали «ничего доброго», лишь разграбили псковские волости.

Братья Ивана III покинули Псков 13 сентября. Наступила осенняя распутица, и, вероятно, удельные войска потратили больше месяца, чтобы добраться от Пскова до Кременца. Ожидая их прибытия, великий князь затеял мирные переговоры с Ордой. Вассиан кратко упомянул об этих переговорах в своем «Послании». В Софийской II и Львовской летописях им отведено много места.

Неофициальный летописец прежде всего упомянул о посылке Ахмату Ивана Товаркова-Пушкина «с челобитьем и с дары». В «челобитье» Иван III просил у хана «жалования, чтобы отступили прочь, а улусу бы своего не велел воевати». Приняв боярина Товаркова, Ахмат передал приказ Ивану III лично явиться в ставку, «как отци его к нашим отцам ездили в Орду». Столкнувшись с отказом, хан просил, чтобы великий князь прислал к нему наследника-сына, либо брата, либо известного в Орде своей щедростью дипломата Н. Басенкова. Иван III не захотел послать к хану Басенкова и прервал переговоры.

Утверждение летописца, будто Иван III на словах выражал готовность признать власть Орды, называя Русь ханским улусом, достаточно правдоподобно и объясняет причину крайней тревоги духовника Вассиана. Однако

сами переговоры были для московского государя не более чем дипломатической уловкой.

Исключительный интерес представляют пояснения неофициального летописца насчет обстоятельств, сопутствующих последнему этапу войны с Ордой. С Дмитриева дня (с 26 октября), записал летописец, «стала зима, и реки все стали, и мразы великии яко не мощи зрети; тогда царь убоясь и с татары побежа прочь ноября 11; бяху бо татары нагы и босы, ободралися». Приведенный рассказ по содержанию близок к известию ростовской летописи: «Бе тогда стоудень и мрази велицы, а царь побегал ноября 11». Однако неофициальный летописец указал дату наступления холодов и предложил свое истолкование причин отступления Орды. Последующие подробности окончательно подрывали ростовский рассказ о чуде Богородицы на Угре. Когда татары прибежали от границы «и проиде Серенск и Мченеск, и слыша князь велики, посла (дозоры. — *Р.С.*) опытати, еже и бысть». Серпейск (Серенск) находился сравнительно недалеко от Калуги, Мценск — в 140 км. Подвижная татарская конница могла преодолеть это расстояние за несколько дней. Таким образом, воеводы узнали об отступлении татар и послали им вслед дозоры сравнительно быстро, что исключает версию о бегстве русских к Боровску. Изгнание царевича Амуртазы из района Алексина подтверждает сведения о том, что русские следили за отступавшим противником.

В дни «стояния на Угре» духовенство в лице митрополита Геронтия, Вассиана Ростовского и Паисия Ярославова заняло решительную позицию, настаивая на необходимости довести борьбу с иноземными поработителями до конца. Вопреки легендам Вассиан в то время выступил не обличителем и противником Ивана III, а его

надежным соратником. Анализируя «Послание» Вассиана, Ю.Г. Алексеев выявил в нем реалии, соотносимые с конкретными фактами, и одновременно указал на ряд сентенций (прежде всего рассуждения о «клятве» князя Орде), которые были чистой игрой ума. В своем «Послании» Вассиан «простил и разрешил» Ивана III от некоей клятвы, «яко под клятвою есмь от прародителей, еже не поднимати руки против царя» Орды. Приведенные слова вопреки мнению исследователя в действительности не были плодом фантазии, игрой ума книжника. Можно указать на источник, из которого владыка черпал сведения. Во второй половине XV в. большой популярностью пользовалось «Житие Сергия Радонежского». Согласно «Житию», когда Дмитрий Донской впервые обратился к Сергию за советом по поводу близкой войны с Ордой, тот поначалу посоветовал поддерживать мир с ханом, относиться к нему «с правдою и покорением, яко ж пошлина твоа држит покорятися ордынскому царю должно». Два века московские князья были подручниками ханов и подкрепляли службу Орде традиционной клятвой. Беседу с Дмитрием Сергий закончил словами о том, что в случае неудачи мирных предложений князь победит Орду.

В дни отражения орды Ахмата Вассиан, очевидно, претендовал на ту же роль, какую Сергий сыграл во время нашествия на Русь орды Мамай. В этом, по-видимому, и состоял главный пафос его «Послания» Ивану III. Сергий послал грамоту вдогонку войску великого князя Дмитрия, что имело большое моральное значение.

Аналогичным образом поступил Вассиан, хотя в конкретных условиях угорского «стояния» настоящей необходимости в этом не было. Вассиан недолго прожил

после описанных событий. «Послание» Ивану III оказалось его последним заветом. На современников письмо святителя произвело огромное впечатление своей смелостью, пафосом и литературными красотами. В этом и заключалась причина воздействия «Послания» на всю последующую летописную традицию.

За 100 лет, прошедших со времени Куликовской битвы, изменились обстоятельства и переменились герои. Вассиан Рыло так же мало походил на Сергия Радонежского, как и Иван III на Дмитрия Донского.

Дмитрий атаковал татар во главе сторожевого полка. Иван III послал в бой своих воевод, среди которых два-три человека обладали большим военным талантом. Творя легенду о героях Угры, книжники не удосужились назвать имена воевод, одержавших победу. Источники не сохранили росписи полков, стоявших на Угре.

Кому же вверил Иван III войско? Формально во главе армии стоял его 22-летний наследник Иван Молодой, при котором находился дядя — удельный князь Андрей Меньшой. Фактически же военными действиями руководили старые воеводы, имевшие большой боевой опыт. Главным воеводой в полках был князь Данила Холмский. Его соратниками были князья Александр Оболенский, Семен Ряполовский, Данила Щеня.

В войне с татарами Иван III проявил крайнюю осмотрительность и осторожность. Благодаря этому русские избежали генерального сражения, которое неизбежно привело бы к великому кровопролитию.

Одержав победу на Угре, русский народ покончил с ненавистным иноземным игом. Знаменитое «стояние на Угре» явилось важнейшей вехой в истории России.

«ИЗУМЛЕННЫЙ» ЕПИСКОП

Завоевание Новгорода неизбежно усилило вмешательство светской власти в церковные дела. Церемония выборов иерархов различалась в Москве и Новгороде. Митрополита избирал священный собор, при этом решающее слово почти всегда принадлежало московскому государю. Из претендентов нередко одерживал верх тот, кто мог заплатить в казну больше денег. В Новгороде право назначения кандидатов принадлежало новгородскому вече. Шансы на успех имели лишь наиболее популярные в республике и авторитетные иерархи. Вече определяло трех кандидатов, после чего проводилась жеребьевка. Тем самым ограничивалось влияние враждующих партий на исход выборов. Московский митрополит и священный собор не имели права вмешиваться в церковные дела Новгорода.

После смерти архиепископа Ионы в 1470 г. партия Марфы Борецкой приложила все силы, чтобы ввести в Софийский собор своего ставленника — Пимена, ключника умершего владыки. Про Пимена говорили, что он передал Марфе много денег из архиепископской казны,

использованных для подкупа народа. Придерживаясь пролитовской ориентации, Пимен предпочитал получить сан не в Москве, а в Киеве. Киевским владыкой был Григорий, единомышленник митрополита Исидора, согнанного с московской митрополии за подписание Флорентийской унии. Григорий получил сан митрополита от константинопольского патриарха, признавшего папу римского главой вселенской православной церкви. Пролитовская партия потерпела на вече поражение, в результате чего Пимен был взят под стражу. Бывшего ключника подвергли пытке и заставили заплатить штраф в 1000 руб. Деньги предназначались для пополнения растраченной им владычной казны.

Победу на выборах одержал нейтральный кандидат — протодьякон Феофил. Новгороду грозило московское вторжение, поэтому он не сразу выехал в Москву на поставление. Тем не менее после жеребьевки новгородцы направили послов к Ивану III за «опасными грамотами» для своего нового архиепископа. Избежать войны не удалось, и вместо поездки в Москву Феофилу пришлось, следуя решению веча, снаряжать полк для войны с великим князем. Однако в битве на Шелони он запретил своему полку сражаться с войском Ивана III. Феофил возглавил мирные переговоры с московским великим князем, завершившиеся полным подчинением Новгорода Москве. Два года спустя Феофил был арестован по подозрению в крамоле. Он якобы принял участие в заговоре новгородских бояр, пытавшихся возродить республику с помощью польского короля

Феофил был человеком осторожным и никогда не принадлежал к пролитовской партии. Поэтому выдвинутые против него обвинения кажутся сомнительными. Ско-

рее всего архиепископ пострадал из-за попыток настоять на соблюдении условий договора с Москвой. Иван III обязался «не выводить» новгородцев из их города и «не вступаться» в их вотчины, но постоянно нарушал договор.

После ареста Феофила власти наложили руку на сокровищницу Софийского дома. Траты старца Пимена не шли ни в какое сравнение с новой напастью. Иван III забрал всю казну Феофила, «множество злата и серебра и съсудов его». Архиепископа увезли в Москву и держали там в заточении более двух лет без суда и следствия.

Наконец зимой 1482—1483 гг. власти принудили Феофила сложить сан. В прощальной грамоте владыка объявил, будто оставил кафедру по причине «убожества своего ума». Только после этот Феофила освободили из заточения и перевели в келью Чудова монастыря в Кремле, где он вскоре умер.

Вече в Новгороде прекратило свое существование. Преемник Феофила был избран в Москве из московских святителей. Иван III позаботился о соблюдении новгородской традиции, вернее, ее видимости. Кандидатами стали три московских монаха, в том числе чудовский архимандрит Геннадий и троицкий инок Сергей. После жеребьевки сан достался Сергию.

В нарушение новгородских обычаев Иван III назначил для управления Софийским домом своего боярина, казначея и дьяка. При таких условиях новгородский владыка должен был стать послушным проводником московской политики в Новгороде.

Конфискация казны и земель Святой Софии породила финансовые затруднения. Новый владыка пытался поправить дела с помощью поборов, обычных в Московской

земле. Как записал псковский летописец, Сергей «много игумены и попы испроаде и многы новыя пошлыны введе».

В силу давнего соперничества между Москвой и Новгородом московское духовенство сохранило немало предубеждений против новгородской церкви. Сергей всецело разделял эти предубеждения и не намеревался скрывать их от паствы. По пути в Новгород владыка сделал остановку в Михайловском монастыре на Сковородке. Первые же заявления Сергея обнаружили его крайне непочтительное отношение к местным святыням, нежелание приравнять их к московским. Когда игумен провел архиепископа к гробу основателя монастыря, святителя Моисея, тот велел при себе тотчас открыть гроб для освидетельствования мощей. Получив отказ, Сергей бросил фразу: «Кого сего смердовича и смотрети?»

При всем своем высокомерии и резкости Сергей не обладал ни достаточным характером, ни силой воли. Попав во враждебную среду, пастырь оказался не в силах справиться с психологическим давлением и впал в «изумление»: рассудок его помутился. Причиной расстройства было то, что «не хотяху новгородци покоритися ему, что не по их мысли ходит», «они же (новгородцы. — Р.С.) отняша у него ум волшебством, глаголаше: Иоанн чудотворец, что на бесе ездил, тот створи ему». Болезнь владыки стала предметом множества толков в Новгородской земле. Одни считали, что провидение наказало Сергея, согласившегося занять место Феофила при его жизни, за нарушение канонических правил. По мнению других, владыка пострадал за пренебрежение к местным святым — архиепископу Иоанну, «святителю Моисею» и др. Похороненные в Софии подвижники стали являться Сергию

«овогда во сне, овогда яве» с обличением его «безумной» дерзости и под конец «во многыя недуги вложиша его». Сергей водворился в Новгороде в трудный момент. В 1483 г. новгородские бояре в последний раз исполнили свои обязанности в качестве правителей Новгорода. По поручению Ивана III они ездили в окрестности Нарвы и заключили мир с ливонцами. Едва наступила зима, Иван III приказал арестовать «больших бояр новгородских и боярынь и казны их и села все велел отписати на себя». В 1478 г. новгородцы присягнули на верность великому князю, а тот гарантировал неприкосновенность их вотчин. Гарантом соглашения выступила церковь. Теперь Иван III провел конфискации, грубо нарушив договор, а архиепископ Сергей санкционировал его действия. Все это навлекло на Сергия презрение новгородцев.

Пробыв в Новгороде менее года, владыка сложил архиепископский сан, признав свою неспособность справиться с паствой. В прощальном послании от 26 июня 1484 г. Сергей утверждал, что покидает кафедру «за немощью». Вернувшись в Троицкий монастырь, «немощный» Сергей пришел в себя и прожил еще 20 лет.

При избрании нового владыки в Новгород Иван III отказался от жеребьевки и решил дело в пользу Геннадия Гонзова. Этот последний, облеченный доверием монарха, был человеком решительным и смелым, а кроме того, мог заплатить в казну немалые деньги за свое избрание. Менее чем через год после получения сана Гонзов в письме к князю Борису Волоцкому пытался очиститься от подозрений в том, что «принял имением (за мзду. — Р.С.) сан святительский или мирских князей помощью». Однако современники были уверены, что владыка купил себе сан. По словам осведомленного летописца, чудовский

архимандрит получил архиепископство за мзду, «а дал от того (за назначение. — *Р.С.*) две тысячи рублей князю великому».

Подобно своему предшественнику Геннадий заботился о пополнении софийской казны и нещадно облагал поборами новгородское духовенство. Он пытался добиться полного послушания от псковского духовенства, невзирая на то что Псков в отличие от Новгорода сохранял независимость. В 1485 г. Геннадий направил туда своего боярина Безсона вместе с игуменом Евфимием. Евфимию предстояло принять сан архимандрита и стать наместником архиепископа в Пскове. Посланцы архиепископа должны были провести перепись в пределах Псковской земли, но псковские посадники и вече помешали им сделать это. Геннадий прислал своих людей, отметил местный летописец, «веляе описати по всей земли Псковской церкви и монастыре, и колико престолов и попов и всех в число написати; и псковичи не вдашася в волю его».

Памятуя о судьбе своего «изумленного» предшественника, Геннадий старался поддерживать мир с новгородцами и псковичами. Однако это ему плохо удавалось.

На протяжении нескольких лет московские власти подвергли новгородское боярство форменному разгрому, а затем «свели» из Новгорода в Москву купцов и прочих землевладельцев — «житых людей». По существу, верхний слой новгородского общества прекратил свое существование. Архиепископ Геннадий не стал отстаивать закон и справедливость и не защитил христиан, в чем состояла его первейшая обязанность пастыря, но, напротив, всеми мерами поддержал незаконные действия наместника Якова Захарьина, обвинившего новгородцев в заговоре. Все это усугубило его конфликт с местным духовенством.

Московская церковь отвергла Флорентийскую унию, тем не менее уния способствовала обмену идей между православным и католическим миром. Проводниками этих идей были греки. Самые известные из них прибыли на Русь в свите царевны Софьи Палеолог. Будучи в Италии, Софья пользовалась покровительством папского престола. Ее воспитателем был грек Виссарион, главный православный оратор на Флорентийском соборе, инициатор церковной унии. Видную роль при дворе Софьи играли униаты братья Траханиоты. В Москве они не могли открыто проповедовать свои идеи и должны были обличать латинство пап, чтобы не прослыть еретиками. Но, будучи патриотами Византии, греки сознавали, что только объединение сил всего христианского мира создаст условия для освобождения их поработщенной родины.

Всплеск византийского влияния в конце XV в. связан был с деятельностью греческой эмиграции в Италии. Оставаясь носителями византийской культуры, греки общались в эмиграции к итальянской культуре.

Им чуждо было нетерпимое отношение к католикам. Их влияние благоприятствовало проникновению на Русь культуры, медицинских познаний, строительной техники с Запада.

Греки из окружения Софьи поддерживали тесные связи с новгородским архиепископом Геннадием.

БЕЛЫЙ КЛОБУК

Новгородские архиепископы обладали древней привилегией. Среди иерархов они одни имели право носить белый клобук.

Сохранилась «Повесть о белом клобуке», объяснявшая происхождение архиепископских регалий. В позднем рукописном сборнике тексту «Повести» предпослано письмо Дмитрия Грека Толмача к Геннадию. На этом основании исследователи связывают составление «Повести» с деятельностью архиепископа Геннадия. Однако наличие «Послания» Дмитрия Грека не помогает датировке «Повести о белом клобуке» ввиду того, что само это «Послание» подложно.

Составители «Повести» стремились доказать, будто законным преемником Древнего Рима и Константинополя является Новгород в лице его высшего должностного лица и пастыря церкви архиепископа. Белый клобук, утверждал автор «Повести», «честнее» венца — княжеской короны. Византийский император Константин Великий сам приказал изготовить и вручил белый клобук (вместо венца) папе римскому Сильвестру. Папа переслал клобук

в Константинополь, а оттуда он был доставлен в Новгород и вручен там архиепископу.

«Повесть о белом клобуке» невозможно связать с именем Геннадия, стремившегося любыми путями подчинить новгородское православие московскому и покончить с обособленным положением новгородской церкви. При Иване Грозном в 1564 г. Священный собор констатировал, что ныне архиепископ новгородский Пимен носит белый клобук, «и прежние (архиепископы. — *Р.С.*) носили белые же, а писания тому нет же, которого для случая архиепископы новгородские белые клобуки носят».

СТАРЕЦ ЗАХАРИЙ

Среди противников архиепископа выделялся старец Захарий из псковского Немцова монастыря, который обличал владыку как еретика. В свою очередь, архиепископ ополчился за ересь на монаха. По словам пастыря, Захарий постриг детей боярских «от князя Федора от Бельского да причастия три года не давал, а сам, деи, не причащал же ся». Князь Ф.И. Бельский выехал в Москву из Литвы в 1482 г. и вскоре получил во владение городок Демон.

Несколько его вассалов нашли убежище в Немцове монастыре. Будучи вызван в Новгород, Захарий признал вину, но задал архиепископу вопрос: «А у кого, деи, ся причащати? Попы, деи, по мзде ставлены, и митрополиты, деи, и владыки по мзде же ставлены».

Слова чернеца попали не в бровь, а в глаз. Затеяв диспут с владыкой, Захарий не побоялся называть его еретиком.

Могущественный архиепископ препирался с чернецом более трех лет.

В октябре 1490 г. он жаловался митрополиту на Захария: «Лаает ми, господине, безпрестани уже третий год, а

посылает грамоты в мою архиепископию и к чернцом и к попом семисоборским, а что по Московской земли, то числа нет; а пишет в своих грамотах: послал, деи... на еретика грамоты; а яз не еретик».

Вызывающее поведение Захария объясняется достаточно просто. Чернец жил во Пскове, возглавлял там Немцов монастырь, и хотя псковская епархия подчинялась новгородскому владыке, но во Пскове сохранялись республиканские порядки, и под их защитой Захарий чувствовал себя в безопасности. Геннадий объявил Захария стригольником и велел сослать его в заточение «в пустыню на Горнечно». Но великий князь отменил его приказ как незаконный.

Стригольничество было одной из древнейших ересей, появившихся в Новгородско-Псковской земле еще в XIV в. Но соборного приговора в ереси в то время принято не было. Между тем лишь соборное осуждение могло превратить заблуждение в ересь.

Иван III избавил Захария от наказания и отпустил его в Немцов монастырь. Псков помог Москве разгромить Новгород, и Иван III оказывал псковичам особое расположение. Избежав заточения, Захарий уехал в Москву.

Архиепископ помог великокняжеским наместникам экспроприировать верхи новгородского общества, а наместники столь же деятельно помогли Геннадию избавиться от священников, не желавших признать авторитет московского ставленника и дерзко споривших с ним. Не исключено, что некоторые из этих лиц покинули Новгород в ходе московских выселений 1487—1488 гг. Характерный момент: Иван III оказал образованным новгородским священникам такое же покровительство, как и псковскому игумену Захарии. Новгородские священники-еретики были определены в кремлевские соборы.

ПУЧИНА МУДРОСТИ

Архиепископ Геннадий явился в Новгород с твердым намерением привести новгородцев в единую веру с Москвой. Однако шли годы, а положение не менялось. Разногласия между владыкой и образованными новгородцами касались широкого круга вопросов. Споры по поводу конца света пробудили интерес к астрономии.

Геннадий обратился к книге «Шестокрыл», включавшей сочинение еврейского астролога Эммануила бар Якова. Обнаружив в «Шестокрыле» иудейское летосчисление, владыка тотчас обличил иудейскую «прелесть». «Да и Шестокрыл, — писал он, — есми учил того для, и обретох в нем ересь... по чему жидова лета чтут; ино то учинили на прелесть христианскую... а то хотят ту прелесть явити, како изойдетъ (в 1492 г. — *Р.С.*) наша паскалия... и потому ино у них еще пришествиа Христова нет, ино то они ждут Антихриста».

Считается, что первыми к «Шестокрылу» обратились еретики («жидовствующие») и лишь после них за изучение труда взялся Геннадий. Это традиционное суждение вызвало возражение.

В послании Геннадия бывшему ростовскому епископу Иоасафу, сохранившемся в единственном списке, заключалась просьба: «Да чтобы еси послал по Паисея да по Нила да с ними бы еси о том посоветовал: преидут три лета, кончается седмая тысяща; и мы, деи, тогда будем надобны. Ино еретицы себе надежно чинят». На месте, отмеченном звездочкой, другими чернилами сделан знак вставки, а на нижнем поле страницы другим почерком вписана фраза: «ино и яз слыхал у Алексея». Таким образом, утверждают критики, не сам Геннадий, а писец связал «Шестокрыл» с новгородскими еретиками.

Так ли это? Письмо Геннадия посвящено обличению еретиков. Двух старцев, упомянутых в начале приведенного текста, он специально пригласил в Новгород для обсуждения новгородской ереси («о ересьях тех было с ними поговорити»). Одним из пунктов «совета» должен был стать вопрос о конце света («кончается седмая тысяща»). Издавая текст послания, Я.С. Лурье заключил в кавычки слова «мы, деи, тогда будем надобны» как прямую речь еретиков. Такое прочтение полностью согласуется с пометой на полях. Писцы и читатели на Руси нередко комментировали копируемые тексты. От своего ли имени или под диктовку Геннадия писец поместил на полях, что сам слышал такие речи от еретика Алексея. Обличая дерзкую самоуверенность еретиков (слова, что они понадобятся, коль скоро светопреставление через три года не наступит), Геннадий так прокомментировал приведенную еретическую фразу: «Ино еретицы себе надежно чинят». Эта фраза теряет всякий смысл вне связи с речью еретиков.

Обратимся к предыдущему абзацу послания. В нем владыка выражал надежду, что государь оборонит православных от «еретиков, жидовьская мудрствующих», имея

в виду вполне конкретных новгородских еретиков, а ниже доказывал, что «Шестокрыл» и есть источник «жидовских чисел», крадущих лета у православных. Если православные верно ведут счет лет, тогда, согласно логике Геннадия, через три года последует второе пришествие. Если правы «жидовская мудрствующие» новгородцы, ссылающиеся на Эммануила бар Якова, тогда конец света придется ждать столетия. В случае правоты новгородских священников они будут «надобны», зато архиепископу, а следовательно, всему православию будет нанесен ущерб: «...егда скончаются лета, а животом еще прибавит Бог мир, ино то еретиком жидовьскаа мудръствующимъ будет дръзость, а христианству будет спона велика»; «и что Шестокрил они собе изучив, да тем прелщают христианство» и пр. Слова о «прельщении» христиан дословно повторяют фразу из письма того же автора к епископу Прохору, написанного ранее. В обоих случаях под «жидовствующими» еретиками подразумевались конкретные лица, от которых следует ждать неприятностей: «А что числа поставлены в Шестокриле... ино то учинили на прелесть христианску... А то хотят ту прелесть явити, как изойдет наша пасхалиа...» Полагают, что эти разоблачения из письма Прохору относились к евреям и татарам, а главное — к латинянам (католикам).

Однако то, что мы знаем доподлинно об отношении Геннадия к латинянам, по-видимому, противоречит такому толкованию.

Католический король испанский, писал владыка, «очистил свою землю от ересей жидовских». Восторженные похвалы по поводу «латынян», искоренивших у себя «жидовство», едва ли совместимы с обличением «латынян» за их «жидовские мудрствования».

КНИЖНЫЕ БОГАТСТВА

В письме Геннадий задал Иоасафу вопрос: «Да есть ли у вас в Кириллове, или в Фарофонтове, или на Каменном книги: Сильвестр, папа Римский...» и др.? Иоасаф, в миру князь Оболенский, был игуменом Ферапонтова монастыря до получения епископского сана и вернулся в тот же монастырь после сложения сана. Наряду с Ферапонтовым монастырем Кириллов и Каменный обладали лучшими книжными собраниями. Перечень Геннадия включал сочинения о сущности Троицы: книгу о папе Сильвестре и Афанасии Александрийском, важнейшие книги Ветхого Завета, так называемые послания Дионисия Ареопагита, а также Книгу Притчей Соломоновых, сборник нравоучительных стихов из комедий Менандра, трактат «Логика», содержащий переводы из сочинений еврейского философа Моисея Маймонида и арабского математика Аль-Газали. Большинство названных книг с точки зрения ортодоксальности не вызывали ни малейших сомнений. Тем более удивительным является замечание Геннадия в конце перечня: «Занеже те книги у еретиков все есть».

В контексте письма просьба Геннадия имела вполне определенный смысл. Владыка пригласил двух ученых московских монахов в Новгород, чтобы обсудить с ними объявившуюся ересь. «Мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу о ересьях тех было с ними поговорити? Да есть ли у вас... книги... Занеже те книги у еретиков все есть». Итак, архиепископ как бы очертил круг литературы для предстоящего диспута о ереси. Трудность изобличения вольнодумцев состояла в том, что они объявляли себя ортодоксами и пользовались сочинениями, имевшими хождение и в Новгороде, и в московских монастырях, служивших оплотом московского благочестия.

Новгородская республика избежала татарского погрома, что позволило ей сохранить огромное книжное наследие. По некоторым предположениям, Новгород в XV в. обладал самым большим собранием рукописей во всем тогдашнем славянском мире. За несколько веков существования республики новгородское православие приобрело черты, отличавшие его от московского. Новгородцы поклонялись своим чудотворцам и угодникам, их обряды существенно отличались от московских. Новгородская образованность порождала вольнодумство.

Почему московские ортодоксы усмотрели в новгородском вольнодумстве «жидовство»? Историки, проанализировав этот термин в контексте тогдашней богословской традиции, заключили, что эпитет «жидовствующий» далеко не всегда означал принадлежность к иудаизму, а чаще имел в виду ересь вообще.

Однако послания Геннадия достаточно конкретны, чтобы понять смысл его обвинений. Сразу же после поминки первых еретиков владыка известил государя и мит-

рополита, что те «жидовскую веру величают», а православную хулят.

Обвинения в «жидовстве» вызвали некоторое затруднение. В письме митрополиту Зосиме в 1490 г. Геннадий так изложил историю проникновения ереси на Русь. В 1470 г. в Новгород прибыл литовский князь Михаил Олелькович, в свите которого находился некий «жидовин» еретик: он тайно обратил новгородцев в свою веру.

Обвинения против «жидовствующих» приобрели законченную форму после того, как владыка ознакомился с опытом преследования крещеных евреев католической церковью Испании.

В 80-х гг. XV в. при короле Фердинанде испанская инквизиция подвергла жесточайшим гонениям евреев, подчинившихся королевским указам и перешедших в католическую веру ради сохранения жизни и имущества. Инквизиционные суды судили их за мнимую или действительную приверженность религии предков, соблюдение иудейских обрядов и праздников. Тысячи людей были сожжены на кострах за тайное «жидовство». Идеологами инквизиции чаще всего выступали доминиканские монахи. Самым большим фанатиком среди них был Торквемада. Архиепископ получил информацию об испанской инквизиции из первых рук — от доминиканского монаха Вениамина, прибывшего в Новгород с Запада и ставшего одним из близких советников православного владыки.

Геннадий с исключительной похвалой отзывался о деятельности короля Фердинанда и святейшей инквизиции, рассматривая их в плане вселенской борьбы христианства с иудаизмом. Как видно, его вдохновляла мысль внести посильный вклад в эту борьбу.

В Средние века обличители еретиков строили обвинения на каком-нибудь наглядном доказательстве ереси, а не на разборе их догматических взглядов в целом. Выделив такое доказательство, ортодоксы по этому признаку относили новоявленную ересь к одной из древнейших ересей, обличенных в древней церковной литературе. Так поступали пастыри и западной католической, и восточной греческой церкви. Таким путем шел и Геннадий. Начало розыску о новгородской ереси положили не богословские прения и толкования книг, а установление наглядного доказательства ереси.

Согласно летописному свидетельству, к владыке поступил донос на двух новгородских священников — Григория и Ереса (Герасима), которые «пьяни поругались святым иконам». Геннадий сам подтвердил, что дело возникло после пьяной перебранки и пьяного богохульства: «жидовин» еретик посеял семена иудаизма, и «от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли, а держали ее тайно, да потом почали урекаться въпиани», о чем владыке тотчас донесли. Богохульство двух священников послужило для церковных властей наглядным доказательством распространения ереси в Новгороде. Дальнейший розыск протекал в соответствии с обычным сценарием. Посредством пыток судьям предстояло вырвать у еретиков признание вины и имена сообщников. Однако выданные на поруки священники сбежали в Москву, надеясь найти там защиту от пастыря.

Розыск остановился, но среди новгородских священников нашелся ренегат, покаявшийся в том, что он вместе с двумя бежавшими попами молился «по-жидовскы» и прельщал христиан «жидовским десятисловием».

Геннадий не жалел сил, чтобы завершить розыск и организовать громкий судебный процесс. На протяжении двух-трех лет он отыскивал все новые и новые факты, которые доказывали, что преступление двух пьяных священников против священных икон характерно для новгородцев вообще. Может быть, в Новгородской земле нарождалось некое иконоборческое движение, свидетельствовавшее о критике иконопочитания с позиций рационализма? Такое предположение было бы опровержимым.

По-видимому, дело заключалось в другом. Особенностью массового религиозного сознания на Руси была привязанность к обрядовой стороне. Значительную роль в народной жизни играли иконы. Иностранцев поражали их обилие, а также совсем особое к ним отношение русских. Каждая семья имела одну или несколько икон и молилась им, требуя, как от языческого идола, помощи и заступничества. Когда икона не помогала в беде, ее могли подвергнуть наказанию, бросить наземь, повесить вверх ногами и пр. Осуждение идолопоклонства было одной из устойчивых традиций христианства, которой следовали на Руси. Но ортодоксы всегда опасались, как бы критика идолопоклонства не нанесла ущерба иконопочитанию.

Геннадий Гонзов был едва ли не первым из москвитов, проявивших настойчивый интерес к книгопечатанию. По его заданию Ю. Траханиот в 1492—1493 гг. пригласил в Новгород любекского первопечатника Б. Готана. Благодаря посредничеству греков Готан был принят на службу к архиепископу а привезенные им книги — Библия и Псалтырь — поступили в распоряжение софийских книж-

ников. Русь могла воспринять крупнейшее достижение западной цивилизации — книгопечатание, но Готану не удалось осуществить свой проект.

По сведениям поздней любекской хроники, русские власти поначалу осыпали печатника милостями, но позднее отобрали все имущество, а самого утопили в реке. Известие о казни Готана не поддается проверке.

СПОРЫ ОБ ИКОНАХ

В письме епископу Нифонту в 1488 г. Геннадий изложил все известные ему случаи кощунственного обращения новгородцев с иконами и крестами и сделал вывод, что виноваты во всем еретики: «Еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христианству — выжут кресты на вороны и вороны; многие видели: ворон, деи, летает, а крест на нем вязан деревян, а ворона, деи, летает, а медян». В деревне на р. Ояти священник и дьякон дали христианину «крест-тельник древо плакун» с вырезанным на нем непристойным изображением. Крестьянин, надевший крест, заболел и умер. Этот случай богохульства Геннадий также постарался связать с ересью.

Помощником священника, осквернившего крест, был некий дьякон, о котором владыка сообщал: «...а сказываеьца племянник Гриди Клочу еретику». В заключение архиепископ обличил подьячего Алексея.

Этот последний, живя у себя в новгородском поместье, «напився пьян, влез в чясовну, да, сняв с лавицы икону — Успение Пречистые», осквернил ее, «а иные иконы вверх ногами переворачивал». По утверждению Геннадия,

общее число поруганных и испорченных «безыменно» (неизвестно кем), но явно по наущению еретиков икон нельзя было и сосчитать: «...а что паки безыменных, ино и числа нет, кое резаны, а не весть». Подобного рода факты должны были подкрепить утверждения владыки на счет широкого распространения в Новгороде «жидовства», повинного в иконоборчестве.

С нескрываемым подозрением Геннадий относился к некоторым иконам местного письма, почитаемым новгородцами. Гнев пастыря вызвала икона из церкви Спаса на Ильине: «Стоит Василий Кисарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: Обрезание Господа нашего Иисуса Христа».

Неизвестно, какое отношение имела эта икона к еретикам. Но владыке надо было доказать вину крамольного Новгорода в целом. Среди новгородских священников нашелся ренегат — поп Наум, донос которого Геннадий поспешил отослать в Москву. Наум оговорил четырех еретиков. Его обвинения против Гриди, дьяка Борисоглебской церкви, были столь шатки, что в Москве их признали неосновательными: «Гридя-диак не дошел ещо, по правилом, градские казни, потому что на него один свидетель, поп Наум». О себе Наум показал, что он из «жидовства» «в христианство опять... захотел», а в доказательство полного раскаяния представил в Софийский дом «тетрати», по которым еретики «молились по-жидовскы» с псалмами «на их обычай». Отослав «тетрати» вместе с доносом Наума в Москву, Геннадий пояснил в своих письмах, что новгородцы-еретики «недостойно служат литургию». Как видно, и в этом последнем случае осуждение московского святителя вызвали какие-то особые черты новгородского богослужения и обрядности.

После разбирательства в Москве трех беглых священников наказали палками и вернули в Новгород, где их повторно «били по торгу кнутием». Архиепископ не хотел, чтобы дело заглохло, и с удвоенной энергией продолжал розыск. В ход были пущены пытки. Сын попа Григория Самсонка не выдержал допросов и оговорил многих людей.

Полученные таким способом показания вызвали сомнения у членов московского собора, и Геннадию пришлось оправдываться ссылкой на участие в розыске слуг великого князя. «А яз ли того Самсонка мучил? — писал владыка. — Ведь пытал его сын боярский великого князя, а мой только был сторож». Показания Самсонки носили сенсационный характер. Поповский сын утверждал, будто в ереси повинны московский дьяк Федор Курицын, доверенное лицо Ивана III, видные придворные священники протопоп Алексей и поп Денис и другие лица.

Иван III претендовал на роль высшего судьи и в светских, и в церковных делах. Обвинение в ереси лиц из его окружения было для него неприятным сюрпризом.

Конечно, никто не посмел назвать еретиком великого князя. Но и покровительство еретикам считалось тяжким грехом.

Новгородские наместники Захарьины деятельно помогали Геннадию в борьбе с его недругами-новгородцами, объявленными еретиками. Они лично участвовали в пытках заподозренных новгородцев, снимали допросы. Невзирая на помощь наместников, розыск в Новгороде протекал негладко. Новгородцы искали защиты у великого князя. Явившись в столицу, они били челом Ивану III «на Геннадиа архиепископа о том, что, рекши, он... (их) имал, и ковал, и мучил изо имениа, да грабил животы»

их. Может быть, корысть и сыграла свою роль в преследовании еретиков. Но важнее было другое. Прежде владыка не мог управлять вольным городом, не уважая местных святынь и не пользуясь авторитетом у духовенства и населения. Теперь, когда Новгород утратил свою политическую вольность, затеянные гонения помогли ему покончить с вольнодумством паствы и привести Новгород в одну веру с Москвой.

Геннадий предъявил новгородским священникам-еретикам совершенно такие же обвинения (в двурушничестве и тайном «жидовстве»), какие в те же самые годы испанские инквизиторы предъявляли крещеным евреям в Испании. Фактически владыка склонился к тому, чтобы использовать опыт католической инквизиции и таким путем покончить с очагами вольнодумства на Руси. В письме 1490 г. он не только сформулировал главное обвинение в духе испанской инквизиции, но и наметил формы судопроизводства, которые позволяли достичь цели. Геннадий Гонзов дал епископам дельный совет: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учинити собор, что их (еретиков. — *Р.С.*) казнити — жечи да вешати». Владыка предлагал избегать богословских прений на соборе. Еретиков надо было лишить возможности отстаивать свои взгляды и сразу послать на казнь.

Однако осуществить намеченный сценарий суда не удалось.

Митрополит Геронтий умер в Москве 28 мая 1489 г. Старшим иерархом церкви в течение года и четырех месяцев оставался архиепископ Геннадий Гонзов. Он пытался использовать ситуацию, чтобы ускорить расправу с ере-

тиками. В письме к собору Геннадий настаивал на том, чтобы члены собора «владыки (митрополита. — Р.С.) бы есте не спешили ставить доколе ереси не искорените».

Если бы планы всеобщего искоренения ереси увенчались успехом, Геннадий и его единомышленники получили бы шанс окончательно забрать руководство церкви в свои руки. Но обстоятельства не благоприятствовали архиепископу.

После смерти Геронтия московские власти прислали Геннадия вместо вызова на собор одну за другой две грамоты: одну — об избрании митрополита, другую — о поставлении коломенского епископа. Геннадий писал в ответ: «Прислал князь великий ко мне грамоту, а митрополит — другую о поставлении коломенского владыки, а безыменно кого, а велят ми отпись дати безыменно же, какову Геронтию митрополиту взяли у мене». Цель посылки в Новгород «безымянных» грамот была предельно ясна.

Старшему после митрополита иерарху церкви пришлось без обсуждения согласиться на избрание лица, не названного в царской грамоте по имени. В грамоте к новому митрополиту Геннадий писал, что «хотел того велими, чтобы мне быти на твоём поставлении», но государь ему «к Москве ехать не велел за своими делы...». Геннадия запретили ехать на собор и фактически отстранили от участия в выборах главы церкви.

26 сентября 1490 г. Иван III и собор поставили на митрополию симоновского архимандрита Зосиму Брадатого, принадлежавшего к числу недругов Геннадия. Зосима начал с крайне недружественного жеста в отношении Геннадия. Он потребовал от него «исповедания», что обидело последнего.

РАЗГРОМ ДУМЫ

В январе 1499 г. самодержец объявил об опале на князя И.Ю. Патрикеева, двух его сыновей, Василия и Ивана, и зятя С. Ряполовского. Бояре осуждены были на смерть. Перед нами не набор случайных имен, а правящий круг, осуществлявший управление государством на протяжении многих лет.

Двоюродный брат государя князь И.Ю. Патрикеев носил боярский чин в течение 40 лет, из которых 27 занимал пост наместника московского (этот пост он унаследовал от отца). Патрикеев возглавлял думу и принадлежал к ближайшему окружению государя. Когда строители приступили к починке старого великокняжеского дворца в Кремле, Иван III переселился на подворье к Патрикееву. К кругу высших руководителей государства принадлежал зять Патрикеева князь С. Ряполовский, за особые заслуги получивший титул «слуги и боярина». Ряполовские спасли детей Василия Темного в годы смуты.

Благодаря «молениям» митрополита Патрикеевы избежали смерти. Их постригли «в железах» (в кандалах) и разослали по монастырям в заточение. «Слуга»

Ряполовский был обезглавлен палачом на льду Москва-реки на пятый день после ареста. Вскоре же казнен был боярин князь Василий Ромодановский из рода Стародубских князей.

Историки потратили много времени и остроумия на то, чтобы объяснить, что произошло в Москве. Одни связывают казни с династической борьбой, другие — с неудачами во внешней политике. Патрикеевы и Ряполовский были сторонниками замирения с Литвой. Они не смогли добиться от литовцев признания за Иваном III титула государя «всея Руси».

Предположение, будто глава Боярской думы, брат Ивана III, мог лишиться головы из-за подобного рода проступков, кажется сомнительным. Речь шла, по-видимому, о серьезных разногласиях внутри правящего круга.

Сразу после победы над новгородцами братья Ивана III потребовали произвести раздел завоеванных территорий, что соответствовало удельным традициям. Братья получили отказ. Но московским боярам великий князь отказать не мог. Московская знать получила обширные земли. Описание новгородских пятин на рубеже XV — XVI вв. выявило тот факт, что знать вскоре же лишилась новгородских пожалований.

Странный парадокс. Новгородские земли были отобраны не только у опальных бояр, но и у прочей московской знати, включая таких фаворитов, как бояре Челяднины или Захарьины.

Что же произошло?

Москва провела конфискацию новгородских вотчин в основном в конце 80-х годов. Десять лет спустя Иван III вернул в казну конфискованные земли. Московская ари-

стократия вполне оценила все выгоды новгородских пожалований и, видимо, противилась конфискации всеми силами.

Вывод из Новгорода знати был мерой крайне непопулярной среди московского боярства, и Ивану III пришлось искать обходные пути. Он решил передать Новгородскую землю в удел, чтобы, не нарушая старину и закон, вывести из Новгорода московскую знать.

В начале 1498 г. титул великого князя новгородского получил Дмитрий-внук.

Но менее чем через год Дмитрий лишился новгородского титула. Дмитрий-внук был слишком тесно связан с Боярской думой и ее руководством, т.е. с теми, кто получил самые обширные и самые плодородные земли в Новгороде. Он не хотел ссориться с московской думой.

Иван III передал Новгород сыну Василию, несмотря на то что в 1497 г. сын участвовал в заговоре против отца и попал под стражу.

Была ли передача Новгорода Василию формальным актом? Скорее то был хорошо продуманный ход.

Иван III прибегнул к экстраординарной мере, чтобы вывести Новгородскую землю из-под контроля Боярской думы. Бояре и прочие знатные люди, присягнувшие на верность Дмитрию-внуку и продолжавшие служить ему в Москве, должны были покинуть владения князя Василия.

Раскол в верхах приобрел зримые очертания. Василий и его мать Софья энергично поддерживали планы государя. Руководство Боярской думы и коронованный Дмитрий-внук восстали против планов Ивана III и потерпели поражение.

Конфликт между монархом и его могущественной знатью нарастал подспудно по мере усиления власти самодержца. Поводов для столкновений было достаточно. Но главной причиной раздора был вопрос о власти. Кто и кому будет подчиняться: князь думе или наоборот?

Установленные факты проливают свет на один из самых темных вопросов. Почему Иван III сместил Дмитрия-внука уже после его коронации и передал корону Василию?

Причины коренились, конечно же, не в симпатиях и антипатиях отца. Противники Софьи и греков сознавали, что передача новгородской короны Василию лишит их новгородских «дач». Московская знать вовсе не желала поступаться своими традиционными правами в пользу самодержца.

Иван III прибегнул к крайним мерам, когда осознал всю затруднительность своего положения. Споры о разделе новгородского наследства привели фактически к разрыву монарха с думой. Законный наследник Дмитрий-внук встал на сторону думы.

Дума могла рассчитывать на поддержку церкви, так как иерархи знали, с какой стороны исходит угроза церковным имуществам.

Великий князь достиг шестидесяти лет и недомогал. Его внуку исполнилось семнадцать. Он был в расцвете сил. Два великих князя обладали формально равными правами на трон. Но современники засвидетельствовали, что Дмитрий пользовался большей популярностью в народе, чем греки — Софья и ее сын.

Сложилась ситуация, в которой власть могла в любой момент выскользнуть из рук монарха. Иван III сам под-

готовил себе замену. Его противникам не надо было выбирать великого князя, короновать его и пр. Дмитрий-внук был законно избран и коронован шапкой Мономаха. Он находился в стане врагов Ивана III. Им оставалось сделать небольшую передвижку.

В страхе за корону монарх отдал приказ о казни главных бояр.

ДВОР И ДУМА

Двор и дума были традиционными учреждениями Древней Руси. Но в XV в. они претерпели трансформацию. Судить о переменах затруднительно ввиду скудости источников. Но основной факт бесспорен. Прежде в составе двора служили дети боярские, владевшие вотчинами. Теперь Государев двор объединял государевых помещиков детей боярских. В XVI в. все члены двора были обеспечены поместьями.

Формирование двора было тесно связано со становлением поместной системы, которая стала доминировать в пределах Новгородской земли, а позднее и в других уездах.

В Разрядной книге 1475—1498 гг. находим запись о походе в Новгород великого князя Ивана в 1495 г. Князя сопровождали руководители думы, высшие дворцовые чины и дьяки. Ниже помещены четыре княжеских списка. Они включают те же фамилии, в том же порядке, что и княжеские списки Тетради дворовой середины XVI в.

Под общим заголовком «Князи и дети боярские» значатся:

«[Князья Суздальские]

Князь Михаил Шуйский

Князь Борис Горбатый

Князья Василий, да сын его Иван Нохтев

Князь Иван Барбаша

[Князья Стародубские]

Князь Василий Мних Рязановский

Князь Иван да князь Юрий да князь Борис Ромодановские, инде пишет Романовичи

Иван Образец, да Ондрей Пеструха, Петр Пестрого Палецкие

Князь Александр, да князь Федор, да князь Семен Приимыш Кривоборские

Иван Стародубской Черный

Князь Василий Ковер Стародубский

[Князья Ростовские]

Князь Ондрей Хохолек, дети его князь Юрий да князь Олександр

Князь Александр, князь Василий да князь Семен Янова»

Все названные фамилии вели род от владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. И лишь князья Ярославские происходили из рода смоленских князей. Благодаря браку Федора Ростиславича с княгиней Марией Ярославской, обладательницей ярославского трона, они получили вместе с короной обширные вотчины в Ярославском крае. Со временем они слились с суздальской знатью.

«[Князья Ярославские]

Князь Константин Романович

Князь Костентин Ушатый

Князь Ондрей Курбский

Князь Семен Курбской

Князь Михаилo Львович Романовича
Князь Дмитрий Юхоцкой
Князь Ондрей Прозоровской
Князь Федор Сицкой
Князь Дмитрий Сонцов
Князь Давыд Засекин»

Сопоставление Разряда с Тетрадью дворовой позволяет заключить, что перед нами ранние дворовые документы — княжеские списки.

Образование обширного фонда государственных поместных земель стало главной предпосылкой реформы. Знать извлекла из реформы наибольшие выгоды. Пожалованные боярским титулом лица получили поместные оклады, многократно превышавшие оклады рядовых дворовых детей боярских.

В ходе реорганизации дворовой службы начали складываться сословные привилегии дворянства. Представители княжеской суздальской знати получили право проходить службу по княжеским спискам. Занесенные в княжеские списки лица имели первоочередное право на получение высших думных чинов и воеводских постов.

Могущество суздальской аристократии определялось тем, что эти князья были в родстве между собой и с великокняжеской династией. Они сохранили родовые наследственные вотчины и вместе с тем — связи с дворянами в пределах их бывших княжеств. Когда Иван Грозный ввел опричнину, он сослал на восточную окраину суздальскую знать, а боярина Горбатого, покорителя Казани, велел казнить. Опричнина высветила тот факт, что суздальская знать ограничивала власть царя в наибольшей мере.

Лишь после того как сложилась четкая структура думных титулов и рядом с лестницей думных чинов (боярин,

окольничий и пр.) сложилась система поместных окладов членов думы, Боярская дума приобрела окончательную форму. Думные люди извлекли огромные выгоды из поместной реформы. Поместный оклад бояр достигал 1000 четвертей земли. Двор, включавший думу, имел точный списочный состав. В XVI в. подле думы стала функционировать ее канцелярия — многочисленные приказы. «Двор» превратился в «Государев двор», оплот служилого дворянства.

Много позже новгородские дворяне составили «Поганую книгу» с перечнем помещиков из холопов.

У ИСТОКОВ САМОДЕРЖАВИЯ

В XV в. в политическое сознание общества стала внедряться имперская доктрина. С 1497 г. гербом Российской монархии стал византийский герб — двуглавый орел. Скромный церемониал московского двора уступил место пышным византийским ритуалам. В переписке с соседями великий князь по временам называл себя самодержцем. (Этот титул был точным переводом византийского императорского титула автократор.) Полагают, что перемена в титулатуре была связана с обретением государственной независимости. Иван III стал обладать державой сам, а не из рук золотоордынского хана. Однако возможно и более простое толкование. В Византии титул автократор носил главный император, желавший подчеркнуть свое первенство в государстве по сравнению с императорами-соправителями. Любопытно, что старший сын императора, становясь соправителем отца, иногда усваивал титул кесаря или царя. Титул самодержца понадобился Ивану III после того, как у него появился один, а затем два соправителя — Дмитрий и Василий с одинаковыми титулами великих князей.

Объединение земель превратило Московию в могущественную военную державу. В давнем конфликте с Литвой из-за пограничных русских земель перевес все больше склонялся на сторону России. Под натиском католицизма православное население Литвы все чаще обращало взоры в сторону единой верной Москвы. Отъезд православных князей (Воротынских и др.) на службу к Ивану III имел результатом присоединение к России значительной территории в верховьях Оки. По договору 1494 г. Литва признала утрату Вязьмы, важнейшей крепости на подступах к Москве. Брак литовского князя Александра с дочерью московского великого князя имел целью положить конец войне на границе. Но эта цель не была достигнута.

Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширились. Глава Священной Римской империи германской нации направил в Москву посла и предложил Ивану III принять королевский титул. Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы. Москва отклонила предложение Вены. Воспитанные в византийских традициях, московские государи неоднократно употребляли титул «царь» или «кесарь», но исключительно в дипломатической переписке с Ливонским орденом и мелкими германскими княжествами. «Великий» князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с «великим» магистром Ордена или «великими» немецкими князьями.

Царевна Софья вышла замуж на невыгодных для нее условиях. Ее сыновья могли претендовать на удельные княжества, но никак не на московский престол.

Иван III женил первенца Ивана Молодого Тверского на Елене — дочери православного государя Стефана Великого из Молдавии. В 1479 г. Софья Палеолог родила сына Василия. Четыре года спустя Елена Волошанка родила Ивану III внука Дмитрия.

Княжичу Дмитрию исполнилось семь лет, когда умер его отец Иван Молодой. Тридцатидвухлетний наследник престола Иван страдал недугом — «камчюгою в ногах», или подагрой. Вылечить его взялся лекарь «мистер Леон Жидовин», выписанный Софьей из Венеции. Несмотря на старания врача, больной умер. Кончина наследника была выгодна «грекине», и по Москве тотчас прошел слух, будто Ивана Молодого отравили итальянцы. (Андрей Курбский записал эти слухи через сто лет, нимало не сомневаясь в их достоверности.) Знаменитого венецианского врача вывели на площадь и отрубили ему голову.

Смута второй четверти XV в. ускорила крушение удельной системы. Почти все удельные княжества, образованные после смерти Василия Темного, прекратили существование еще при жизни Ивана III. Старший из его братьев князь Андрей кончил жизнь в тюрьме.

Объединение княжеств и земель привело к важным переменам в московской иерархии. В Древней Руси князь не мог быть боярином у другого князя, а бояре, в свою очередь, не могли претендовать на княжеский титул. В XV в. многочисленные потомки местных княжеских династий — аристократия из Суздаля, Ярославля, Ростова, Стародуба, Оболенска, Твери, Рязани — перешли на службу в Москву. Будучи владельцами обширных родовых вотчин — осколков прежних великокняжеских владений, — эти князья поначалу сохраняли некоторые права суверенов в пределах неког-

да принадлежавших их предкам великих княжеств. Но постепенно эти права сужались, и князья переходили в разряд московских бояр.

При распределении высших постов в государстве знатность рода имела решающее значение. Учитывались также успехи отца и деда на службе у московских государей. К XV в. княжеские фамилии основательно потеснили нетитулованные боярские роды, служившие в Москве со времен Ивана Калиты.

Служилые князья жили в усадьбах, реже в городках, имевших деревянные укрепления, и держали вооруженную свиту. В качестве наместников знатные бояре возглавляли управление городами и уездами. Дворяне получали волости. Уезды и волости становились их кормлениями. Это значит, что они ведали судом и управлением и кормились за счет собранных налогов и судебных пошлин. Такой порядок позволял управителям пополнить свой кошелёк и возместить расходы, понесенные на государственной службе. Обычно великий князь жаловал кормления воеводам после удачных походов.

Важнейшей прерогативой аристократии было право «думать», т.е. решать все основные дела вместе с государем. К XV в. понятие «боярин» приобрело новое значение. Оно превратилось в титул, которым великий князь наделял немногих избранных советников. Лишь с этого времени Боярская дума приобрела постоянный состав и окончательно превратилась в высший орган монархии.

Рядом с чином «боярин» появился низший думный чин «окольничий». Княжеская знать имела право сразу получить боярство, старомосковская нетитулованная знать обычно начинала службу в чине окольничих.

Вместе с Боярской думой в России народились первые общегосударственные учреждения — Казна и Дворец. Казна служила хранилищем для сокровищ и денег, а также княжеского архива. Казначей хранил государственную печать, иначе говоря, возглавлял княжескую канцелярию. Он возглавлял финансы страны и входил в состав думы. Дворецкие управляли дворцовыми (личными) владениями великокняжеской семьи. Их важнейшая функция заключалась в том, чтобы снабжать княжескую семью продовольствием и денежными средствами.

Великий князь Иван III все дела решал с думой. При этом знатные бояре отнюдь не были послушными и безгласными исполнителями его воли. Смута второй четверти XV в. упрочила власть Боярской думы. Василий II Темный не раз возвращался на московский трон, пользуясь поддержкой думы. После смуты старшие бояре нашли сторонника в лице коронованного великого князя Дмитрия-внука.

При обсуждении дел члены думы и придворные не стеснялись возражать государю. Дворянин И. Берсень-Беклемишев, сделавший неплохую придворную карьеру, вспоминал на склоне лет, что Иван III любил и приближал к себе тех, кто возражал ему: «против себя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали». Как писал Андрей Курбский, Иван III был «любосоветен» и ничего не начинал без длительных и «глубочайших» советов с боярами — «мудрыми и мужественными сигкли-ты». В действительности взаимоотношения монарха с могущественной знатью не были идиллическими. Первый серьезный конфликт имел место осенью 1484 г., когда Иван III «поимал» бояр Василия и Ивана Тучко-Морозовых. Вотчины опальных были отобраны в казну и воз-

вращены лишь через три года. Конфликт с Морозовыми стал значительным событием в истории двора. Иван IV помнил о раздоре, унизившем его деда, и всю вину за произошедшее возлагал на бояр. Братья Тучко, писал царь в одном из своих писем, «многая поносная и укоризненная словеса деду нашему великому государю износили». Случай с Морозовыми доказывал, что государь до поры до времени терпел возражения бояр, но при подходящей возможности жестоко расправлялся со строптивыми советниками.

В дни похода на Новгород В.Б. Тучко вместе с И.Ю. Патрикеевым продиктовал новгородцам условия капитуляции. Во время «стояния на Угре» Иван III послал боярина В.Б. Тучко к мятежным братьям для примирения с ними, а затем поручил ему сопровождать жену с детьми на Белоозеро. В случае гибели государя Тучко должен был обеспечить безопасность вдовы.

Конфликт в верхах разрастался, и современники склонны были приписать беду пагубному влиянию на великого князя «греков».

Московское боярство постоянно пополнялось знатными выходцами из соседних государств: царевичами из Орды, членами литовской великокняжеской династии и пр. Как правило, они получали щедрые земельные пожалования от московских государей. Члены византийской императорской семьи появились на Руси впервые. По своей знатности они далеко превосходили прочих пришельцев из-за рубежа. Тем не менее им пришлось познать немало унижений, когда они пытались укорениться в Москве.

В Италии у Софьи оставались брат Андрей и племянница Мария Палеолог. Великая княгиня выписала Марию

в Москву и выдала ее замуж за Василия, сына белозерского князя Михаила Верейского. Согласно византийским обычаям, византийские императрицы держали личную канцелярию, могли распоряжаться своими драгоценностями и пр. Выдавая племянницу замуж, Софья передала ей в приданое свое украшение — «сажень» с камнями и жемчугом. Как повествуют московские официальные летописи, Иван III вздумал одарить «саженьем» Елену Волошанку по случаю рождения внука. До Софьи «сажень» носила первая жена государя Мария Тверская, и украшение должно было остаться в собственности старшей тверской ветви династии. Не найдя «саженья» в кремлевской казне, Иван III якобы пришел в страшный гнев и велел провести дознание. После розыска московские власти арестовали итальянского финансиста, объявленного пособником Софьи, а заодно взяли под стражу двух ювелиров, по-видимому, переделавших «сажень» для Марии Палеолог. Семье Василия и Марии Верейских грозила опала, и они поспешно бежали за рубеж, в Литву. История с «саженьем» поражает своей несообразностью. Женское украшение не имело значения княжеской регалии и не принадлежало к числу самых ценных вещей великокняжеской сокровищницы. «Сажень» было не более чем поводом к фактическому изгнанию из страны Василия Верейского и Марии Палеолог.

Удельный князь Михаил Верейский сохранял преданность Василию II Темному на протяжении всей смуты. Но это не оградило его от произвола Ивана III. По договору 1482 г. удельный князь «уступил» самую ценную свою «отчину» Белоозеро «и грамоту свою на то ему дал». Наследник княжич Василий Верейский имел все основания негодовать на государя. Его бегство в Литву отвеча-

ло целям Ивана III, как и изгнание из страны Марии Палеолог.

Боярская дума с неодобрением следила за тем, как греки укрепляют свое влияние при дворе.

Софья выписала из Рима своего брата Андрея Палеолога. Как член византийской императорской семьи, шурин Ивана III Андрей рассчитывал получить обширные владения на Руси. Но его надежды не оправдались. Не получив желаемого, Андрей Палеолог покинул Москву. Осколки византийской императорской фамилии были отторгнуты московским правящим боярством.

НОВГОРОДСКИЙ КНЯЗЬ

Система взглядов Софьи и греков существенно отличалась от московской. Бояре и народ обвинили «грекиню» прежде всего в нарушении традиционного порядка престолонаследия в Московии. Согласно византийским нормам, только Синод мог обнародовать имя преемника василевса. Фактически же Синод лишь облачал в форму закона волеизъявление императора.

Иван III был привязан к взрослому сыну Василию, а на подрастающего внука нередко негодовал. Но при назначении наследника он не мог отступить от московской традиции.

Распри в великокняжеской семье грозили подрвать власть монарха. Благодаря грекам московский двор имел возможность основательнее познакомиться с византийскими порядками. В трудных ситуациях императоры нередко передавали отдельные провинции сыновьям-соправителям, что укрепляло положение царствующей династии. Опираясь на эту традицию, Софья домогалась, чтобы Иван III назначил удельного князя Василия своим соправителем и передал ему крупнейший после Москвы город

Новгород со всей Новгородской землей и Псковом. Идея раздела государства на несколько удельных княжеств не встретила сочувствия при дворе законного наследника и в Боярской думе. Пережившие смуту бояре опасались, что удельный князь Василий, опираясь на Новгород, сгонит с трона малолетнего племянника Дмитрия. Дума, ведавшая внешними сношениями, четко выразила свое мнение по поводу всего происходящего. Литовский князь Александр, будучи зятем Ивана III, нередко получал дружеские советы из Москвы. Узнав, что Александр намерен отдать Киев одному из своих братьев во владение, московские власти резко высказались против раздела Литовского великого княжества, сославшись при этом на недавний опыт. «Слыхал яз, — писали бояре от имени Ивана III, — каково было нестроение в Литве, коли было государей много. А и в нашей земле (на Руси. — Р.С.) каково было нестроение при моем отце». Наказ, составленный в 1496 г., отражал официальную московскую доктрину.

Как следует из текста «Чина поставления и венчания Дмитрия Ивановича», государь произнес такую речь: «Ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Владимирским и Московским и Новугородцким и Тверским» внука Дмитрия, которого мне «дал Бог в сына моего место». Намерение отнять титул новгородского князя у коронованного князя Дмитрия и передать его удельному князю было незаконным со всех точек зрения. Прямое противодействие этому решению оказали не только верхи — бояре, но и народ.

В начале 1499 г. Иван III направил послов к псковским посадникам с объявлением, что «де я, князь великий Иван, сына своего пожаловал великого князя Василия, дал емоу Новгород и Псков». Посадники и вече категори-

чески отказались подчиниться указу государя. Они спешно отрядили полномочных послов в Москву и заявили, что будут подчиняться лишь тому великому князю, который занимает московский трон: «а которой бы был великий князь на Москве. той бы и нам государь». В этом псковичи видели гарантию независимости Псковской республики. Главное требование псковского веча состояло в том, чтобы Иван III с внуком, которому псковичи принесли ранее присягу, «держали «отчину» свою (Псков. — Р.С.), а в старине». Переговоры в Москве были долгими и трудными. Посадники упорно ссылались на «старину» и присягу. Наткнувшись на противодействие, Иван III велел бросить двух посадников в тюремную башню. При этом он заявил: «Чи не волен яз в своем внуке и оу своих детех. Ино кому хочю, тому дам княжество». По приказу государя в Псков выехал новгородский архиепископ Геннадий, чтобы отслужить службу «за князя великого Василья». Псковичи не проявили никакого уважения к своему пастырю и не дали ему служить в соборе, сказав, что не имеют «к тому веры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским». Лишь после того как Иван III прислал в Псков своего личного представителя, боярина И. Чеботова, и торжественно обещал держать свою «отчину» по старине, псковское вече смирилось. В сентябре арестованные посадники были отпущены из Москвы.

Боярская дума не желала допустить раздела государства между соправителями, потому что сознавала опасность повторения смуты, едва не погубившей Московское княжество во второй четверти XV в. Помимо того, осуществление планов Ивана III затрагивало материальные интересы членов думы.

РАЗДЕЛ ЗЕМЕЛЬ

Московская знать помогла великому князю овладеть Новгородом и на этом основании потребовала своей доли в добыче. Аристократия управляла Московской землей вместе с монархом. В Новгороде она претендовала на ту же роль. Первостатейная московская знать получила в Новгородской земле самые обширные владения. Казна передала главе московской боярской думы князю И.Ю. Патрикееву и его сыну более 500 обож, трем братьям Захарьиным — около 800 обож.

Крупные владения были выделены влиятельным членам думы князю С. Ряполовскому, А. Челяднину, дворецкому Русалке-Морозову, новым правителям Новгорода наместнику князю С. Ярославскому, новгородскому дворецкому М. Волинскому и другим.

Московская аристократия владела пожалованными землями и кормлениями на протяжении одного-двух десятилетий. Если бы московскому боярству удалось удерживать полученные богатства, его могущество достигло бы небывалого уровня. Но этого не произошло.

* * *

Боярские семьи были многодетными, из-за чего даже крупные вотчины могли измельчать в течение полувека. Рядом с боярством появился слой детей боярских.

Термин «сын боярский» указывал прежде всего на не-самостоятельное, зависимое положение человека в качестве младшего члена семьи, поскольку при традиционном строе русской семьи власть родителя в отношении сына была исключительно велика. Браки заключались в раннем возрасте (в 15 лет и ранее), а потому в боярской семье появлялось несколько взрослых сыновей до того, как глава семьи достигал старости. Дети боярские не обязательно были безземельными. Они в любой момент могли получить долю в наследственной вотчине, пожалование от князя, могли, наконец, сами купить землю. Однако при наличии многих детей в боярских семьях и многократных разделах вотчин недостаточная обеспеченность земель стала самой характерной чертой для новой социальной группы.

Кризис московского служилого сословия явился одной из главных причин новгородских экспроприаций. Образувавшийся в Новгороде фонд государственных земель был использован Иваном III и его сыном Василием для обеспечения государственными имениями (поместьями) московских детей боярских, переселенных в Новгород. Помещик владел поместьем, пока нес службу в армии московского великого князя. Как только он переставал служить и не мог определить на службу сына, земля подлежала перераспределению. Поместье не должно было выходить «из службы».

Наделение детей боярских новгородскими поместьями заложило основу дворянского поместного ополчения и помогло преодолению кризиса старого боярства. Образование государственного поместного фонда оказало глубокое влияние на структуру высшего сословия. В литературе этот факт получил неодинаковую оценку. Отметив, что различия между вотчиной и поместьем были несущественными, а состав помещиков и вотчинников был близок, если не идентичен, В.Б. Кобрин предложил «пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса» и сделал вывод о том, что «историческое значение возникновения поместной системы состояло... не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении земель растущих старых феодальных семей». Такая интерпретация вступает в противоречие с фактами. Различия между вотчиной и поместьем носили принципиальный характер. Боярин владел вотчиной на праве частной собственности и был достаточно независим от монарха. Поместье было государственной собственностью, переданной во временное владение дворянину на условии обязательной службы. Прекращение службы вело к отчуждению поместья в казну. Среди новгородских помещиков было немало отпрысков «старых феодальных семей», но их реальное положение определялось не генеалогическими воспоминаниями, а малоземельем. Историческое значение поместной системы определялось тем, что с ее организацией в России утвердилась всеобъемлющая государственная собственность. Развитие государственной собственности трансформировало старое боярство периода раздробленности в военно-служилое сословие XVI в. Перестройка систе-

мы землевладения была вызвана не пресловутой «борьбой дворянства и боярства», а кризисом боярства, связанным с обнищанием его низших прослоек. Бояре и дворяне принадлежали к одному и тому же «чину» (формирующемуся сословию), но различия в положении крупных вотчинников и мелкопоместных детей боярских были огромны.

При завоевании Новгорода в 1478 г. Иван III конфисковал у новгородского архиепископа и монастырей лучшие земли и образовал из них великокняжеский домен. Получив Новгород в управление, Василий пошел по стопам отца и отнял у Софийского дома дополнительно 6000 обож. Удельный князь не стал присоединять эти земли к домену, а роздал их в поместье детям боярским.

Новгородская съезжая изба сохранила несколько ранних документов, подтверждавших пожалование детям боярским земель в Новгороде. Термин «поместье» впервые появляется в этих документах не ранее 1490 г. В октябре 1490 г. Иван III пожаловал сыну боярскому Тыртову небольшую новгородскую волостку «в поместье». Существенную роль в выработке норм поместного права и упорядочении системы поместного землевладения сыграла валовая опись новгородских пятин. В 1495 г. Иван III в последний раз посетил Новгород и тогда же отдал приказ о начале описи. После передачи Новгорода удельному князю Василию опись продолжалась и была завершена в 1505 г. В пределах указанного отрезка времени архаическая система новгородских «пожалований» и «кормлений» окончательно трансформировалась в поместную систему. Разработка норм поместного права явно отставала от практики. Даже писцы не всегда четко разграничивали поместья и кормления. Писцы Деревской

пятины отделили сыну боярскому Г. Сарыхозину деревни «в поместье и кормление».

Кормленщик получал кормление на год-два, редко на более длительный срок. Помещик получал поместье пожизненно, пока мог нести военную службу. Поместье передавалось по наследству сыну, если сын достигал 15 лет и мог продолжать службу. Располагая собственностью на поместную землю, государство неукоснительно взыскивало со всех поместных обож государеву подать. Помещик имел право на традиционный оброк. Государевы грамоты вменяли в обязанность заботиться в первую очередь об исправном взыскании с населения даней и подати. В случае неуплаты подати помещику грозила государева опала.

Существенное влияние на проведение поместной реформы оказали условия и потребности военного времени. Вывод всех землевладельцев из Новгорода означал ликвидацию старых вооруженных сил на территории Новгородской земли. Система обороны северо-западных рубежей России рухнула. 180 новых землевладельцев из московской знати не могли составить ядро нового ополчения, поскольку в большинстве своем продолжали нести службу в составе двора Московской земли. Правительство должно было осознать, что не сможет удержать завоеванный город, если не создаст себе прочную опору в лице новых землевладельцев. Немало детей боярских получили пожалования в Новгороде уже при Иване III. Однако те из них, кто не мог нести постоянную службу в новгородском ополчении, должны были расстаться с новгородскими «дачами». Вывод из Новгорода московской знати ускорил переселение на новгородские земли новых групп детей боярских из Московского княжества. В от-

личие от бояр дети боярские получали поместья меньших размеров. Однако доходы с них позволяли нести службу в тяжеловооруженной дворянской коннице.

Внимание исследователей давно привлекали пожалования поместий боярским холопам. Иван Грозный истреблял вместе с опальными боярами их вооруженные отряды. Иван III наделял новгородскими поместьями бывших послужильцев из распущенных боярских свит. Как это объяснить?

В XV в. государь зачислял в свой двор «слуг под дворским», которые в отличие от «слуг вольных» часто были боевыми холопами великого князя. В конце концов власти стали испомещать не только великокняжеских, но и некоторых боярских холопов.

В новейшей литературе можно встретить утверждение, что государство при Иване III развивалось по типу восточных деспотий. Европейский путь предполагал общественный договор, тогда как азиатские деспотии — путь принуждения и насилия. Полагают, что государство в конце XV в. принудительно ввело принцип обязательной службы с земли.

С этим трудно согласиться. Государство в XV в. не обладало мощью и средствами, достаточными для того, чтобы насильно навязать дворянству принцип обязательной службы. Великий князь не имел в своем распоряжении регулярной армии и полиции, системы тюрем и пр.

Татарский погром не затронул Новгородскую землю. Новгород длительное время находился под властью Киева, позднее Владимира. Батый разгромил Киев и Владимир. Возникли условия для независимого развития Новгородской вечевой республики. В Новгороде принцип общественного договора получил наиболее

полное воплощение. Новгород Великий заключал «ряд» (договор) с князем. Он правил землей вместе с выборными посадниками и вечем. В случае нарушения договора новгородцы указывали ему путь (прогоняли).

Конфискация колоссального фонда боярских земель Новгорода Великого дала перевес государственной собственности над вотчинной. На рубеже XV и XVI вв. казна сосредоточила в своих руках огромные земельные богатства, предназначенные для поместной раздачи. Но контингент претендовавших на поместья дворян и детей боярских был относительно невелик. При таких условиях сложилась практика обеспечения поместьями детей и внуков. Налицо был своего рода общественный договор, исключительно выгодный для служилого сословия. Казна взяла на себя обязанность наделять поместьями дворян и их потомков, достигших 15 лет, а дворяне обязались служить трону.

Норманны основали ряд европейских княжеств и королевств, включая Русь. Причислить эти государства к восточным деспотиям не представляется возможным. Русь с самого начала развивалась тем же путем, что и другие европейские государства.

В 1497 г. дьяки составили первый общерусский Судебник, в котором поместье и вотчина были упомянуты как главные категории светского землевладения.

Поместная система, вопреки Г. Вернадскому, не была организована по образцу турецких «титмаров». Опыт Османской империи едва ли имел какое-нибудь практическое значение для российского дворянства XV в.

Образование огромного фонда государственной земельной собственности оказало решающее влияние на формирование сословий в России. На Западе духовное сословие, стремившееся к автономии от светской власти,

консолидировалось ранее других сословий и стало своего рода моделью для них. В России дворянство опередило другие слои и группы, при этом зависимость от государственной власти стала его самой характерной чертой. Экспроприация высших слоев Новгорода позволила Москве сконцентрировать в своих руках огромные материальные ресурсы. Отобранные сначала у новгородских бояр, а затем у московской аристократии земли составили ядро государственного поместного фонда. Московская знать, присягнувшая на верность Дмитрию-внуку, должна была покинуть владения великого князя Новгородского Василия. Руководство Боярской думы поддержало великого князя, когда тот конфисковал родовые вотчины новгородских бояр. Но когда монарх стал отбирать новгородские владения у московской знати, дума воспротивилась его воле. Ответом были кровавые казни.

На протяжении нескольких веков вотчина оставалась ведущей формой землевладения на Руси. С образованием поместного фонда поместье — условная форма землевладения — стало господствовать.

Щедрая раздача поместных земель московским детям боярским принесла популярность Василию Ивановичу, что помогло ему добиться успеха в борьбе за трон. Со временем политика поместных раздач была распространена на всю территорию России. Эта политика окончательно сформировалась в период самостоятельного правления Василия III. Австрийский посол С. Герберштейн отметил, что Василий III не доверяет аристократии, но делает исключение для детей боярских, «т.е. знатных лиц с более скромным достатком; таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалование».

КОНЕЦ СВЕТА

В конце XV в. христианский мир жил в тревожном ожидании конца света. В раннем христианстве идея конца света и второго пришествия Христа на землю занимала особое место. Язычники, обращенные на путь истинный апостолом Павлом, ждали конца света со дня на день, из-за чего нередко бросали дела, не выдавали замуж дочерей. Павлу пришлось разъяснять своим последователям, что вопрос второго пришествия — дело отдаленного будущего. Идея второго пришествия отразилась в творениях многих христианских писателей. В Византии широкое распространение получила мысль о том, что мир, сотворенный в семь дней, погибнет в 7000 г., ибо сказано у апостолов, что «тысяча лет для Бога как день единый». Из византийской литературы эту мысль усвоили русские книжники. В последней трети XV в. духовенство и миряне повсеместно ждали надвигающегося конца света. Массу верующих охватила экзальтация: «ино о том молва была в людех не токмо простых, но и непростых многих сумнение бысть». В 1471 г. московский митрополит Филипп, упрекая новгородцев за переговоры с католическим

королем, писал: «А как до вас дошло, на конци последнего времени, как бы надобе душа своя человеку спасти в православьи, и вы, в то время все оставя, да за латинского господаря хотите закладываться». Убежденные в близком конце мира византийские, а вслед за ними и русские богословы не стали исчислять новый пасхальный круг (1408—1490 гг.), а ограничились составлением таблиц с 1408 по 1492 г.

Представления о конце света были туманными и неопределенными. Многие полагали, что сначала на земле воцарится Антихрист, умножатся беззакония и настанет «тьма в человецех» и лишь после этого надо ждать второго пришествия Христа. Существовали различные системы летосчисления, а потому называли различные даты конца света. Наибольшие страхи вызывал 7000 год от сотворения мира.

Геннадию пришлось вести долгий богословский спор с новгородскими еретиками, скептически относившимися к идее второго пришествия.

После расправы с еретиками в 1490 г. Геннадий обратился за разъяснениями к грекам Траханиотам и вскоре же получил от Дмитрия «Послание о летах седьмой тысячи». Ученый грек не разделял «заблуждений» еретиков, но все же тактично предупреждал архиепископа: «Никто не весть числа веку».

Траханиот полагал, что «век» обозначал не обязательно сто или тысячу лет, а имел скорее неопределенную временную протяженность. Предсказания древних отцов церкви, писал грек, надо понимать, следуя провиденциальному смыслу числа семь для судеб мира.

На Руси Пасхалии были составлены лишь до 7000 г. Отсутствие Пасхалий на следующие годы грозило церк-

ви осложнениями как теоретического, так и практического характера. В 1489—1491 гг. Юрий Траханиот дважды ездил в Италию и среди других вопросов обсуждал с итальянцами вопрос о составлении Пасхалий.

Благодаря посредничеству Ю. Траханиота Геннадий вступил в контакт с имперским послом, прибывшим на Русь в 1490 г., и получил от него подробную информацию о преследованиях тайных иудеев в Испании. Опыт только что организованной святейшей инквизиции привел владыку в восторг. Геннадий горячо хвалил католического «шпанского короля», который очистил свою землю от «ересей жидовских», и «хвала того шпанского короля пошла по многим землям по латинской вере».

С именем Геннадия связывают появление «западничества» на Руси (Ф. Лилиенфельд). Полагаем, что «западничество» как явление общественной мысли возникло много позже.

Особенности в воззрениях архиепископа Геннадия следует поставить в связь с идеями объединения восточной и западной церквей.

Для русского духовенства Византия была на протяжении веков источником мудрости и святости. Признание константинопольским патриархом верховенства папы поразило русских иерархов и обострило интерес к католическому Западу. Присутствие греков-униатов в Москве облегчило наметившийся поворот. Поглощенные спорами с еретиками, ортодоксы впервые увидели в католиках не врагов, но союзников. Появление при московском дворе влиятельных итальянских купцов, медиков, архитекторов довершило дело. Получает объяснение один из

интереснейших феноменов эпохи Ивана III — наметившийся поворот общества лицом к католическому Западу.

На Руси борьба с еретиками развернулась в XV в. на фоне ожидания близкого, неотвратимого конца света. Экзальтация, порожденная этим ожиданием, была полна мрачными предчувствиями и страхом. Крайняя жестокость, которую проявил Геннадий по отношению к еретикам, объяснялась как его личными качествами, так и тем умонастроением и эмоциональным состоянием, которое распространилось тогда по всей Европе.

Несколько лет Геннадий дискутировал со священником Алексеем и другими новгородскими вольнодумцами по поводу надвигающегося Страшного суда. Еретики опровергали ортодоксов, ссылаясь на расчеты еврейского ученого астролога Эммануила бар Якова. Архиепископу пришлось самому обратиться к сочинению бар Якова, и он немедленно обнаружил там иудейскую ересь. Среди вольнодумцев одни резко отзывались о церковных непорядках и симонии, другие пытались истолковать догмат Троицы, выражая сомнение в божественной природе Христа, что ортодоксы воспринимали как хулу на Богочеловека и Богородицу. За два года до грядущего светопреставления Геннадий обвинил всех вольнодумцев без разбора в «жидовстве» — принадлежности к тайной секте иудеев и потребовал для них смертной казни. Геннадий не раз обращался с письмами к главе церкви и своим единомышленникам в Москве, но верховный священнослужитель не спешил с розыском. Невзирая на старания владыки Геннадия, вольнодумство в Новгороде не было искоренено. Покровитель новгородских вольнодумцев дьяк Федор Курицын, не обращая внимания на проклятия

епископа, благоденствовал при великокняжеском дворе. Софийский дом был посрамлен, когда в 1499 г. московские вольнодумцы добились назначения своего единомышленника инока Касьяна на пост архимандрита Юрьева монастыря. Юрьевский архимандрит был старшим после архиепископа иерархом Новгородской земли. Назначение Касьяна в Новгород, вероятно, было связано с готовившейся конфискацией монастырских земель. Несколько лет спустя Касьян был сожжен за ересь.

В споре с еретиками и вольнодумцами Геннадий неизменно отстаивал мысль о надвигающемся конце света. Еретики же считали, что народ обратится к ним, когда увидит их правоту. Жизнь подтвердила их прогнозы. Семитысячный год прошел, а мир существовал, как и прежде. Геннадий тем не менее избежал посрамления в споре с новгородцами. Еретиков постигла суровая кара. Тот, кто уцелел, томился в тюрьмах. Впрочем, ожидания Страшного суда не прошли бесследно. Описывая смятение умов в те годы, Иосиф Санин сетовал на то, что православные продолжали искать ответ на одолевшие их сомнения у еретиков: «Ныне же и в домех, и на путех, и на торжущих иноци, и мирьстии, и вси сомняться, вси о вере пытаются, и не от пророков... но от ерестиков... и от проклятых на соборе от протопоповых (протопопа Алексея. — *Р.С.*)... учеников... и от самого того сатанина сосуда и дияволова митрополита (Зосимы. — *Р.С.*) не выходят...»

Разделавшись со своими критиками, Геннадий ввел в своей епархии ряд новшеств. По наблюдению А.И. Никитского, архиепископ в целях церковного освящения власти великих князей московских впервые вменил в обязанность новгородскому духовенству ежедневно молиться в своих храмах за государя, а кроме того, постарался

внушить новгородцам почтение к московским угодникам. В подтверждение своей мысли историк сослался на описание крестного хода в Новгороде. Описанию этой церемонии скупой на слова летописец посвятил много страниц. Во время первого шествия 8 декабря 1499 г. архиепископ, остановившись у Чудного креста, отслужил молебен московскому чудотворцу Петру, у Петровских ворот — митрополиту московскому Алексею. Программа богослужений не устроила новгородское духовенство. Самые видные члены местного собора — архимандрит Юрьевский, игумены Антониевский, Хутынский и многие другие — отказались участвовать в крестном ходе. Спустя неделю Геннадий вновь устроил шествие и на этот раз служил молебен не одним московским угодникам, но и местному святому Варлааму Хутынскому. На этот раз новгородские иерархи сочли возможным для себя участвовать в церемонии. Вслед за тем владыка «игуменов, и попов, и дьяконов по тому ж благословил и прочь отпустил и наказал им, чтобы Бога молили о государех великих князех... по вся дни каждо у своей церкви молебны пети».

Трудно поверить, что новгородское духовенство стало впервые молиться за московского государя через 20 лет после присоединения Новгорода. А.И. Никитский упустил из виду одну существенную деталь: Геннадий обязал новгородцев молиться «за государей». В этом и заключалось главное новшество. 30 мая 1499 г. архиепископ ездил в Псков и организовал там торжественное богослужение, предписав псковичам молиться за великого князя Василия. Но местное духовенство категорически отказалось выполнять его приказ, заявив, что у Пскова один великий князь — Иван Васильевич. Псковичи и новгород-

цы не могли понять, почему Иван III пожаловал сыну от второго брака титул великого князя Новгородского и Псковского, опасались, что подобные новшества окончательно порушат псковскую и новгородскую старину. Новгородцы негодовали на своего владыку также и за то, что тот старался заменить местных святых московскими чудотворцами. Геннадию удалось покончить с неповиновением новгородского собора лишь после того, как он отдал дань их местным святыням.

СОБОРНОЕ СУДИЛИЩЕ

С тех пор как борьба с ересью приобрела династический привкус, узел династических противоречий окончательно запутался. Ортодоксы, прежде несколько не сомневавшиеся в законности тверской ветви династии, испытывали растерянность и все чаще обращали взоры в сторону Софьи.

Геннадий тщетно добивался согласия Ивана III на расправу с еретиками. Великий князь не спешил с их арестом. Тогда московские сторонники Геннадия решили взять почин на себя. Во время службы в Архангельском соборе епископы изгнали из храма «еретика» попа Дениса, ссылаясь на грамоты новгородского архиепископа. В изгнании Дениса новый митрополит, как следует из текста приговора, не участвовал. Лишь наутро («в утрий день») епископы отправились на митрополичий двор и известили о своих шагах Зосиму и самодержца.

Иван III разрешил проведение собора «на еретиков» и «в свое место» прислал на собор бояр «князя Ивана Юрьевича Патрикесва, Юрья Захарича, Бориса Васильевича, дьяка своего Андрея Майка». И.Ю. Патрикеев воз-

главлял Боярскую думу. Вместе с братом Яковом Юрий Захарьин руководил разгромом Новгорода. Труднее установить личность Бориса Васильевича. Полагают, что то был Б.В. Кутузов.

Новгородский архиепископ Геннадий Гонзов наметил четкую схему суда над еретиками. Во-первых, он указал на то, что еретики имели одного вероучителя в лице некоего «жидовина», приехавшего в Новгород. Это замечание давало основание судить всех заподозренных как членов единой иудейской секты «жидовствующих». Во-вторых, архиепископ требовал расправы над всеми отступниками — московскими и новгородскими, при этом подчеркивал, что первые опаснее вторых, «ино Курицын — начальник тем всем злодеем». Однако Иван III и митрополит Зосима не допустили инициатора суда Геннадия на собор и постарались направить судебное разбирательство в новое русло.

Соборный приговор начинался словами проклятия новгородцам-еретикам и их «единомысленником, мудрствующим с вами». Таким образом, собор не использовал трафаретную формулу проклятия еретикам, «жидовская мудрствующим», вытекавшую из схемы Геннадия. Власти не позволили арестовать «начальника» всех злодеев — московского дьяка Ф. Курицына и других видных москвичей. Более того, они постарались придать разбирательству четко выраженную антиновгородскую направленность. Эта тенденция особенно заметна в поучении Зосимы «всему православному христьянству» по поводу ереси. Митрополит прямо назвал отступников «ересницами новгородскими», тогда как москвичи фигурировали в его поучении только как «московские свидетели» против еретиков. Для Зосимы главное значение имели два обвине-

ния против новгородцев: они хулили Христа и не почитали московских чудотворцев Петра и Алексея, как и ростовского святого Леонтия.

Иван III не допустил гонений на Курицына не потому, что питал к еретикам особую симпатию. Он не желал допустить, чтобы суд бросил тень на членов династии. Иван III сам явился на собор в митрополичьи палаты, велел привести «свидетелей московских» и приказал «чести новгородские списки» и грамоты Геннадия о ересьях, что «они чинили в Новгороде». Такая установка привела к тому, что вопрос о московских еретиках отпал сам собой. Следуя воле государя, судьи выдвинули на роль главного обвиняемого не новгородских священников из кремлевских соборов, тесно связанных с Курицыным, а псковского монаха Захария. Это обстоятельство разрушило намерение Геннадия представить всех еретиков членами секты «жидовствующих». Геннадий обвинял Захария не в «жидовстве», а в стригольничестве. Стригольническая ересь процветала в Новгороде и Пскове с XIV в., и ее главное отличие заключалось в отрицании церковной иерархии, осуждении поставления святителей «по мзде», критике обрядов и некоторых догматов православной веры. Судя по обвинениям, Захарий исповедовал стригольническую ересь крайнего направления, заявившую о себе в начале XV в. Сторонники этого направления критически воспринимали некоторые положения Евангелия, выражали сомнения в божественной природе Христа. Критическое обсуждение догмата о рождении Богочеловека от Девы Марии воспринималось ортодоксами как хула также и на Богоматерь.

Суд предъявил суммарное обвинение всем еретикам без уточнения вины каждого в отдельности. Нетрудно за-

метить, что подавляющая часть этих обвинений касалась богохульств, совершенных в Новгородской земле и описанных Геннадием по большей части без указания на имена виновных. Еретики, утверждали судьи, «ругались» образу Христа, писанному на иконах, иконы «щепляли и огнем сжигали», «о землю били и грязь на них метали» или «в лоханю метали», крест «зубами искуса́ли» и пр. Непочтение к иконам имело, по-видимому, то же происхождение, что и непочтение к московским чудотворцам. Массовые выселения из Новгорода не затронули духовное сословие и простонародье. В этой среде по-прежнему почитали своих святых, свои предметы культа. Московские пришельцы явились в Новгород со своей святыней, против которой новгородцы сохранили прочное предубеждение.

Соборный приговор четко отразил две тенденции. Митрополит, сам подозреваемый в ереси, не смел оспаривать фанатиков, но старался представить ересь как сугубо новгородское явление. Епископы из числа единомышленников Геннадия пытались дать ереси иное толкование. Им не удалось провести мысль о принятии еретиками иудейского вероучения («мудрствований»), но в приговор все же были включены пункты о том, что еретики «все есте чли субботу паче въскресенью Христову и его святому възнесению не веруют», что давало повод для заключения: «ино все то чинили есте по обычаю жидовскому и за те ваша злыя жидовьскиа дела» вы, еретики, достойны отлучения от церкви. Различие между «жидовским мудрствованием» и «жидовскими делами» и «обычаями», по-видимому, имело существенное значение в устах искушенных догматиков.

На суде многое зависело от митрополита. Следуя своему плану, Зосима при допросе Захария поставил ему четкий вопрос: почему «не велиши ся кланяти иконам святым?» Глава церкви очевидным образом намеревался свести дело к вопросу об иконах. Однако Захарий не соби-рался отказываться от более общего богословского дис-пута и стал отстаивать взгляды, которые ужаснули московский собор. Члены собора пришли к мысли, что псковский чернец похулил Христа с Богоматерью, мос-ковских святых и «всю семьь соборов святых отец». Бояре и епископы были ознакомлены с высказываниями Захария против симонии (в изложении Геннадия). По существу, псковский чернец выразил сомнения в закон-ности церковной иерархии. Прежде, заявлял вольноду-мец, московский митрополит за поставление давал день-ги патриарху в Царьграде, «а ныне, ден, он боярам посу-лы дает тайно...». Обвинения подобного рода задевали лично Зосиму и присутствовавших на суде бояр. Это окон-чательно погубило Захария.

Новгородские священники поначалу решительно и смело отстаивали свою принадлежность к ортодоксаль-ной православной церкви. Но затем угроза расправы вызвала у них растерянность. Один из главных вольнодум-цев, кремлевский поп «Денисьище», подал собору покаян-ную грамоту. Еретик отклонил обвинение в «жидовстве», но поклялся в том, что сбился с пути истинного «невоз-держанием языка». Новгородское вольнодумство — «не-воздержание языка» — в глазах московских ортодоксов выглядело как худшая ересь. Богослов Г. Флоровский писал: «Всего вернее, что еретического сообщества и во-обще не было. Были известные настроения, именно ша-тание умов, вольнодумство».

Руководствуясь церковными правилами, собор объявил, что впавших в ересь достойно бросить в тюрьму и предать конечной муке». Предложения сторонников Геннадия о смертной казни были все же отклонены. Собор объявил о лишении виновных попов священнического сана и отлучении их от церкви.

Участь вольнодумцев была незавидна. С Захария содрали иноческое платье и выдали еретика Нифонту, «а Дениса-попа поточиша в Галич». Содержали их в таких нечеловеческих условиях, что Денис лишился рассудка, заблеял козлом и умер после месячного заточения. Протопопа Софийского собора Гавриила, дьяка Гридю и других новгородцев отослали к Геннадию. В Новгороде еретиков обрядили в шутовские наряды и, посадив на лошадей лицом к хвосту, возили по всему городу. На берестяных остроконечных шапках, украшавших их головы, красовалась надпись: «Се есть сатанино воинство». Казнь завершилась сожжением берестяных шлемов на голове у осужденных.

Казни в Новгороде кратко и точно описаны в Новгородской летописи: в 6999 г. (в конце 1490 г.) «Геннадий владыка одних велел жечи на Духовском поле, иных торговые казни предали, а иных в заточение посла, а иные в Литву збежали, а иные в Немцы».

МОСКОВСКИЕ ЕРЕТИКИ

Объясняя возникновение еретического движения в России, историки писали, что изучаемое время характеризовалось обострением классовой борьбы, выразившейся «особенно в реформационно-гуманистическом движении конца XV — начала XVI века».

Верно ли, что «новгородская ересь конца XV века была по своему характеру революционной оппозицией феодализму» (Я.С. Лурье)? Этот вывод подкреплялся рядом соображений, и в частности наблюдениями за социальным составом еретиков: движение возглавляли рядовые священники Алексей, Денис и другие представители плебейской части духовенства, тесно связанные с новгородским плебсом.

С такой оценкой трудно согласиться.

Алексей и Денис занимали ответственные должности в главных кремлевских соборах. Нет никаких данных о том, что до своих новых московских назначений они были связаны с новгородским плебсом. Затруднительно отнести к плебейской части духовенства Гавриила — протопопа Софийского собора в Новгороде или Захария из псков-

ского монастыря. Помимо Алексея, Дениса и Гавриила, Иосиф Волоцкий называет в числе главных еретиков Григория Тучина, «его же отец бяше в Новгороде велику власть имеа». Сын новгородского посадника Тучин принадлежал к верхам новгородского боярства.

Новгородскую ересь рассматривают обычно как явление, возникшее исключительно на русской почве. Но налицо были и зарубежные влияния. Знакомство с опытом испанской инквизиции позволило Геннадию сформулировать обвинения против новгородских вольнодумцев. Книжники Софийского дома использовали католические трактаты для обоснования гонений на «жидовствующих». Дьяк Дмитрий Герасимов в 1501 г. завершил перевод с латинского антииудейского трактата де Лиры, а к 1504 г. — аналогичного сочинения Самуила Евреина.

В Москве ересь возникла как под влиянием новгородских еретиков, так и вследствие более тесного общения с Западом. По мнению одних историков, московский кружок еретиков был связан с феодальной знатью и играл реакционную роль. Другие исследователи считают, что столичный кружок отражал идеологию передовых слоев дворянства.

Оценка взглядов новгородских и московских еретиков затруднена тем, что судить о них приходится преимущественно на основании сочинений их гонителей, в словах которых трудно отличить клевету от истины. Последователь Геннадия Иосиф Санин старался представить еретиков членами секты единомышленников. На самом деле на процессах 1488—1490 гг. судили людей, придерживавшихся различных взглядов. Общее обвинение в ереси служило скорее всего лишь средством расправы с ними.

Московский кружок еретиков отличался по своему составу от новгородского. Но едва ли можно согласиться с тем, что первый в отличие от второго был светским. В перечне главных новгородских еретиков, составленном И. Саниным, по крайней мере треть — светские лица. Среди них боярин Г. Тучин, Гридя Ключь, Лаврет, Мишук Собака, Юрка Долгова, Евдоким Люлиш, Самсонка, Васюк Сухой. В свою очередь, весьма видную роль в московском кружке еретиков играли протопоп Алексей и поп Денис, перебравшиеся из Новгорода в столицу. По словам Санина, к числу еретиков принадлежал новый глава церкви Зосима.

Среди святителей XV в. Зосима был одной из колоритнейших фигур. Он выступил как провозвестник нарождавшегося самодержавия. В «Изложении Пасхалии», написанном после собора 1490 г., Зосима сравнивал самодержца Ивана III с другим столпом православия — византийским императором Константином и обосновывал мысль о том, что Москва превратилась во второй Константинополь — «новый Иерусалим». Прославил Бог царя Константина, писал Зосима, а теперь «сродника его, иже в православии просиявшего, благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константину (Константинополю. — Р.С.) — Москве...». Сочинение Зосимы вскоре было переработано в Троице-Сергиевом монастыре. В переработанном варианте Москву сравнивали с «новым Римом». Со временем эта идея легла в основу теории «Москва — третий Рим».

В Новгороде в ереси были обвинены лица промосковской ориентации. В Москве вольнодумцы и еретики выступали как апологеты грядущего самодержавия. Готовя

суд над еретиками, Геннадий представил собору «пыточные речи», компрометировавшие дьяка Курицына и других москвичей. Зосима не допустил суда над дьяком и другими московскими еретиками, за что вскоре сам подвергся подлинной травле.

Нифонт, епископ Суздальский, занял самую неприемлимую позицию по отношению к еретикам. Именно поэтому собор 1490 г. постановил послать в заточение к нему главного еретика Захария. После собора Иосиф Санин обратился к своему единомышленнику Нифонту с крайне резким обличительным посланием, направленным против Зосимы. Монастырь Санина находился в Волоколамске, на территории удельного княжества, и был подведомствен новгородскому владыке Геннадию. Поэтому Иосиф не опасался кары со стороны митрополита. Послание Иосифа показывает, что разногласия в церковном руководстве достигли после собора неслыханной остроты. Иосиф без обиняков объявил Нифонту, что ныне на московском святом престоле сидит «злобесный волк», «первый отступник в святителях в нашей земли», «иже сына Божия попра и пречистую Богородицу похули... и икону Господа нашего Иисуса Христа и пречистыя его матери... болваны нарицаю... и всех Святых писания отмеще: Нет, деи, втораго пришествия Христова, нет, деи, царства небеснаго святым! Умер, деи, ин, что умер, — по та места и был».

Суд над новгородскими еретиками скомпрометировал некоторых кремлевских священников, близких к митрополиту. Ревнители православия требовали жестокого наказания для всех, кто служит с еретиками в церкви, пьет и ест с ними. Митрополит Зосима пренебрег их угрозами. Алексей умер до соборного суда. После его смерти

Зосима приютил на митрополичьем дворе детей протопопа и его зятя Ивашку Максимова — сына еретика Максима. Зосима отказался предать суду влиятельных московских еретиков — дьяка Федора Курицына и др. В такой ситуации Иосиф Санин при поддержке владык Геннадия и Нифонта повел с митрополитом борьбу не на жизнь, а на смерть. Если бы Зосима обладал решительным характером, он мог бы подвергнуть гонениям всех своих противников, сместить епископов. Но в какой-то момент он, по-видимому, лишился поддержки Ивана III и был сведен с престола. В официальных грамотах Геннадий связывал отставку митрополита с его немощью. Но новгородский летописец, близкий к новгородскому Софийскому дому, заметил, что уход Зосимы не был добровольным и сопровождался скандалом: «Зосима остави митрополию не своею волею, но непомерно пития держашеся и о церкви Божьей не радяше».

В 1504 г. в Москве был созван священный собор, осудивший вольнодумцев на смерть. В Москве запылали костры. Сожжению подверглись брат Федора Курицына дьяк Иван Волк Курицын и несколько других лиц. В Новгороде были сожжены архимандрит Юрьева монастыря Касьян с братом, помещик Н. Рукавов и другие.

МОНАСТЫРИ

В XIV—XV вв. монастыри в России переживали расцвет. В центре и на окраинах появились сотни новых обителей. Одни из них превратились в крупных землевладельцев, другие существовали в виде скитов и крохотных лесных пúстыней. В пúстынях иноки жили трудами своих рук и вели аскетический образ жизни. В богатых монастырях жизнь братии претерпéла разительные перемены. Монахи вели торговлю, а полученные деньги тратили на приобретение недвижимости. Быстрому обогащению монастырей способствовали пожертвования богомольцев. Вера в загробную жизнь была одним из главных устоев христианской религии. Православная церковь культивировала особый взгляд на необходимость устройства души умершего на том свете. Набожный человек Древней Руси, по меткому замечанию историка В.О. Ключевского, недостаточно вдумчиво и осторожно постиг смысл молитвы за усопших. Всяк мог сподобиться вечного блаженства через посмертную молитву, а чтобы обеспечить себе такую молитву, следовало не скупиться на щедрые пожертвования в пользу монастыря. Таким образом грешник как

бы покупал себе богомольцев на веки вечные. На помин души жертвовали церковные вещи — книги, сосуды, колокола, а также хлеб, скот, платье, наконец, недвижимость, считавшуюся самым надежным залогом. Состоятельные люди усвоили своеобразный взгляд на грех и покаяние. Любой грех они надеялись после кончины замолить чужой молитвой.

Князья на старости лет щедро наделяли монастыри селами, выдавали им жалованные грамоты. Их примеру следовали другие богатые землевладельцы, из поколения в поколение поддерживавшие тесные отношения с семейными монастырями. Для устройства души усопшего наследники при разделе имущества выделяли обязательную долю в пользу монастыря, что получило отражение в нормах наследственного права. Монахи назначали все более крупные суммы за внесение имени умершего в монастырские поминальные книги — синодики. Пожертвования сопровождались учреждением «корма» в пользу всей молящейся братии — в день ангела и в день кончины вкладчика. «Корм» включал изысканную по тем временам пищу: пшеничный хлеб вместо ржаных лепешек, медвяный квас вместо простого братского.

Монахи, удалившиеся от мира во имя духовного подвига, стали вести жизнь, далекую от идеалов иноческой подвижнической жизни. Вместо того чтобы кормиться «рукоделием», они предавались стяжанию.

Упадок благочестия в монастырях вызвал тревогу в церковных кругах. Нил Сорский развивал идеи аскетизма. Иосиф Санин отстаивал монастырские богатства, а спасение видел в умножении строгостей. Он неустанно хлопотал о привлечении в монастырь богатых вкладчи-

ков. Среди постриженников обители скоро появились бояре (вотчинники), отпрыски княжеских фамилий.

Монастырские владения быстро расширялись, казна пополнялась пожертвованиями. В течение семи лет Иосиф истратил 1000 руб. на строительство каменного храма. Эта сумма была по тем временам неслыханной.

Волоцкий монастырь по составу был аристократичнее других обителей. Однако преувеличивать значение этого факта не следует. В России XV в. господство боярства давало о себе знать не только в области политики, но и в духовной сфере. В среде заволжских старцев члены знатнейших фамилий играли не менее заметную роль, чем в Волоцком монастыре. Самыми известными учениками Нила Сорского были князь инок Вассиан Патрикеев — сын опального правителя государства и старец Дионисий из князей Звенигородских. Он был прислан в Нилову пустынь Иосифом Саниным.

Переступая порог обители, князья расставались со своими мирскими богатствами. По словам Саввы Черного, братия Волоцкого монастыря «все в лычиных обуцах (лаптях — *Р.С.*) и в плаченных (заплатанных. — *Р.С.*) ризах, аще от вельмож кто, от князей или от бояр...».

Делая некоторые послабления боярам, Иосиф лично для себя исключал какие бы то ни было льготы. Волоцкий монастырь давно стал одним из богатейших землевладельцев страны, а его глава продолжал ходить в старых одеждах, «худых и плаченных», порванных едва ли не в годы странствий по России. Современники составили живые описания дней и трудов Санина. Одно из них В.О. Ключевский воспроизвел в следующей зарисовке: «При устройении монастыря, когда у него не было еще мельницы, хлеб мололи ручными жерновами. Этим делом

после заутрени усердно занимался сам Иосиф. Один пришлый монах, раз застав игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнул: “Что ты делаешь, отче!пусти меня” — и стал на его место. На другой день он опять на-шел Иосифа за жерновами и опять заменил его. Так по-вторялось много дней. Наконец монах покинул обитель со словами: “Не перемолоть мне этого игумена”».

Неустанно заботясь о пополнении монастырской казны, Санин поднял цену поминания души усопших, поставив ее в зависимость от «чина» богомольца. Вдова-княгиня просила у него разъяснений по поводу затребованной суммы, которая даже ей оказалась не по карману. Отвечая ей, Санин писал: «Надобно церковные вещи стро-ити, святые иконы, и святые сосуды, и книги, и ризы, и братство кормити... и нищим, и странным, и мимоходя-щим давати и кормити».

Волоцкий монастырь действительно тратил крупные средства на благотворительность. В голодные годы мона-стырские власти кормили сотни голодающих крестьян, со-биравшихся со всей округи. В критических обстоятель-ствах Санин использовал весь свой авторитет, чтобы от-вести беду. Свидетельством тому является его письмо к соседнему удельному князю. По случаю неурожая и го-лода игумен советовал князю установить твердую цену на хлеб, чтобы спасти жизнь голодающим. Санин управ-лял монастырем совершенно так же, как рачительный вотчинник. Он понимал, что разоренный крестьянин — плохой плательщик оброка, и не скупился на ссуды и «подмоги». Крестьянин, лишившийся лошади, всегда знал, что игумен выдаст ему «подмогу» из монастырской казны, даст «цену» лошади или коровы, косы или другой пропавшей вещи.

Сохранилось несколько писем Иосифа к окрестным землевладельцам. Одного боярина, у которого холопы «гладом тают и наготою стражают», игумен убеждал заботиться и миловать подданных; в противном случае — как разоренный землевладелец даст дань, как будет кормить свою семью? Главный аргумент Санина — ссылка на суд Божий: за свою вину «сицевые властители имеют мучимы быти в веки». Отстаивая неприкосновенность монастырских богатств, Иосиф указывал на то, что иноки наилучшим образом могут распорядиться ими.

Ученик и племянник Иосифа Досифей живо описал привычки и характерную внешность Иосифа Санина. Человек среднего роста, Иосиф был красив лицом, имел темно-русые волосы и носил небольшую округлую бородку. Он любил петь и читать в церкви, обладал чистым и сильным голосом, знал наизусть Священное Писание, был приветлив в общении и сострадателен к слабым.

Широкая благотворительность Санина, помощь нищим и страждущим подтверждают такую характеристику. Однако человечность волоцкого игумена направлена была лишь на своих. К людям, зачисленным в разряд врагов Христовых, он относился без снисхождения, с крайней жестокостью. В своем труде «Просветитель» Санин развил тезис «о прехищрении и коварстве Божьем». Понятие «коварство Божие» русские теологи толковали как мудрость Господа.

«А еже разумети закон — помышления есть блага, — значилось в Геннадиевской Библии 1499 г., — сим бо коварством много поживеши лет». Указание на хитрость и коварство в устах Иосифа имело особый колорит. Коварству и хитрости злых сил должны быть противопоставлены мудрое «преухищрение» и пронизательное «ковар-

ство» божественной силы — таков смысл слов Санина. Волоцкий игумен отвергал мысль о том, что вольнодумцы стремились соединить православие с поисками истины, с полученными человечеством новыми знаниями. В глазах Санина для уничтожения зла вольнодумства пригодны любые средства, оправданна любая жестокость. «Цель оправдывает средства» — этот принцип лежит в основе всех процессов над еретиками. Лишь с помощью «преухищрения» и «коварства» Геннадию и Иосифу удалось доказать принадлежность православных вольнодумцев к иудаизму («жидовству»). Сжечь их без такой лжи было невозможно.

Заволжские старцы Паисий Ярославов и Нил Сорский относились к еретикам не менее отрицательно, чем Геннадий и Иосиф Санин. В 1489 г. архиепископ Геннадий просил бывшего ростовского архиепископа Иоасафа, жившего на покое в Ферапонтове монастыре, вызвать из скитов Паисия и Нила, чтобы держать с ними совет по поводу еретических высказываний попа Алексея. Ортодоксальность заволжских старцев не вызывала сомнений, но воззрения Нила отличались от взглядов Иосифа. Нилу было чуждо начетничество, столь характерное для осифлян. «Писания многая, — учил Нил, — но не вся божественна». Такой подход давал последователям Нила возможность общения с вольнодумцами, которых осифляне без разбору причисляли к «жидовствующим» и еретикам.

В Кирилло-Белозерском монастыре сохранилась рукопись с житиями святых, исправленными Нилом. «Писах с разных списков, — пояснял смысл своего труда Сорский, — тщася обрести правды и обретох в списках о нех много неисправленна и, елика возможно моему худому разуму, сия исправлях». Труд Нила вызвал у Иосифа

серьезные сомнения богословского порядка. Волоцкий игумен высказал их с характерной для него резкостью. Если Нил вычеркнул из «Житий» некоторые чудеса, не внушавшие ему доверия, следовательно, утверждал Саннин, он не верил в чудотворцев. Его слова заключали в себе серьезное обвинение. Они вызвали не менее резкую отповедь со стороны учеников Нила. Отвергая слова Иосифа как клевету и поклеп, старец Вассиан Патрикеев якобы сказал: «Сне, Иосифе, лжеши!»

В свое время Саннин покинул семейный монастырь Ивана III в Боровске и укрылся в Волоцком княжестве. Семья удельного князя осыпала Волоколамский монастырь милостями, жаловала села и деревни. Но в конце концов Иосиф покинул удел. Оправдывая свое решение, Иосиф Саннин перечислил множество обид, причиненных князем монастырю. Однако жалобы игумена отличались тенденциозностью. Князь Федор пировал в обители и получал дары от старцев, что было в порядке вещей. Он брал займы деньги из монастырской казны и не возвращал их. Когда Иосиф прислал к князю чернеца Герасима Черного с просьбой вернуть деньги, тот хотел старца «кнутием бити, а денег не дал». Иосиф утверждал, будто удельный князь сам решил его «из монастыря изгнати, а братию... старцев добрых хотел кнутием бити». Можно предположить, что князь Федор решил изгнать Саннина с территории удела, когда узнал о его решении перейти в подданство великого князя вместе с пожалованными ему в уделе вотчинами. В результате действий волоцкого князя, утверждал Саннин, «ныне на Волоцке пустых дворов двести да семьдесят». Игумен забыл упомянуть о страшном море 1505 г. Бедствие, а не разбой удельного князя, по-видимому, опустошили волоцкие вотчины.

Волоцкий монастырь отражал особенности личности его основателя. Усилия руководителей были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под несусыпным наблюдением игумена и старательно следили друг за другом. В волоцкой обители «монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря». Куда бы ни забросила судьба питомцев монастыря — осифлян, они неизменно поддерживали друг друга, старались занять высокие посты в церковной иерархии. Из осифлян вышли два известных митрополита — Даниил и Макарий, управлявшие русской церковью в XVI в.

Ученики Иосифа усвоили и довели до крайних пределов такую черту своего учителя, как начетничество. «Всем страстям мати — мнение; мнение — второе падение» — так формулировал свое кредо один из учеников Санина. Отсутствующую мысль — «мнение» осифляне компенсировали цитатами, которые всегда имели «на кончике языка». Искусство начетчика сводилось к тому, чтобы нанизать длинную цепь выписок из Священного Писания. Суть христианства такие люди видели не в знании и размышлении, а в устройстве жизни в соответствии с догматически истолкованными священными текстами.

Волоцкий удел испокон веку подчинялся в церковном отношении новгородскому архиепископству. Более 30 лет Новгород находился под московским владычеством, но за эти годы он так и не избавился от репутации крамольного города. До поставления на архиепископство Геннадий был ближайшим доверенным лицом Ивана III. Оказав-

шись в Новгороде, он кончил тем, что порвал с государем. После ареста Геннадия самодержец воспретил священному собору провести выборы архиепископа. Новгородская кафедра пустовала полтора года. Лишь после смерти Ивана III великий князь Василий III в 1506 г. разрешил определить в Новгород нового владыку. Им стал Серапион, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря. Но Серапион не сразу принял его предложение. Несколько лет спустя владыка со свойственной ему прямоотой заявил Василию III: «Я тебе не бил челом: послал ты меня сильно в Новгород».

Серапион не избежал участи своего предшественника. Он управлял Софийским домом всего три года, после чего был взят под стражу, предан анафеме и заточен для покаяния в Андроников монастырь. Причиной расправы явилось столкновение Серапиона с Иосифом Волоцким. Василий III четко выразил свою волю, приняв Иосифо-Волоколамский монастырь под свою власть. Архиепископ тщетно пытался отстаивать старицу и закон. Монарх не терпел возражений. Когда Серапион собрался ехать в Москву, чтобы защитить себя, Василий III велел отобрать у него детей боярских и коней. Владыка не побоялся наложить проклятие на Санина, объявив: «Что еси отдал свой монастырь в великое государство, ино то еси отступил от (царя. — *Р.С.*) небесного, а пришел к земному».

Санин использовал промах владыки и внушил государю, будто Серапион сравнил удельного князя с небом, а великого — с землей. Донос обсуждался на соборе 1509 г. Серапион лишился сана, попал в заключение и лишь через три года был отпущен в Троице-Сергиев монастырь.

Конфликт с Серапионом побудил Иосифа Санина сформулировать новый взгляд на предназначение царской

власти в России. Следуя изречению Агапита, игумен провозгласил, что властью своей государь подобен «вышнему Богу». Государя русского, доказывал Санин, сам «Господь Бог устроил вседержитель во свое место и посадил на царском престоле... и всего православного христьянства, всяя Руския земля власть и попечение вручил ему».

Не только тесный союз с государством, но и подчинение церкви великокняжеской власти — такой вывод с неизбежностью вытекал из разработанной Иосифом теории происхождения московского самодержавия.

НЕСТЯЖАТЕЛИ

Взгляды Нила Сорского на монашеское житие были противоположны взглядам Иосифа. Нил сетовал на пагубность церковных богатств. Он писал: «Очисти келью твою, и скудость вещей научит тя воздержанию. Возлюбь нищету». В нищете Нил видел путь к достижению идеала духовной жизни — даже священные драгоценности не должны быть предметом вождения: «Сосуды златы и серебряны и самыя священныя не подобает имети».

Нил считал, что число жителей скита не должно превышать двух-трех человек. Но удержать свою пустынь в указанных пределах не мог. Поселение расширялось и благоустраивалось. Его обитатели устроили на Сорке небольшую мельницу, а рядом несколько земляных насыпей. На одной из них они соорудили церковку, на других — кельи. Каждая из келий находилась на расстоянии брошенного камня от храма и друг от друга. Кроме праздников, монахи собирались в церкви только по субботам и воскресеньям, а в остальное время молились каждый в своей келье. Нил носил грубую власяницу. Перед смертью он составил завещание, которое поражает пренебре-

жением к суетной славе мира и проникновенностью. «Повергните тело мое в пустыне, — наказывал перед смертью старец ученикам, — да изъядят е зверие и птица; понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения. Мне потщания елико по силе моей, чтобы бысть не сподоблен чести и славы века сего никоторыя, яко в житии сем, тако и по смерти. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощения прошу от вас и от мене прощение, Бог да простит всех».

Некогда Сергей Радонежский ввел в Троице общинничество и стал учить монахов жить «нестяжательно», своим трудом. Принцип «нестяжания» вел к упразднению индивидуального имущества монахов, но не означал уничтожения коллективной собственности обители.

Превращение «общежительных» монастырей в крупных земельных собственников неизбежно изменило всю ситуацию. Иосиф Волоцкий, следуя традиции, включил в монастырский устав монашеский обет нестяжания: «Хотяй сподобитися божественныя благодати в нынешнем веце и в будущем, должен есть имети совершенное нестяжание и христолюбивую нищету». Тот же самый принцип исповедовал Нил. Но жизнь Ниловой пустыни все же несколько не походила на жизнь Волоцкого монастыря. Заволжские старцы жили в уединении небольшими поселениями. Члены скитов не могли быть владельцами сел и деревень, собирать оброки и вести торговлю.

Совсем иной была практика богатых монастырей, обитатели которых погружались в мирские хлопоты и заботы. Иноки, учил Иосиф Санин, должны все иметь общее, иначе это будет не общее житие, «но разбойническаа съборища и святокрадения». «Пища и житие» полагались всем одинаковые. «Тайноядение» из особого котла строго

осуждалось. Но жизнь брала свое, и Санину, чтобы удержать в монастыре богатых постриженников и приумножить богатства обители, приходилось отступать от принципов на каждом шагу. Не желая отталкивать «первых людей», игумен разрешил им иметь в личной собственности «книги и всякие разные вещи и сребренции», творить куплю и продажу, получать отдельную пищу. Сам Иосиф в часы, свободные от молитв, усердно занимался «рукоделием»; в пище и питье был воздержан, ел раз в день или же через день, выше всего ставил дисциплину и порядок.

Споры о сущности и времени возникновения нестяжательства не прекращаются по сей день. В определенной мере они вызваны многозначностью самого понятия «нестяжательство» и тем, что осифляне отстаивали принцип нестяжания не менее страстно, чем Нил и его ученики. По наблюдению историков, идея нестяжательства имела несколько значений: 1) общехристианская добродетель, основанная на евангельских принципах; 2) одна из трех монашеских норм (нестяжание, послушание, целомудрие); 3) критика экономических порядков в монастырях, прежде всего практики владения селами, представление о лучшем типе монастырского устройства; 4) требование секуляризации монастырской земельной собственности.

Главное различие двух течений заключалось не в самом принципе, а в определении сферы его применения. Нил отрицал стяжание не только применительно к каждому в отдельности монаху, но и к обители в целом. Восприняв византийские идеи исихазма, заволжское движение, по замечанию Г. Флоровского, было больше всего исканием безмолвия и тишины, уходом из мира к правде

внутреннего духовного «делания», что вело к преодолению мирских пристрастий, но также и к забвению нужд и потребностей мира. Иосиф Волоцкий выступал как поборник другого религиозного идеала. В монашеской жизни он ясно видел ее социальное предназначение. Решительно отвергая стяжание как средство личного обогащения, Санин отстаивал собственность и богатства монастырской общины, рассматривая их как средство благотворительности в первую очередь. «Села» следовало принимать от богатых, чтобы благотворить нищим и бедным. С точки зрения развития духовных начал «заволжское движение» имело, по мнению Г. Флоровского, большее значение, так как именно в нем воплотилась «процесс духовного и нравственного сложения христианской личности».

Возникновению нестяжательства предшествовали драматические события. Отчуждение вотчин у новгородского Софийского дома казалось современникам вполне оправданным. К тому же эта мера была проведена с согласия боярского правительства Новгорода. Труднее было объяснить посягательства православного государя на богатства церкви через 20 лет после того, как в Новгороде водворилась московская светская и церковная администрация. Присланный из Москвы архиепископ Геннадий решительно возражал против конфискаций. При нем в Софийском доме был составлен синодик, грозивший церковным проклятием всем «начальствующим», кто обижает святые Божии церкви и монастыри и отнимает у них «данные тем села и винограды». В Новгороде появился ученый трактат «Събрание от Божественнаго писания от Ветхаго и Новаго на лихоимцев», в котором грабителями

(«лихоимцами») назывались все, кто покушался на церковные имущества. Примерно в 1497 г. этот трактат подвергся переработке и получил новое название «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные... соборные церкви вступаются». В текст «Слова» было включено обращение «убогого» сочинителя к покровителю — «архиепископу достойнейшему», «крепчайшему» гонителю «на враги церковные и еретики», «превосходящему всех своими добродетелями в сей пресветлой Руской стране».

«Достойнейшим» архиепископом был, по-видимому, Геннадий, а автором ученый католический монах Вениамин. Автор сочинения доказывал, что христианская церковь владеет земельными богатствами на законном основании, свидетельством чему была грамота императора Константина Великого («Константинов дар») папе римскому с подтверждениями императорами Карлом Великим и «Отто первым». Впоследствии ссылка на «Константинов дар» приобрела традиционный характер в православной богословской литературе.

Архиепископ Геннадий был несравненно более авторитетным и влиятельным человеком, чем игумен небольшого удельного монастыря Иосиф Санин. Именно он вместе с монахом Вениамином стоял у истоков осифлянства. Вениамин звал противиться «нашего времени начальникам», если те посягают на владения «начальников церкви», ибо «больши достоин повиноватися власти духовной, неже мирьской».

Новгород не случайно стал колыбелью осифлянства. Новое течение возникло как реакция на действия **Ивана III**, грозившие окончательно разорить богатейшую и самую древнюю из всех русских епархий.

СОБОР 1503 г.

Чем значительнее событие в глазах современников, тем больше вероятность того, что оно отразится в исторических источниках. На рубеже XV и XVI вв. Москва погрузилась в споры об укладе монашеской жизни.

Иван III не только участвовал в споре, но и оказался в центре его. Благодаря обилию источников мы имеем редкую возможность проникнуть в его умственную лабораторию, уловить настроения, в подробностях исследовать взаимоотношения светской и духовной власти. Особо важны материалы собора 1503 г.

Собор начал свою деятельность с того, что 1 сентября 1503 г. утвердил два приговора. После доклада государю иерархии, «того себе обыскав» (изучив дело), «уложили» вдовым попам не служить. Приговор не выходил за рамки церковной рутины. Ради поддержания нравственности вдовым попам запрещалось служить. При этом собор ссылался на бесчинства вдовцов, державших наложниц. Приговор запретил проживание монахов и монахинь в одном монастыре и пр. Инициатива первого приговора

исходила от митрополита и иерархов, второго приговора, по-видимому, от Ивана III.

Государь и его сын, «ноговоря» с митрополитом и собором, «уложили есмя и укрепили» приговор о пошлинах. Какое значение власти придавали приговору, видно из того, что Иван III скрепил его своей печатью, митрополит и епископы приложили руки.

Симония издавна была подлинной язвой церкви. По временам русские митрополиты пытались ограничить зло, проистекавшее из продажи церковных должностей. Следуя византийским законам, они ограничивали размеры пошлин за поставление. Но эти меры не достигали цели. Иерархи цепко держались за порядки, освященные византийской церковью и приносившие им солидный доход. Вольнодумцы наподобие псковского игумена Захария резко критиковали симонию. Захарий был наказан как еретик. Тем не менее Иван III, взявшись за очищение церкви, встал на путь, указанный «еретиками». Закон, навязанный иерархам светской властью, был одним из самых радикальных законов в истории русской церкви. Собор торжественно провозглашал немедленную отмену всех и всяческих пошлин за поставление на любую церковную должность. Должностные лица не должны были брать пошлыны и поминки, печатнику и дьяку запрещалось брать мзду «от печати и от подписи» ставленной грамоты. Отменялись как мзда, так и «всякие дары». За нарушение закона не только епископ, но и давший мзду «извергались» из сана.

Закон о пошлинах был безупречен с нравственной точки зрения, но он входил в противоречие с вековой практикой вселенской православной церкви. Приговор символизировал отказ от традиционной ориентации на

византийские правила и законы, с точки зрения которых упразднение пошлин было делом незаконным. Соборное постановление распахнуло двери для вмешательства светских властей во внутренние дела церкви. Процедура снятия иерархов чрезвычайно упрощалась. Зависимость духовного сословия от монарха усилилась.

После утверждения приговора о пошлинах деятельность собора оказалась повернута в новое русло. Старец Нил Сорский с благословения Ивана III поставил на обсуждение вопрос, достойно ли монастырям владеть «селами» (вотчинами). Выступление Нила рассматривали как своего рода манифест нестяжательства. За несколько лет до собора Иван III отобрал у новгородского Софийского дома значительную часть его вотчин. Этот факт бегло упомянут в неофициальной псковской летописи. Но о нем ни словом не обмолвились ни московская, ни новгородская летописи. В глазах новгородского архиепископа и московских высших иерархов покушение на церковные имущества был святотатством, и они не желали затрагивать болезненную для них тему. В псковской летописи сказано, что Иван III предпринял секуляризацию «по благословию Симона митрополита». Едва ли можно сомневаться в том, что согласие главы церкви было вынужденным.

Сделанные наблюдения объясняют, почему московские источники умалчивают о проектах секуляризации на соборе. По существу, в 1503 г. власти попытались распространить новгородский опыт на московские земли, что повлекло за собой острый конфликт между монархом и духовенством.

Обсуждение планов отчуждения церковных земель в 1503 г. не привело к конкретным результатам. Члены со-

бора разъехались, не приняв никакого решения. Тема секуляризации была предана забвению на несколько десятилетий. Светская власть не желала вспоминать о своей неудаче, а церковники, возмущенные преступным посягательством на их имущество, заинтересованы были в том, чтобы предать инцидент забвению. Лишь после смерти Василия III запретная ранее тема стала широко обсуждаться публицистами. Памятники о соборе появились при жизни поколения, не знавшего Нила Сорского и Иосифа Санина и черпавшего сведения о них из уст их ближайших учеников.

Неточности и противоречия в воспоминаниях вполне естественны. Ни в летописных отчетах о соборе, ни в соборных приговорах нет и намек на дискуссию о церковных землях. Все данные о речи Нила Сорского и секуляризационных проектах заключены в поздних публицистических сочинениях. Объясняя указанный парадокс, ряд исследователей стали рассматривать известия о выступлении нестяжателей в 1503 г. как целиком недостоверные. Полагают, что публицисты середины XVI в. сконструировали сведения о столкновении нестяжателей и осифлян на соборе 1503 г.

Книжникам не приходилось конструировать события прошлого. Им достаточно было вспомнить их.

Слабость гипотезы о подложности соборных материалов заключается в том, что она совершенно не объясняет мотивы мистификации, в которой участвовали не один, а многие книжники и богословы, трудившиеся в разное время и принадлежавшие к разным направлениям церковной мысли. Любая из сторон поспешила бы изобличить другую, если бы та допустила грубую фальсификацию.

МИССИЯ ЛЕВАША

Церковное руководство использовало всевозможные аргументы, чтобы отстоять свою собственность. Оно послало во дворец дьяка Леваша Коншина с «речью». Затем глава церкви сам явился к Ивану III с подробными аргументами, изложенными в «списке». Позднее митрополит вторично направил дьяка Леваша к царю с новыми «речами».

Текст «речей» дьяка Леваша несет на себе следы редакторской работы. Бывший новгородский владыка Феодосий, живший на покое в Волоколамском монастыре, сделал приписку к тексту «Соборного ответа», обозначив «речь» дьяка Леваша как «послание». Его помощник вписал перед текстом другой «речи» Леваша заголовок «Второе послание». «Речи» Леваша можно назвать «посланиями» от членов собора к монарху.

Первое «послание» Леваша не оставляет сомнения в том, что церковное руководство было застигнуто врасплох и не успело как следует подготовиться к соборному обсуждению. Момент был исключительно ответственным. Речь шла о материальном благополучии церкви. Духовен-

ству надо было всесторонне аргументировать тезис о неприкосновенности церковных имуществ, чтобы отклонить домогательства светской власти. Между тем первое послание митрополита к государю было совсем кратким и исчерпывалось несколькими предложениями. Глава церкви сослался на императора Константина Великого, а также князей Владимира и Ярослава, при которых святители (белое духовенство) и монастыри «земли держали».

Ко времени вызова во дворец митрополита Симона его канцелярия успела подготовить длинный «список» с подробными аргументами в защиту церковных земель. То ли из-за спешки, то ли из-за того, что Коншина задержали во дворце, Симон так и не решил, кому поручить чтение его новых «речей». По этой причине в заголовке «списка» сказано неопределенно: «сей список перед ним (государем. — Р.С.) чли».

Если бы московский книжник взялся за сочинение «послания» митрополита задним числом, через много лет после собора, он составил бы вероятнее всего образцовое риторическое произведение. Между тем «список» не является связным, литературно обработанным сочинением. Скорее это груда черновых заготовок, подборка цитат из византийских законов, византийских соборных определений и житий. Многие цитаты имеют свои особые заголовки: «От (книг) Бытия», «От Левгитския книги», «От Жития» и пр.

Визит Симона и членов собора к Ивану III и оглашение «списка» не привели к ожидаемым результатам. Митрополиту пришлось еще раз снарядить во дворец доверенного дьяка Леваша. Новое послание митрополита дает наглядное представление о повороте в ходе дискуссии, наметившемся в самом конце собора. Судя по «списку»,

высшее духовенство надеялось вразумить государя с помощью ссылок на византийские авторитеты. Но эти ссылки, очевидно, не произвели должного впечатления. По этой причине весь византийский материал был полностью исключен из второй «речи» Леваша, а акцент сделан на московской традиции и старине.

В первой «речи» Леваша значилось, что при князьях Владимире и Ярославе святители и монастыри «села и земли держали». В «списке» митрополичья канцелярия придала своей аргументации полемическую заостренность: князь Владимир с сыном «грады и села давали святым церквам». Как видно, новая формула вызвала возражение. В результате во втором «послании» Леваша абзац о земельных пожалованиях церкви князей Владимира и Ярослава был опущен. Составители документа вернулись к первой формуле: при Владимире и Ярославе святители и монастыри «села держали».

В последних «речах» Леваша ссылка на авторитет киевских князей приобрела принципиально новый смысл. Митрополичья канцелярия подчеркивала преемственность их с правящей московской династией: киевские князья были поименованы как «твои (Ивана III. — Р.С.) пра-родители», а далее перечислялись владимирские и московские князья. Перечень включал имена великих князей Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Ивана Калиты, «внука блаженного Александра». В последней версии не византийские цари и святые, а московская династия выступала в роли гаранта неприкосновенности церковных имений и доходов. Совершенно очевидно, что члены собора постарались сообразовать свои аргументы с претензиями двора.

В митрополичьем «списке» рассуждения о церковных имуществах были облечены в отвлеченную форму. Симон ссылаясь на «грады, и села, и винограды, и озера, и пошлины», принадлежавшие церкви при Константине. В последних «речах» Леваша фигурировал конкретный перечень статей дохода русской церкви. При владимирских и московских великих князьях, подчеркивал собор 1503 г., церковь «держала» грады, волости, слободы и села, а также «суды, управы, и пошлины и дани церковныя». Споры по поводу «дач» князя Владимира Святославича побудили митрополичью канцелярию включить в «речь» Леваша ссылку на Устав Владимира.

«Речи» завершались словами о том, что и в греческих, и в наших «русских странах» святители и монастыри земли «держали и держат, а отдавати их не смеют (!) и не благоволят, понеже вся таковая стяжания церковная — Божия суть стяжания...». Неповиновение воле государя собор объяснял тем, что «не смеет» отдать Ивану III Божье имущество.

Среди публицистических памятников о соборе 1503 г. выделяется «Слово иное», составленное в стенах Троице-Сергиева монастыря не ранее середины XVI в. Этот источник содержит ценные сведения о планах и домогательствах светских властей. «В та же времена, — повествует автор «Слова», — восхоте князь великий Иван Васильевич у митрополита, и у всех владык, и всех монастырей села поимати... митрополита же, и владык, и всех монастырей из своя казны деньгами издоволити и хлебом изоброчити из своих житниц».

Становится понятным, почему в последнем обращении к Ивану III митрополит и собор четко определили круг доходных статей церкви (суд, управа, дани или де-

сятина), не подлежащих отчуждению. Судя по «Слову иному», монарх намеревался наложить руки на все доходы церкви (включая оброки с сел, десятину и пр.). Взамен он обещал обеспечить монастыри денежным и хлебным довольствием из казны.

В Москве Иван III не мог действовать теми же средствами, что и в завоеванном Новгороде. Он должен был понимать, что применение насилия в отношении московского духовенства вызовет негодование народа. Как бы то ни было, власти решили воздействовать на московскую церковь методами убеждения. От духовенства требовали добровольной жертвы, суля щедрое вознаграждение.

На какие земли претендовала казна в 1503 г.? Данные источников на этот счет противоречивы. В «Житии Иосифа Волоцкого» упоминалась лишь одна категория — монастырские «села». В других памятниках названы епископские земли. Расхождения, по-видимому, объясняются жанром произведения. Автор «Жития» повествовал об Иосифо-Волоколамском монастыре и его основателе, а потому упомянул о тех притязаниях казны, которые непосредственно затрагивали его обитель. Судя по «Соборному ответу», церковному руководству приходилось отстаивать одинаково и епископские, и монастырские вотчины, что полностью совпадает со свидетельством «Слова иного».

Если верить «Слову иному», подлинным героем соборных прений был Серапион. Троицкие книжники — авторы «Слова» хорошо знали Серапиона: в течение десяти лет он управлял обителью как игумен и еще семь лет жил там как опальный старец. Серапион был личностью примечательной. Он родился от «проста родителя» в подмосковном селе и прославился строгой монашеской жизнью.

Будучи избранным на митрополию, Симон Чиж назначил своим преемником на посту троицкого игумена Серапиона, своего ученика и помощника. Человек неробкий и прямой, игумен не раз использовал право «печалования» перед государем и иногда добивался того, чего не могли добиться ни митрополит, ни священный собор. Так, он спас от костра неких «болярынь», осужденных, по-видимому, по подозрению в чародействе. В «Житии» Серапиона упомянуто его выступление на соборе, созванном «дабы не стяжати монастырем сел, и нив, и виноградов».

Когда Иван III и его сын Василий пригласили Серапиона во дворец, чтобы склонить его на свою сторону, тот заявил, что пришел в Троицу, имея посох в руке да мантию на теле, никаких сел монастырю не давал, а значит, и распоряжаться ими не может.

НЕУДАЧА

Иван III не проявлял особых познаний в богословии, но это не мешало ему вмешиваться в церковные дела, исправлять обряды и пр. Собор 1503 г. был для него своего рода школой. Он выслушивал речи нерархов и объявлял свое решение.

Когда монарх впервые объявил свою волю по поводу церковных земель митрополиту и собору, те не посмели протестовать, и «все ему повинуются, бояшеся да не власти своея отпадут». Комментарий современника сводился к тому, что князья церкви боялись за свои места.

Однако некоторое время спустя духовенство преодолело растерянность. По возвращении из дворца Серапион стал укорять своего учителя и пастыря Симона за повторство государю: «Аз убо нищий противу великому князю глаголю. Ты же о сих ничто же не глаголеши». Митрополит попал в затруднительное положение. Всего за четыре года до собора он благословил Ивана III на отчуждение вотчин у новгородского владыки. Теперь он должен был испытать ту же чашу. Симон молчал, пока

молчали все прочие члены собора. Протест троицкого игумена и других иерархов подтолкнул его к действиям.

«Соборный ответ» сохранил колорит эпохи. Симон со смирением возражает государю. Автор «Слова иного» приписывает вовсе не свойственные Чижу мужество и дерзость. Владыка отверг требования Ивана III, сказав: «Аз убо сел пречистыя церкви не отдаю, ими же владели прежние митрополиты и чюдотворцы Петр и Алексей».

Из «Соборного ответа» следовало, что митрополит ссылался на авторитет митрополитов Петра, Феогноста и Алексея. Автор «Слова иного» опустил упоминание о византийце Феогносте, не сподобившемся канонизации.

Новгородский архиепископ Геннадий выступил на соборе сразу после митрополита, как и полагалось ему по чину. Слова Геннадия отличались горячностью и задели Ивана III. Государь вмешался в дискуссию, оборвав князя церкви. Современник объяснил поведение государя тем, что новгородский архиепископ успел скомпрометировать себя «сребролюбием»: «Многим лаянием уста ему загради, веды его страсть сребролюбную».

Иван III нечасто терял терпение. На соборе он заставил иерарха замолкнуть, набросившись на него с бранью — «лаянием».

Великий князь мог рассчитывать на успех задуманного дела при одном неременном условии: ему обязательно нужна была поддержка влиятельных духовных лиц. Наибольшие надежды Иван III возлагал на Нила Сорского, ученика Паисия Ярославова. В своих сочинениях Нил никогда не говорил прямо о монастырских имуществвах. Но он признавал скит идеальной формой иноческого жития. В «Предании» Нила подчеркивалось, что монахи «дневную пищу и прочаа нужная потребы» должны получать «от праведных трудов

своего рукоделия и работы». Пустынник осуждал присвоение чужого труда. Из его поучений следовало, что иноки могут владеть лишь землями, которые они обрабатывают своим трудом, но не селами, населенными оброчными крестьянами. Вся практика учрежденного Нилом пустынножительства вела к отрицанию монастырских «стяжаний». Рассчитывая на поддержку заволжских пустынников, Иван III и Василий III вызвали в Москву старцев Нила и Дионисия. Автор «Слова иного» так излагает результаты встречи монарха с иноками святой жизни: «Приходит же к великому князю и Нил, чернец з Белоозера, высоким житием славный сын, и Денис, чернец Каменский, и глаголют великому князю: "Не достоин чернцем сел имети"».

«Слово иное» передало речи заволжских старцев, по видимому, наиболее точно. Нил и Дионисий отнюдь не предлагали насильственно изымать вотчины у монастырей. Они ставили вопрос в моральной плоскости: достойно или недостойно для иноков владеть вотчинами.

Кроме «Слова иного», о выступлении Нила Сорского сообщают два других публицистических памятника — «Прение с Иосифом» и «Письмо о нелюбках», возникшие не ранее конца 40-х — начала 60-х гг. XVI в. Составители этих памятников засвидетельствовали, что Иван III «повеле быти на Москве святителем, и Нилу и Осифу, попов ради, иже дръжаху наложниц; паче же рещи — восхоте отымати села у святых църквей и у монастырей». Подобно Нилу, Иосиф Санин отстаивал принцип нестяжательства, отрицая личную собственность монахов. Власти, по видимому, рассчитывали на его помощь. Однако волоцкий игумен не оправдал их надежд. Как следует из «Письма о нелюбках», едва Нил стал говорить, чтобы у монастырей сел не было, и его поддержали «пустынники белозерские», Иосиф «нача им

вопреки глаголати». В «Житии» Иосифа его участие в соборе охарактеризовано одной неопределенной фразой: «И в сих же съвопрошаниях Иосиф разумно и добре, различия лучшая к лучшим, смотря обоюду ползующая». Авторы «Жития Серапиона», заимствовавшие ряд отрывков из «Жития Иосифа», в сходных выражениях характеризуют поведение Серапиона на соборе. В своих сочинениях Иосиф Санин выступал как яростный защитник церковных и монастырских имуществ. Кто бы ни покушался на владения святой церкви и монастыря, «князь или ин некий... — писал игумен, — будет проклят». На соборе Санин действовал заодно со всем высшим духовенством. Автор «Письма о нелюбках» утверждал, будто на соборе присутствовал старец Паисий Ярославов, учитель Нила, который в действительности умер до 1503 г.

Паисий жил в Каменском монастыре на Кубенском озере. Из этого монастыря на собор прибыл его ученик старец Денис. Речь на соборе произнес Нил: «Егда совершися собор о вдовых попех и о дияконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием, а с ним пустынники белозерские». «Письмо о нелюбках» дало историкам основание утверждать, будто Нил и другие заволжские старцы отстаивали на соборе идею секуляризации монастырских земель.

Данные «Слова инога», а также подлинные сочинения учеников Нила свидетельствуют, что нестяжатели никогда не выступали за насильственное вторжение государства в сферу имущественных прав церкви. Речи Нила клонились к тому, чтобы убедить монахов добровольно отказаться от «сел», ввиду того что владение вотчинами недостойно монашеского жития. Только на этом пути христианского самоотречения иноки и могли спасти себя.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

Иностранных путешественников поражало обилие и богатство монастырей на Руси. По их весьма приблизительным подсчетам, в собственности у черного духовенства находилось до трети всех обработанных земель в государстве. Приведенная цифра, вероятно, преувеличена. Но надо заметить, что монастырские вотчины были в цветущем состоянии в отличие от прочих земель, в особенности мелких вотчин детей боярских.

В последние годы жизни Иван III был захвачен идеей секуляризации. Отобрав у церкви ее земельные богатства, великий князь получал возможность довести до конца все задуманные им начинания, упрочить самодержавную власть. Василий III разделял планы отца. Завладеть землями московской церкви Иван III мог при одном обязательном условии — поддержке со стороны Боярской думы. Но добиться такой поддержки оказалось трудно.

Из бояр в пользу планов секуляризации решительно высказался один Василий Борисов-Бороздин, «тферския земли боярин». У тверской знати были свои сче- ты с выс-

шим руководством церкви, вставшим на сторону Москвы в вековечном споре Москвы и Твери.

Борисовы-Бороздины появились на московской службе до падения Твери. После передачи Тверского великого княжества под управление наследника московского престола Ивана Молодого Борисовы-Бороздины вернулись в тверскую думу. По родословне В. Борисов был «в боярах на Москве и во Тфери».

Московская аристократия неизменно пользовалась поддержкой высших московских иерархов, что и определило их взаимоотношения.

В московской думе в 1503 г. сидели князья Патрикеевы (Д.В. Щеня), Оболенские, тверские (В.Д. Холмский), ярославские (С.Р. Ярославский), бояре Захарьины (Я. Захарьин). Никто из них не был причислен автором «Слова иного» к числу сторонников секуляризации. Но их имена не названы и среди тех, кто защищал церковное землевладение. Дума была запугана казнью Ряполовского и Ромодановского и в трудный час, видимо, предпочла умыть руки.

Веками московская знать щедро жаловала монастырям земли на помин своей души и на устройство души родителей. Теперь она не желала рушить то, что воздвигала вечного ради блаженства.

Вместе с московским духовенством бояре строили государство, с благословения святителей объединяли землю. Применение мер принуждения в отношении собственного духовенства мало кто одобрял. Даже среди сыновей Ивана III не было единодушия. Планы государя одобряли лишь Василий, а вместе с ним Дмитрий, третий сын великого князя. Они «присташа к совету отца своего».

Старший из удельных князей Юрий Дмитровский не посмел открыто перечить отцу, но четко дал понять, что не одобряет его затеи. «Князь же Георгий всесветлое, — повествует автор «Слова иного», — ничто же о сих не глаголах». Троицкий книжник высоко оценил поведение удельного государя, назвав его «всесветлым».

Вскоре после собора князь Юрий в знак милости выдал игумену Серапиону жалованную грамоту на села. Грамота подкрепила незыблемость монастырского «стяжания» и привилегий.

ДИНАСТИЯ И ЕРЕСЬ

На соборе 1503 г. присутствовали «дьяки введеня», не названные по именам. К числу самых известных дьяков Ивана III принадлежали, помимо Курицыных, родной брат Нила Сорского Андрей Майко, дьяки В. Долматов, Д. Мамырев и др. С докладом на соборе 1503 г. выступил кто-то из названных лиц. Следуя воле Ивана III и его соправителя Василия, «дьяки введеня по великому князю глаголаху: Не достоин чернцом сел имети».

Митрополит Симон и священный собор продолжали упорствовать и в конце концов выиграли дело. Великий князь Иван не смог навязать духовенству угодное ему решение из-за противодействия духовенства и Боярской думы. Недовольные могли действовать в рамках закона, так как великий князь Дмитрий-внук был на их стороне.

В отличие от Дмитрия Василий энергично выступил в защиту идеи секуляризации. Опыт секуляризации, проведенной в Новгороде, подкреплял планы великого князя.

Предчувствуя близкую кончину, Иван III наконец решил разрубить затянутый узел и объявил своим единственным наследником Василия.

11 апреля 1502 г., как значится в летописи, «князь великий... положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его мать на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их поминати в сктеньях и литиах, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы».

Опальных посадили «за приставы». Иначе говоря, их оставили на своем дворе, но под присмотром приставов. Государь запретил молебен за здоровье опальных. Таким образом они были исключены из состава династии.

Дмитрия могло бы спасти от тюрьмы заступничество Боярской думы и митрополита. Но руководство думы было разгромлено, а церковь была поглощена заботами о том, как удержать земельные богатства, на которые посягал великий князь.

Государь не позаботился о том, чтобы подыскать серьезные поводы для заточения в тюрьму коронованного великого князя Дмитрия. Один из летописцев записал, что мать и сын были арестованы «за некое их прегрешение». В чем заключалось «прегрешение», современник не объясняет.

Через несколько дней после ареста внука Иван III «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Володимерьское и Московское и всеа Руси самодержцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси». В этом и заключалась главная причина опалы на внука. Трон надо было очистить для Василия.

Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн потратил много сил на то, чтобы разузнать правду о династической борьбе в Москве. Он писал: «Говорят, Софья была очень хитра, и по ее наущению князь (Иван III) делал многое. Рассказывают, что, между прочим, она убедила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на

его место Гавриила (Василия III). По настоянию жены князь заключил Димитрия в тюрьму и держал его там. Только перед смертью он призвал к себе Димитрия и сказал ему: «Дорогой внук, я согрешил перед Богом и тобою, заключив тебя в темницу и лишив законного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами»».

Иван III не помышлял об умерщвлении внука, но желал, чтобы потомство примирилось у его гроба. Было еще одно обстоятельство. По обычаю государь, вступая на трон, объявлял об амнистии. Иван III должен был подготовиться к этому шагу наследника. В народе Дмитрий-внук был популярен, и если бы Василий не простил племянника Дмитрия, на это обратили бы внимание.

Были и другие причины, побудившие властелина Кремля вспомнить о низложенном внуке Дмитрие. Мать Дмитрия, еретичка Елена Волошанка, умерла в заточении 18 января 1505 г. В глазах московских властей именно она, а не ее юный сын была ответственна за интриги в пользу сына Дмитрия.

В 1505 г. в Нарве было получено известие, что великий князь смертельно болен, сын Василий должен ему наследовать, «хотя русские более склонны к его внуку, отчего между детьми великого князя назревает большая распря». Иван III должен был считаться с народными настроениями. Однако в завещании великого князя имя Дмитрия не упоминалось.

По словам Герберштейна, едва тюремный узник Дмитрий вышел от деда, как «был схвачен по приказу дяди Гавриила (Василия) и брошен в темницу».

Условия его содержания резко ухудшились. В Устюжской летописи находим такую запись: «Того же лета князь

великий Иван Васильевич посадил сына своего Василья Ивановича на великое княжение, а внука своего князя Дмитрея Ивановича посадил в камень и железа на него положил». Дмитрий прожил еще четыре года, а затем был умерщвлен. «Одни полагают, что он погиб от голода и холода, другие — что он задохнулся от дыма», — писал Герберштейн.

Что ускорило расправу с тюремным сидельцем? Еще в 1505 г. Василий устроил смотр дворянских девок-невест и женился на Соломонии Сабуровой. Четыре года спустя стало ясно, что брак неудачен, так как жена бесплодна. Отсутствие наследника у Василия подало надежду сторонникам Дмитрия, права которого на трон были неоспоримы. В такой ситуации Василий III в 1509 г. решил покончить с племянником. Объясняя опалу Дмитрия-внука, русские дипломаты объявили за рубежом, что внук строптив и непослушен, «не служит и не норовит» деду Ивану III.

Дмитрий подвергся опале потому, что потерпел поражение в борьбе за власть. Как писал Иван IV в письме Курбскому, Дмитрий и его сообщники на великого государя Василия «многия пагубы и смерти умышлял». Будучи сыном Василия, Иван IV сместил акценты. Дмитрий представлял старшую ветвь династии и был коронован на трон, а следовательно, именно удельный князь Василий умышлял «пагубы» на великого государя и был заговорщиком. Увлечшись обличением предков А.М. Курбского, царь утверждал, будто на стороне Дмитрия выступил отец Курбского. Можно полагать, внука поддерживала и вся прочая знать в думе, с недоверием следившая за интригой удельного князя.

Арест Дмитрия не повлек за собой репрессий против знати. Иван III избегал раздора с могущественным боярством.

Гонения на еретиков способствовали государственному перевороту, приведшему к власти Василия III. Сохранилось письмо Иосифа Волоцкого к духовнику Ивана III Митрофану. В письме Санин вспоминал о покаянии государя и обещании наказать еретиков, данном ему более года назад, — «уже тому другой год от Велика дня (Пасхи. — *Р.С.*) настал». Полагают, что упомянутое письмо было написано Саниным после Пасхи 1504 г., а покаяние имело место на Пасху 1503 г. Письмо Санина в самом деле можно отнести ко времени, предшествовавшему расправе с еретиками в 1504 г. Но надо иметь в виду, что еретики подверглись осуждению после «розыска по городам». Поездки и допросы отняли много времени. Санин сетовал, что Иван III забыл о своем обещании и не послал судей в города «обыскивать» еретиков. Очевидно, Санин составил письмо после Пасхи 1503 г., а покаяние Ивана III имело место на Пасху 27 марта 1502 г. Государь доверительно сообщил Иосифу, что он прежде того покался в своей вине («ведал еретиков», а не преследовал их) и митрополит и епископы уже простили его.

Смысл покаяния раскрылся в последующих беседах. Еретик Ивашка Максимов, жаловался Иван III, «сноху у мене мою в жидовство свел». Вспоминая о первой беседе с самодержцем, Санин горевал об упущенных возможностях: «Туто же было мне ему бити челом, чтоб государь послал... обыскивати еретиков, и (чтобы) князь великий посла мя на дело (обыск. — *Р.С.*)». Упоминание о посылке «на дело» вызвало много предположений ученых. По-

лагают, что Иван III хотел заручиться согласием игумена Иосифа «на проведение своих мероприятий» в отношении церкви, либо через Санина рассчитывал получить выморочный Рузский удел и пр. В действительности покаяние великого государя было вызвано отнюдь не мелочными соображениями. Речь шла о будущем трона. Обращение к церкви объяснялось той ролью, которую митрополит играл при коронации монарха. Прошло несколько лет с того дня, как глава церкви совершил миропомазание Дмитрия-внука и короновал его княжеским венцом в Успенском соборе. Теперь Иван III задумал лишить трона законного наследника и соправителя и передать власть удельному князю Василию, рожденному во втором браке. Государю пришлось подумать о том, чтобы обосновать свой шаг и обеспечить новому наследнику благословение церкви.

Покаяние подчинено было политическим целям. Мать Василия III, Софья, завоевала репутацию стойкой поборницы православия. Мать Дмитрия-внука, Елена, покровительствовала вольнодумцам и слыла еретичкой. Акт о низложении законного и «богоизбранного» государя, удостоенного миропомазания, Иван III задумал преподнести как акт спасения истинной веры от ереси. Сын еретички не мог возглавлять православное святорусское государство — «Новый Константинополь».

Московские еретики критиковали церковное «предание» и основанный на нем институт монашества, отвергали «иноческий образ» в принципе и тем самым оправдывали секуляризацию монастырских земель. Арест Елены Волошанки и покаяние Ивана III предопределили крушение так называемой еретической идеологии русских вольнодумцев, что помогло официальной церк-

ви провалить правительственную программу на соборе 1503 г.

Иерархи, оказавшие наибольшее противодействие Ивану III на соборе, не избежали наказания.

Геннадий сразу по возвращении в Новгород «начят мзду имати у священников от ставления наипаче первого», т.е. больше прежнего. Приговор об отмене «мзды» за поставление был продиктован собору Иваном III, и иерархи имели все основания считать его незаконным. Архиепископ Геннадий бросил открытый вызов властям. Но он лишь выразил общее отношение высших иерархов ко вновь принятому указу.

Новгород находился в прямом подчинении у Василия Ивановича, великого князя Новгородского и Псковского. Можно полагать, что санкции против Геннадия были осуществлены не Иваном III, доживавшим последние месяцы, а Василием III. В 1504 г. в Новгород приехали «Юреи Дмитрея Володимерова сын» (Ю. Грязной-Головин) и сын боярский И. Телешов с митрополичьим боярином. Посланцы Москвы опечатали софийскую казну и 1 июня того же года увезли Геннадия в столицу. 26 июня 1504 г. владыка отрекся от архиепископского сана «поневоле» и был отправлен в Чудов монастырь. Там он и скончался полтора года спустя.

Вместе с Геннадием «встречи» Ивану III говорил Серапион. Авторы «Слова иного», похвалив его мужество, попытались доказать, что его ждало наказание и мученичество, но небесные силы заступились за игумена. Свою версию они подтвердили такими фактами. Некие дворцовые крестьяне из села Илемна пожаловались, что их соседи, крестьяне Троице-Сергиева монастыря, наруши-

ли межу. Иван III велел оштрафовать монастырь. (Дело было малозначительным, соответствующим, вероятно, был и размер штрафа). Власти потребовали, чтобы троичские старцы предъявили им грамоты, подтверждающие права монастыря на его вотчинные владения. Иноки боялись, что Иван III без соборного приговора отберет у них земли, на которые у них не было грамот. Чтобы отвести беду, Серапион и братия усердно молились, не отходя от раки Сергия Радонежского ни днем, ни ночью. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не вмешательство провидения, о чем автор «Слова иного» упоминает с видимым удовольствием. У больного Ивана III случился удар. Князь послал старцам просьбу о прощении, а те «славу воздаша Богу, великого князя самодержца смирившаго».

Архиепископ Геннадий попал в заточение и не смог завершить свой поход на еретиков. Его дело продолжил Иосиф Санин. Между 1492 и 1504 гг. он в основных чертах завершил работу над главным сочинением своей жизни — «Сказанием о новоявившейся ереси новгородских еретиков». Почитатели таланта Санина со временем называли его труд «Просветитель». Оценивая значение осифлянских идей, Г. Флоровский отметил, что Иосиф всю жизнь оставался равнодушен и недоверчив к богословскому творчеству, а в целом проповедь осифлян не благоприятствовала культурному подъему.

СОЖЖЕНИЕ ВОЛЬНОДУМЦЕВ

В свое время архиепископ Геннадий, решив одним ударом покончить со своими противниками, объявил их тайными приверженцами иудейской веры, воспринявшими учение от некоего «жидовина». Архиепископ непосредственно руководил розыском, сам допрашивал новгородцев и имел возможность выпытать у еретиков имя их учителя. Ему надо было назвать его, чтобы подтвердить достоверность своих обвинений. Но Геннадий не знал этого имени, а потому и не назвал его.

Иосиф Санин жил в удельном монастыре за пределами Новгородской земли и писал позже, чем Геннадий. У него не было таких источников информации, как у архиепископа. Тем не менее Иосиф назвал шесть еврейских имен и составил «точную» генеалогию распространения «жидовства» в Новгороде. По утверждению Санина, проповедь иудаизма начал «жидовин Схария» (местная транскрипция имени Захарий), а затем в помощь ему из Литвы явились «инии жидове, им же имена Осиф, Шмойло, Скарявей, Моисей, Хануш». Я.С. Лурье убедительно доказал, что сведения о Захарии (Скаре) легендарны. На

самом деле Санин не мог назвать ни фамилии, ни прозвища ересиарха, ни места в Литве, откуда он прибыл. Что касается имени Захарий, то оно было весьма распространенным среди евреев.

Историки пытались отождествить мифического Схарию с реальным лицом — «таманским князем» Захарием (Скарой). Завоевание турками Тамани вынудило местного князя в 1480-х гг. обратиться в Москву, где его поначалу почитали «евреянином», а затем стали называть то «черкасином», то «фрязином». Захарий Гвизольфи, переписывавшийся с Иваном III, происходил по матери из черкесского рода, по отцу из знатной генуэзской семьи Гвизольфи, традиционно придерживавшейся католической веры. С Тамани Гвизольфи бежал в Крым. Ни о каких поездках его в Литву или на Русь ничего не известно, как и о проповеди этим несомненным католиком иудаизма. Некий «жидовин» Захарий (Скара) излагал иудейские догмы русскому послу в Крыму Д.В. Шеину, о чем мы узнаем из послания инок Саввы. Однако отождествить его с Гвизольфи или со Схарией из Литвы нет оснований.

Иван III держался традиционных взглядов и требовал от Санина доказательств того, что убийство еретиков не является грехом и угодно Богу. Книга Иосифа с подробной росписью распространения иудаизма в России должна была избавить монарха от сомнений и колебаний. Из росписи следовало, что Схария совратил Дениса и Алексея. Алексей совратил Гавриила и Клоча. Клочь «научи Григория Тучина жидовству» и т.д. Алексей якобы стал зваться по-еврейски Авраамом, жену «нарекоша Сарра». Санин не мог привести никаких доказательств исполнения еретиками иудейских обрядов и ограничился неясными намеками на то, что неким еретикам (Ивану Чер-

ному и Игнату Зубову) удалось «отбежати и обрезать в жидовскую веру». Названные лица скрылись за рубежом и успели умереть лет за 15 до собора 1504 г., обвинения против них не поддавались проверке. Живых еретиков Санин обвинил в двурушничестве, тем самым отняв у них всякую надежду на оправдание. Перед «ведящим писание» еретики якобы прикидывались православными; зато простых людей соблазняли «жидовством».

Иосиф не жалел красок, расписывая опасность, которую несут церкви расплодившиеся еретики. Он писал, что ныне «еретиков умножилось по всем городам, а христианство православное гинет от их ересей». Однако поименно Санин мог назвать лишь очень немногих лиц, уцелевших от расправ в 1490 г.

В «Книге на еретиков» всю силу гнева Санин обрушил на Федора Курицына. Главный новгородский еретик Алексей давно умер, а среди уцелевших Курицын высился подобно горе. Второго столь же выдающегося деятеля среди них не было. Чтобы покончить с Курицыным, Иосиф решился на неслыханную дерзость. Он вслух напомнил о том, что Курицын занимался чернокнижием, будучи в приближении у Ивана III. «Толико же дръзновение тогда имеаху к державному протопоп Алексей и Федор Курицын, яко никто ж ин звездозаконию бо прилежаху, и многим баснотворениемъ, и астрологи, и чародейству, и чернокнижию».

Санин с видимым удовольствием описывал «сатанинскую» смерть еретика Алексея, муки в заточении еретика Захария. Он не преминул бы упомянуть о наказании и кончине Курицына. Но ни в «Книге на еретиков», ни в последующих его посланиях такого упоминания нет.

Отсюда следует, что Курицын был жив ко времени розыска и, возможно, избежал пыток и жестокого наказания. Отсутствие среди подсудимых и среди казненных главного обвиняемого — это лишь одна загадка страшного процесса 1504 г.

Чтобы организовать суд над еретиками, волоцкий игумен предложил начать прямо с арестов, «поймав двух-трех еретиков, а оне всех скажут». Расчет Санина был безошибочным. Взятые под стражу, люди не выдерживали пыток и оговаривали своих ближних.

Среди лиц, осужденных на соборе 1504 г., на первом месте стояли в Москве брат Федора Волк Курицын, в Новгороде протеже Федора юрьевский архимандрит Касьян с братом Ивашкой, зять протопопа Алексея Ивашка Максимов и т.д.

27 декабря 1504 г. Иван Волк Курицын, Митя Коноплев, Иван Максимов были сожжены в Москве в деревянном срубе. Вместе с названными лицами московский собор осудил подьячего Некраса Рукавова. Некрас имел поместье в Водской пятине, и его отправили для наказания в Новгород. Можно было бы предположить, что судьи пощадили помещика для обличения новгородских сообщников.

Однако это не так. Прежде чем отправить подьячего в Новгород, ему урезали язык.

Пока еретики имели могущественных покровителей в Москве, Геннадию приходилось терпеть унижения. Вторым лицом в новгородской иерархии после архиепископа был юрьевский архимандрит Касьян, единомышленник и креатура Федора Курицына.

Касьян получил пост вопреки воле владыки. Лишь в заточении Геннадий узнал, что его врага Касьяна постиг-

ла кара. Московские наместники сожгли на костре Касьяна, его брата Ивашку, новгородцев Гридю Квашню и Митю Пустоселова. До назначения в Новгород Касьян был московским монахом. Новгородские казни явились отзвуком московского суда.

На процессе 1504 г. еретики поначалу решительно отстаивали свою принадлежность к православию и отказывались каяться. Однако казни и гонения устроили их, и они «сознались» в «жидовстве».

Иван III велел еретиков «овех огню предати, овех же языки изрезывати и иными казнями казнити, они же, видеша таковую свою беду, вси начаша каятися».

КОНЧИНА

7 апреля 1503 г. умерла Софья Палеолог. Она была погребена в соборе Вознесенского монастыря в Кремле. С наступлением лета 1503 г. заболел — «начат изнемогать» Иван III. Врачи ничем не могли помочь больному, и тот обратился к традиционному русскому средству. Бросив все дела, государь с семьей покинул Москву и уехал на богомолье. Характерно, что раньше всех государь посетил Троице-Сергиев монастырь.

Молитвы не помогли. У больного внезапно ослеп один глаз, отнялись рука и нога. Иван III не смог оправиться от болезни и 27 октября 1505 г. умер. Как отметил летописец, «государь всея Руси быв на государстве великом княженьи после отца своего великого князя Василия Васильевича лет 43 и 7 месяц, а всех лет живота его 65 и 9 месяц».

В.Н. Татищев подробно описал кончину Ивана III. Но он опирался на источники, которые не сохранились до наших дней и не поддаются проверке.

Татищев начинает с рассказа о столкновении у постели умирающего: «Великий же князь Иван Васильевич

нача тогда вельми изнемогати и призва преосвященного Симона митрополита, и отца своего духовного протопоппа Иеремяя, и чада своя, проси, да сотворят над ним соборование елеем. Митрополит же нача его увесчевати, да восприимет святыи ангельский чин. Он же рече: «Что мне пользует пострижение влас, их же множицею стригох, и ростяху паки; или что пользует черная одежда, юже и преж носих; асче не будут дела моя Господу Богу приятна, и ныне уже не имам время благо что сотворити, но едино есть, еже каятися в гресех своих и смиритися, их же неправедне ведением и неведением оскорбих». И повеле духовную читати во услышание».

Митрополит имел причины настаивать на пострижении монарха. Он недавно одержал верх в споре о монастырских имуществвах и теперь хотел закрепить успех. Переход государя в монашеский чин стал бы важным аргументом в пользу неприкосновенности монастырских имуществ.

В ответ умирающий сказал, что стригся много раз, но ничего от этого не изменилось, волосы отрастали вновь.

Ответ Ивана III мог бы быть образцом вольнодумства. Но нет никаких доказательств, что Татищев передал речи князя, а не сочинил их сам.

Кончина Ивана III повлекла за собой общую амнистию: «Повеле же всех заключенных в темницах за его вины откупити из казны своя».

Иван III наделил всех сыновей уделами. Под конец пригласил к себе думу: «Раздели же чада своя: великое княжение поручи большому своему сыну князю Василью Ивановичу, Георгию даде Дмитров, Димитрию Углич, Семиону Калугу, Андрею Старицу; и заповедав им во всем повиноватися старейшему брату».

Духовная грамота Ивана III была готова, и, по некоторым сведениям, ее огласили у постели больного.

С присущим ему талантом В.О. Ключевский определил значение завещания: «Иоанн в своей духовной дал старшему своему наследнику великому князю Василию важные политические преимущества над младшими удельными братьями. ...Политические преимущества старшего сына были таковы: 1) до сих пор все князья-со-наследники совместно по участкам владели городом Москвой; Иоанн III предоставил финансовое управление всей столицей, сбор доходов с нее одному великому князю, равно как ему же принадлежал и суд по важнейшим уголовным делам во всем городе Москве и в подмосковных селах, доставшихся в удел его младшим братьям; 2) до сих пор все князья, великий и удельные, били свою монету; по духовной Иоанна III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому; 3) до сих пор удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению; по духовной Иоанна III удельный князь, умирая безсыновним, не мог никому завещать свой удел, который в таком случае переходил к великому князю; наконец 4) по договорным грамотам со своими удельными братьями Иоанн III присвоил одному себе право вести сношение с иноземными государствами; удельный князь мог сноситься с чужими государями только с ведома и согласия своего великого князя. Так московский князь, превосходивший прежде удельных князей только размерами своих владений, теперь сосредоточивал в своем лице и наибольшее количество политических прав».

По свидетельству В.Н. Татищева, совещание у постели умирающего завершилось в присутствии Боярской

думы: «Потом призвав вся князи и бояры своя, наказа их, како служить и пребыти великому князю и всей Руской земле, и старатися соединити всю Русь воедино, а бесурманы покорити. И приим от всех просчение, причастися святых и животворящих тайн, отъиде ко Господу».

Автор панегирика определил значение царствования Ивана III в таких выражениях: «Сий блаженный и достохвальный великий князь Иоан Великий, Тимофей прежде нареченный, многии княжения к великому князю присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во безконечныя веки».

Казанский хан Мухаммед-Эмин, узнав о смертельной болезни Ивана III, поднял мятеж и избил всех русских купцов, схваченных в Казани, после чего призвал на помощь Ногайскую Орду и осадил Нижний Новгород. Местный воевода Иван Хабар Симский не побоялся вооружить пленных литовцев и с их помощью отбил нападение татар. Посланный на выручку князь Василий Холмский, сын знаменитого военачальника, от боя с татарами уклонился и с другими воеводами отправился в Муром. Там он «пияху и веселяхуся, а татарове от Нижняго ездяче до Муроме, волости пленяху».

Позднее Холмский был сослан на Белоозеро и заточен там в тюрьму, из которой живым уже не вышел.

ЭПИЛОГ

Итогом длительного правления Ивана III было уничтожение почти всех старых уделов. Однако это не привело к перестройке системы управления государством на новых основах.

Духовная грамота Ивана III возродила систему удельных княжеств в стране. Государь дал «ряд своим сыном», наделив уделами всех четырех братьев Василия III. Каждый из удельных получил долю как в Московском, так и в Тверском великом княжестве.

Мировоззрение Ивана III было насквозь проникнуто духом старых традиций.

Ни один московский князь не достиг таких успехов в деле объединения великорусских земель, как Иван III. Он подчинил Москве Новгород Великий и Тверь, столицы крупнейших земель. Опасность повторения кровавой смуты не была устранена, но значительно уменьшилась. Порядки раздробленности все больше уходили в прошлое.

Иван не только объединял великорусские земли, но и заботился о том, чтобы связать их с помощью ямов. Система ямской гоньбы была заведена на Руси татарами при

завоевании. Иван III заботился о поддержании ямской службы и составил такой наказ наследникам: «А сын мой Василей на своем великом княжене държит ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах при мне. А дети мои, Юрьи з братею, по своим «отчинам» дръжат ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы по дорогам при мне». На ямах несли службу ямщики, при которых находились подводы с лошадьми. Страсть русских к быстрой езде как черта характера уже начала формироваться. Препоной для езды было лишь классическое российское бездорожье.

Одни авторы называют Ивана III великим, выдающимся деятелем своего времени. Другие клеймят его как деспота, «зловещую личность». Внук Ивана III вошел в историю с прозвищем Грозный. У Ивана III не было такого меткого прозвища.

В распоряжении исследователя очень мало свидетельств, характеризующих личность Ивана III. Нет писем князя, а дневников он никогда не вел. Приходится довольствоваться случайными упоминаниями. Одно из таких упоминаний заключено в записках итальянца Контарини, посетившего Москву в 1476 г. По его словам, московский князь «...был высок, но худощав, вообще он очень красивый человек».

Приведенные слова помогают понять, что подразумевали современники, называя Ивана III великим. Скорее всего они имели в виду не его великие дела, а его высокий рост.

Холмогорский летописец упомянул о другом прозвище Ивана Васильевича — Горбатый. Видимо, в 36 лет князь производил впечатление высокого человека, а в шестьдесят — горбуна.

По свидетельству литовского хрониста, Иван III был «муж сердца смелого и рыцар валежный». Похвала заключала в себе преувеличение. Иван III не унаследовал от своих предков Александра Невского и Дмитрия Донского ратного таланта. Памятуя об участии отца, попавшего в плен к татарам, свергнутого с трона и ослепленного братьями, он не водил полки в бой и посылал в походы против ордынцев опытных воевод. Между тем в Средние века воинская доблесть почиталась едва ли не главной доблестью государя.

Факт остается фактом. Именно при Иване III Россия покончила с татарским игом и обрела государственную независимость.

Куликовская битва была одной из самых кровопролитных битв в русской истории. Рать Дмитрия Донского почти вся полегла на поле боя. На реке Угре русская армия, как и Орда, избежала сколько-нибудь значительных потерь.

Предприняв несколько походов, Иван III надолго подчинил Казанское ханство, осколок Золотой Орды — империи завоевателей-монголов.

Иван III первым из московских князей пытался утвердиться в Прибалтике. Однако эти его попытки закончились неудачей.

На границе с Ливонским орденом, на реке Нарова, была воздвигнута мощная крепость, названная в честь князя Ивангород. Крепость стояла на реке Нарова против немецкой Нарвы.

Ивана III обвиняли в жестокости. Поводом к такому обвинению послужили казни еретиков. Но надо иметь в виду, что Иван III, пока был у кормила власти, не позволял казнить еретиков. В два-три последних года жизни

он тяжело заболел и отстранился от дел, и только тогда ортодоксы осифляне смогли сжечь еретиков.

Иван III длительное время противился казни вольнодумцев и еретиков. Его покровительство благоприятствовало расцвету нестяжательства как особого течения религиозной мысли.

При Иване III в Москве появился первый свод законов России — «Судебник» 1497 г. Составителями его были дьяки, трудившиеся под эгидой великого князя и бояр.

При Иване III в России народилась поместная система, что определило развитие таких учреждений, как двор и дума. Двор превратился в Государев двор, а дума — в Боярскую думу. Старое боярство постепенно уступило место служилому поместному дворянству.

Дума стала представительным органом московской аристократии. Подле нее появились первые приказы — Казна, ведавшая финансами, и Дворец, управлявший великокняжескими вотчинами. Государев двор объединил верхи служилого дворянства. С появлением приказов на Руси зародилась бюрократия. Но ее роль в управлении была еще невелика.

В конце XV в. казалось, что Россия, потеряв духовного пастыря в лице Византии, готова искать пути сближения с западным христианским миром. Однако разрыв с греками после Флорентийской унии и падения Византии, отказ от наметившегося поворота в сторону католического Запада положили начало кризису московской духовной культуры. Торжество официальной церкви и самодержавных начал, утверждение идеи исключительности Москвы — «третьего Рима» способствовали изоляции России в то время, когда она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы.

В XV в. Италия пережила эпоху Возрождения. Ее влияние распространилось на многие государства Европы, среди которых была и Россия. Иван III ценил западную культуру и неустанно хлопотал о приглашении в Россию западных мастеров. Его брак с Софьей Палеолог приоткрыл двери на Запад, до того плотно закрытые. По приглашению Ивана III в Москву явились медики и архитекторы, финансисты, ювелиры, каменщики и денежные мастера. Многие из приглашенных мастеров оставили глубокий след в истории русской культуры.

Приступив к завоеванию Новгорода, Иван III задумал перестроить ансамбль Кремля. Московские мастера получили задание перестроить главный кремлевский храм — Успенский собор, который должен был затмить новгородскую Софию. Однако, когда строительные работы подходили к концу, собор рухнул. В 1475 г. в Москву был приглашен итальянский мастер Аристотель Фиораванти из Болоньи. Власти предложили ему взять за образец Успенский собор во Владимире. Московский собор повторил многие черты своего образца. Храм был построен «палатным образом». (Палата — светское здание.) Благодаря этому достигнуто было увеличение внутреннего пространства собора. Современники с восторгом отзывались о величии, высоте, светлости, звонкости и вместительности нового собора. Шедевр Фиораванти — кремлевский Успенский собор в Москве — стал главной святыней православной Московской Руси. На многие десятилетия он стал образцом для русских мастеров, трудившихся в разных городах и землях.

Старый Московский кремль, воздвигнутый при Дмитрии Донском из «белого камня» — известняка, давно об-

ветшал. Из-за множества заплат его полуразвалившиеся стены издали казались деревянными.

Иван III нуждался в новой резиденции, отвечавшей мощи и великолепию его власти. Великий князь задумал построить укрепления заново. Это требовало огромных средств. Иван III изыскал их, невзирая на скудость московской казны. Строительство Кремля не прекращалось на протяжении всей жизни князя.

Для перестройки Кремля Иван III пригласил миланского инженера Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо и других строителей. В 1487 г. Марко Руффо приступил к сооружению Беклемишевской башни. Антон Фрязин выстроил Тайницкую и Свибловскую (ныне Водовзводную) башни, завершив укрепление южной части Кремля. Пьетро Солари воздвиг башни у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а затем вместе с Марко Руффо заложил новую Фроловскую (ныне Спасскую) проездную башню. Солари вывел стену до Боровицкой башни, а также от Никольской башни до Неглинной, где построил Собакину (ныне угловая Арсенальная) башню с родником. Новые укрепления Кремля были построены из кирпича. Башни получили шатровые надстройки в XVII в. После смерти Солари строительные работы продолжил инженер Алевиз из Милана. Он завершил строительство замка в 1515 г. Кремль стал одной из самых мощных крепостей своего времени.

Кремль был не только резиденцией московского князя, но и символом нарождавшейся Российской империи.

В период правления Ивана III Российское государство добилось значительных успехов в разных областях культуры. Казалось, что Русь вот-вот повернется лицом к Западу. Но этого не произошло. Смерть Ивана III повлекла за собой большие перемены.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИВАНА III

1440, 22 января — рождение Ивана.

1445, 7 июля — Василий II взят в плен татарами в битве под Суздалем.

1446, 13 февраля — Василий II захвачен мятежниками в Троице-Сергиевом монастыре.

1447, 17 февраля — ослепление Василия Темного в Москве.

1448, март — княжич Иван послан с войсками во Владимир.

1452, январь — февраль — князь Иван послан с войском на Устюг.

1452, 4 июня — брак князя Ивана с Марией Тверской.

1453, 18 июля — смерть Дмитрия Шемяки в Новгороде.

1458, 15 февраля — родился сын Ивана III — Иван Молодой.

1459 — поход князя Ивана с войсками на Оку против татар.

1462, 17 марта — умер великий князь Василий II Васильевич Темный.

1467, 22 апреля — кончина великой княгини Марии Борисовны.

1467, сентябрь — начало войны с Казанским ханством.

1471, 20 июня — поход на Новгород.

1471, 14 июля — разгром новгородцев в битве на реке Шелонь.

1472, 30 апреля — закладка нового Успенского собора в Москве.

Лето 1472 — набег хана Ахмата на Русь.

- 1472, 12 ноября — брак Ивана III с Софьей Палеолог.
1475, 26 марта — в Москву прибыл Аристотель Фиораванти.
1475, 22 октября — отъезд Ивана III в Новгород для суда.
1477, 9 октября — начало второго похода на Новгород.
1479, 25 марта — рождение княжича Василия (Василия III).
12 августа — освящение нового Успенского собора.
1480, февраль — мятеж Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Осень — «стояние на Угре». Падение ордынского ига.

- 1483, январь — брак Ивана Молодого с Еленой Волошанкой.
10 октября — родился сын Ивана Молодого Дмитрий.
1485, 19 июля — началось строительство нового Московского кремля.

- 15 сентября — падение Тверского княжества.
1486, апрель — ликвидация верейско-белозерского удела.
1487, 9 июля — взятие Казани войсками Д.Д. Холмского.
1489, август — покорение Вятской земли войсками Д.В.

Щени.

- 1490, 7 марта — кончина Ивана Ивановича Молодого.
1491, сентябрь — арест князя Андрея Углицкого в Москве.
1492, весна — закладка крепости Ивангород.
1494, 5 февраля — конец войны с Литвой.
1495, 15 февраля — брак Александра Литовского с княжной Еленой.

20 октября — отъезд Ивана III в Новгород.

1496 — установление дипломатических отношений с Турцией.

- 1497 — принятие Судебника.
1498, 4 февраля — венчание Дмитрия-внука.
1500, 14 июля — разгром литовцев в битве на реке Ведроши.
1502, апрель — князь Василий объявлен наследником.
1503, 7 апреля — смерть Софьи Палеолог.
1505, 27 октября — кончина Ивана III.

СЛОВАРЬ

Боевые холопы — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Боярская дума — совет высших лиц государства (думных людей) при монархе, высший орган государства.

Вече — народное собрание в Новгороде в период республики.

Воевода — военачальник, глава военной администрации города.

Вотчина — частная земельная собственность.

Десятина — площадь поверхности земли, немногим больше гектара.

Двор (см. также **Государев двор**) — учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Дворец — управление собственностью царской семьи, обеспечивавшее нужды царской фамилии и придворных.

Дворецкий — боярин, возглавлявший Дворцовый приказ.

Дворянин — член Государева двора.

Дети боярские (см. также **Сын боярский**) — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе мелкие землевладельцы.

Дьяк — чиновник государственной службы.

Житьи люди — землевладельцы в Новгороде Великом. Ступенью ниже бояр.

Кабала — вид зависимости (по кабале должники работали на господина в счет погашения процентов с долга).

Казенный приказ — управление, ведавшее государственными сокровищами и финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Конюший — глава Конюшенного приказа, ведавшего царскими табунами. Один из старших бояр думы.

Нестяжатели — последователи старца Нила Сорского из северных монашеских скитов, противники обогащения монастырей.

Обжа — мера обложения пашни податями: «Обжа — надел зажиточного крестьянина, “один человек на одной лошади пашет”».

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Осифляне — последователи игумена Иосифа из Иосифо-Волоколамского монастыря под Москвой.

«**Отчина**» — см. вотчина.

Податные люди — налогоплательщики.

Полк большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой, государев — система построения русского войска на поле боя. Авангард — сторожевой и передовой полки; главные силы — большой полк, государев полк; на флангах — полк правой и полк левой руки.

Поместье — государственная собственность, переданная помещикам на условиях обязательной службы царю.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать.

Посошные люди — люди, платившие подати и несшие натуральную повинность в пользу государства. На войне везли обозы и артиллерию.

Приговор — решение царя или Боярской думы.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток.

Разряд — разрядные записи — распоряжения военного ведомства.

Слуга и боярин — один из высших боярских титулов, которые жаловали знатным государственным деятелям.

Столичные гости — высший разряд московских купцов.

Судебник — кодекс законов России.

Сын боярский — см. дети боярские.

Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Тяглые люди — посадские люди и крестьяне, платившие царские подати.

Уезд — административная область.

Уложение — законодательный акт, включавший ряд законов.

Холоп — форма рабства.

Черносошные люди — население, платившее царские подати (налоги).

Черные люди — плательщики царских податей (налогов).

Четверть — одно из финансовых управлений государства.

Юрьев день — осенний, 26 ноября. Нормы Юрьева дня регулировали переход крестьян из одних владений в другие.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

Алексеев Ю.Г. Государь вся Руси. Новосибирск, 1991.

Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. М., 1992.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Бегунов Ю.К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.

Борисов Н.С. Иван III. ЖЗЛ. Москва, 2003.

Вернадский Г.В. Россия в Средние века. Тверь; Москва. 1997.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва. 1997.

Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси (XIV — начало XVI века). М.; Л., 1955.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. Тома V—VIII. Калуга, 1995.

Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. М., 1988.

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 3. М., 1988.

Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999.

Лихачев Н.П. Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897.

Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (официальной редакции) (по 1565 г.). М., 1901.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986.

Скрынников Р.Г. Крест и корона. СПб., 2000.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

Скрынников Р.Г. История Российская (IX—XVII вв.). М., 1998.

Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.

Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. II. Т. 3—4. М., 1988.

Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. III. Т. 5—6. М., 1989.

Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М.; Л., 1951.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Fennell J.L.I. Ivan The Great of Moscow. London, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Московская династия	7
Начало смуты	24
Семейные распри	28
Появление на свет	30
Поражение под Суздалем	34
Ослепление отца	40
Церковная уния	43
Конец междуусобицы	46
Начало правления Ивана III	49
Софья Палеолог	54
Тверское взятие	59
Расправа с братом	61
Пора заговоров	63
Коронация Дмитрия-внука	67
Поругание	71
Война с Ордой	76
На границах	81
Дела церковные	84
Мир	90
Русь деревенская	93

Побойище на реке Шелонь	97
Падение Новгорода Великого	105
Церковные земли	112
Споры с митрополитом	114
Иосиф Волоцкий	126
Летописные свидетельства	133
Отступление Орды	147
«Изумленный» епископ	152
Белый клобук	159
Старец Захарий	161
Пучина мудрости	163
Книжные богатства	166
Споры об иконах	172
Разгром думы	177
Двор и дума	182
У истоков самодержавия	186
Новгородский князь	194
Раздел земель	197
Конец света	205
Соборное судилище	212
Московские еретики	218
Монастыри	223
Нестяжатели	233
Собор 1503 г.	238
Миссия Леваша	242
Неудача	248
В одиночестве	252
Династия и ересь	255
Сожжение вольнодумцев	263
Кончина	268
Эпилог	272
Основные даты жизни Ивана III	278
Словарь	280
Литература	283

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрынников Руслан Григорьевич
Иван III

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

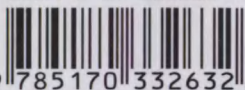
ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени-
«Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

Иван III.
Внук Дмитрия Донского.
Избавитель Московского государства от
татарского ига...
Собиратель земель русских...
Кем он был?
«Зловещей личностью», как называют его
некоторые ученые?
Или выдающейся исторической фигурой,
сыгравшей особую роль в истории России?
На эти и другие вопросы дает ответ книга
известного российского ученого Руслана
Григорьевича Скрынникова.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-033263-7

9 785170 332632